

*Владимир Земля*



*На переломе эпох*



Роман

В двух томах

**Том 1**

Минск  
«ПрестижИздатРеклама»  
2014

# Владимир Валерьевич Земша На переломе эпох. Том 1

*Текст предоставлен правообладателем*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=11634604](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11634604)*

*Владимир Земша На переломе эпох. Роман в двух томах. Том 1: ПрестижИздательство Реклама; Минск; 2014*

*ISBN 978-985-90252-2-8*

## **Аннотация**

Вчерашние курсанты, одев золото офицерских погон, даже и не подозревают, что их ждёт впереди. Они ещё наивны и мечтают о большой любви, о стремительной карьере, о построении справедливого общества социального и национального равенства. Но их уже поджидают разочарование и крушение надежд и ценностей. А страна, которой они присягнули на верность, скоро канет в летопись веков.

Это военный роман о жизни и службе солдат и офицеров ЦГВ в Чехословакии. События проходят в 80-е годы на фоне глобальной «перестройки» взглядов, нравственности и веры. Эта книга о ценностях, остающихся вечными, несмотря на время, просачивающееся как песок сквозь пальцы.

## Содержание

Предисловие	7
Часть первая	9
1.1 (87.08.20) Как упоительно стучат колеса	9
Лето 1987 г	9
1.2 (83.07) Прошлое. Зов грядущего	10
Июль 1983 г. Новосибирский Академгородок	10
Полгода ранее. Хабаровск	10
Июль 1983 г. Новосибирск. Академгородок. Микрорайон «Щ»[1]	11
1.3 (87.08.23) Седьмая рота	13
Август 1987 г. Ружомберок, ЧССР	13
Прошлое	13
Палата	14
Настоящее	14
Плац	18
ДОСы[7]	19
Седьмая рота	19
Губа. Камера	21
Седьмая рота. Канцелярия	21
Седьмая Рота. Кубрик	21
1.4 (87.08.25) Штаб ЦГВ[11]	23
Август 1987 г. Миловицы	23
Гвардейский гумбиненский полк.[13]	25
Общага	25
1.5 (87.08.26) Крестик	29
Август 1987 г. «Оремов Лаз». ЦГВ	29
Прошлое	30
Настоящее	32
Прошлое	34
1.6 (87.08.26) Самораспределение	36
Август 1987 г. Ружомберок	36
Плац	38
1.7 (83.07.) Прошлое. Абитура, первые курсантские шаги	40
Июль 1983 г. Новосибирское ВВПОУ	40
1.8 (87.08.28) Девятая рота	47
28 августа 1987 г. Ружомберок	47
1.9 (87.08.29) Подъём	48
Сентябрь 1987 г. Ружомберок	48
Поздний вечер. Общага	49
1.10 (83.10.) Прошлое. Марш бросок	50
Октябрь 1983 г. Новосибирск, НВВПОУ	50
Расположение роты	53
1.11 (87.08.30) Весёлое воскресенье	55
30 августа 1987 г. Ружомберок	55
Седьмая рота	56
1.12 (83.10.09.) Прошлое. Посвящение в курсанты	58

9 октября 1983 г. Новосибирск. НВВПОУ	58
1.13 (87.09.01.) Прощальное письмо	63
Сентябрь 1987 г. Ружомберок	63
1.14 (84.04.) Прошлое. Трагически погибла здесь	65
30 Апреля 1984 г. Новосибирское ВВПОУ	65
1.15 (87.09.05) Чешская контра	70
Сентябрь 1987 г. Ружомберок	70
Прошлое	73
Сентябрь 1987 г. Ружомберок	73
1.16 (84.05.) Прошлое. Звездный час	75
Май 1984 г. Новосибирское ВВПОУ. ГОК[38]	75
1.17 (87.03) Прошлое. Войсковая стажировка	80
Март 1987 г. Владивосток ДальВО[39]	80
1.18 (87.09.20) Обычный воскресный денек	84
Сентябрь 1987 г. Ружомберок	84
Седьмая рота	84
1.19 (84.09.) Прошлое. Сампо	87
Сентябрь 1984 г	87
1.20 (87.09.23) «Кружка чая»	90
Сентябрь 1987 г. Ружомберок	90
1.21 (84.10.) Прошлое. Зарядка	92
Октябрь 84 г. Новосибирское ВВПОУ	92
1.22 (87.09.24) «Грабово»	95
Сентябрь 1987 г. Ружомберок	95
1.23 (08.02.) Прошлое. Барак	99
Февраль 1985 г. Новосибирское ВВПОУ	99
1.24 (87.03) Прошлое. «Весёлые ключи»[55]. Войсковая стажировка	103
Март 1987 г. Приморье. Барано-Оренбургское. 7 км от границы с Китаем	103
Казарма	106
Санчасть	107
Более раннее прошлое	107
Март 1987	108
Девичьи зори	109
1.25 (86.02.) Прошлое. «Обломки шаттла»	114
Февраль 1986 г. Новосибирское ВВПОУ	114
Прошлое	115
Февраль 1986 г. Новосибирск	117
Сон	119
1.26 (87.09.29) «Долина роз»	122
Сентябрь 1987 г. д. Ликавка, близ г. Ружомберок	122
1.27 (86.02.) Прошлое. «Приказано забыть!»	126
Февраль 1986 г. Новосибирское ВВПОУ	126
Сон Тимофеева	127
1.28 (84.) Прошлое. Люба. Детство	130
1984 г. Бердичев. Украина	130
1.29 (87.10.10.) «Забава»	133
Октябрь 1987 г. Ружомберок	133

Прошлое	135
Октябрь 1987 г. Ружомберок	135
1.30 (87.10.10.) Самосожжение	137
Сентябрь 1987 г. Ружомберок	137
Сон Тимофеева	137
1.31 (87.07.) Прошлое. Свободный билет	139
Июль 1987 г. ТуркВО[85] Алма-Ата	139
1.32 (86.02.) Прошлое. Русские шинели	143
Февраль 1986 г. Новосибирск НВВПОУ	143
Конец ознакомительного фрагмента.	145

# **Владимир Земша**

## **На переломе эпох. Роман**

### **в двух томах. Том 1**

*Не дай вам, Бог, жить в эпоху перемен*  
*Конфуций*

© Земша В.В., 2014.

© Оформление. ЧРИУП «ПрестижИздатРеклама», 2014.

## Предисловие

*Никогда не забуду на свете  
Жажды к звёздам и страсти огня,  
Зов грядущего – это, поверьте,  
Жизни голос, зовущий меня.*

*Автор В. Земша 1982 г.*

Вчерашние курсанты, одев золото офицерских погон, даже и не подозревают, что их ждёт впереди. Они ещё наивны и мечтают о большой любви, о стремительной карьере, о построении справедливого общества социального и национального равенства. Но их уже поджидают разочарование и крушение надежд и ценностей. А страна, которой они присягнули на верность, скоро канет в летопись веков.

Это военный роман о жизни и службе солдат и офицеров ЦГВ в Чехословакии. События проходят в 80-е годы на фоне глобальной «перестройки» взглядов, нравственности и веры. Эта книга о ценностях, остающихся вечными, несмотря на время, просачивающееся как песок сквозь пальцы.

Этот роман посвящается моим родным и близким.

Все события и все персонажи вымышлены. Любые возможные совпадения случайны. Похожие события могли происходить где угодно. Тем не менее, я постарался передать максимально правдоподобно существовавшую тогда общую атмосферу, которая пропитывала годы моей советской юности. Моих восьмидесятых.

Хотел бы я прожить другую юность, полную современных удовольствий? Как и тот дедушка, в рассказе А. Гайдара «Горячий камень», отказавшийся помолодеть, променяв славные страницы своей революционной истории, так и я не мечтал бы об ином. Память о годах службы я с гордостью несу через свою жизнь. А кому не довелось служить Отечеству, пусть тихо завидуют тем, кто всё же служил.

\* \* \*

Нет, мы не пишем сочинений,  
И уравнений не решаем,  
Лишь в яростном огне сражений  
Мы вас от смерти защищаем.  
Нам для того дано здоровье,  
Чтоб мы могли в кровешном мраке,  
Захлебываясь липкой кровью  
Поднять своих солдат в атаку.  
И чтоб, не разгибая спины,  
Придавленные вещмешками,  
Дорог размазанную глину  
Месили молча сапогами.  
Не пахнет наша жизнь цветами,  
Ее ветрами жгут морозы,  
И про нее бы не стихами  
Писать, а самой черной прозой....  
.... Ну что ж, решайте уравненья

И сочинения пишите.  
Ловите каждое мгновенье.  
И насладиться им спешите.  
Живите с каждым днем все лучше,  
О будущем не беспокоясь,  
А если вдруг нависнут тучи,  
Мы защитим вас, вы не бойтесь.

*Автор курсант НВВПОУ Л. Молчанов  
Отрывок из «Ответа студенту» 1983 г.*

## Часть первая Герои нашего времени

### 1.1 (87.08.20) Как упоительно стучат колеса

#### Лето 1987 г

Август. Жара. Вокзал. Два чемодана, набитые формой. Новый офицерский китель кажется, по крайней мере, тулупом. Рубашка, пропитанная потом, липнет к спине, фуражка давит на лоб, сбивается к затылку. Так начинается путь к офицерской службе, новой самостоятельной жизни для сотен новоиспеченных лейтенантов.

Вот и кончилось всё. Всё то, что казалось вечным. Всё, что казалось таким приевшимся, таким осточертевшим. Как хотелось, чтобы это «Всё» быстрее прошло. Чтобы прекратились команды «подъём», что бы прекратились построения, что бы забылись самоволки, пляж на «Маяке», курсантские дискотеки, снежные двухметровые сугробы и комариные тучи, ротный и старшина. Чтобы забылся тот весенний студенческий фестиваль, наполнявший радугой своих запретных плодов курсантские головы. Чтобы забылись отпуска, те драгоценные курсантские отпуска, которым нет равной цены! Как все хотели уехать, чтобы забыть училище, чтобы забыть «Академ», забыть «Новосиб», аэропорт «Толмачёво». И вот, свершилось! Первый выход в город в долгожданной офицерской форме. Неопишущий праздник на душе! Казалось, что всё вокруг вращается исключительно вокруг этого невообразимого события!

После мытарств по огромной душной Москве, напоминающей большое людское столпотворение, хаотичное и бессмысленное, двадцатилетний лейтенант, голубоглазый брюнет Владислав Тимофеев, наконец-то забрался в поезд Москва-Миловицы. Вагоны казались тесными. Люди с множеством чемоданов, сумок, коробок, ящиков, иногда с детьми, обливаясь потом, с трудом размещались в купе, иногда заставляя чемоданами и коробками свои собственные полки и даже столики. В основном это были аккуратные подтянутые люди до 40 лет с короткими, по-военному, стрижками. Состав пассажиров вполне внушал доверие.

Поезд протяжно заскрипел, несколько раз дёрнулся и платформа медленно поехала мимо вагонных окон.

Как упоительно стучат колёса. Карпаты. В окнах вагона проплывают украинские с соломенными крышами избы. Красиво. Он на этой земле впервые и ему ещё совершенно невдомёк, что здесь далеко не в каждой избе ему были бы так же рады, как он. Но его душу сейчас переполняет какой-то пьяный восторг-трепет, почти волнение. Позади училище, осточертевшие подъёмы и отбои! Впереди, казалось, ярко вспыхнул рассвет совершенно иной, незнакомой, какой-то удивительно интересной жизни. В глазах радужные «пузыри», раскрашивающие весь окружающий мир яркой гаммой красок. В памяти ещё свеж выпускной, никелированная каска, наполненная «ромбиками» и, несмотря на «сухой закон», водкой, из которой отхлёбывали, морщась, друзья – вчерашние курсанты, впервые надевшие долгожданную офицерскую форму. Золото погон слепило глаза, опьяняло разум. Свершилось! Прощайте, друзья. С кем из вас ещё сведёт судьба, а с кем уже не встретиться никогда – кто знает! А поезд несёт вперед в новую жизнь!..

## 1.2 (83.07) Прошлое. Зов грядущего

### Июль 1983 г. Новосибирский Академгородок

*Суету я покидаю, в грёзах видя страсть,  
Мир знакомый окунаю в сказочную власть,  
Я хочу забыть тревогу, зависти огни.  
Жизни скучную дорогу, пасмурные дни...  
Предо мной простор широкий пеленой лежит.  
отблеск солнца на востоке силы мне бодрит.  
Вижу я, как волны бьются, как горит заря.  
Алым блеском окропляя капли янтаря.  
Горы, снежные вершины – всё подвластно мне!  
Речек быстрые стремнины, камни в глубине...!*  
**Автор В.Земша. 1983 г.**

Июль 1983 года застал во Владиславе Тимофееве 16-тилетнюю мальчишку с абсолютно радужными взглядами на жизнь, полными юношеских мечтаний и веры в достижимость недостижимого. В эти начинающиеся восьмидесятые, романтика воинской службы, заразившая тогда многих ребят, отодвинула на задворки его прежнее желание грызть гранит науки. Хабаровский мединститут отошёл на второй план перед юношеским максималистским желанием стать настоящим мужчиной. Долг перед Родиной, верность Присяге и Отечеству, Самоотверженность, словом, всё, почерпанное из патриотических книжек тех лет и добропорядочного воспитания родителей, людей честных скромных трудолюбивых, явилось для него главным жизненным критерием, основой морали юного советского человека, выбравшего себе тернистый, полный не только лишений, но и романтики путь...

И вот Владислав шёл по незнакомым ему улицам новосибирского Академгородка, с волнением разыскивая КПП Новосибирского Высшего Военного Политического Общевоинского Училища...

А ещё только пару недель назад он, во время школьного выпускного, лежал в школьном саду на траве и смотрел на звёздное небо, загадочно нависшее над его родным Хабаровском. Его душа была наполнена яркими юношескими чувствами влюблённости и горькой болью безответности. Ему хотелось уединиться. Всё это бесшабашное веселье одноклассников не совпадало с амплитудой чувств его души.

«Сонечка, милая Сонечка!..» – шептал он, полный романтической грусти, глядя на блеск далёких звёзд.

Эта девчонка с параллели взволновала его юношеское сердце, заставляя усиленно биться каждый раз при мимолётных встречах на переменках. Порой он подолгу стоял в коридоре, ловя этот момент...

### Полгода ранее. Хабаровск

Так было и в тот раз, который ярко остался в его памяти горькой пилюлей. Влад тогда стоял, подперев подоконник, сердце выпрыгивало из груди, омываемое горячими потоками влюблённой крови более и более, по мере приближения стрелки часов к заветной минуте окончания урока. И вот он, долгожданный момент! Резкий, спасительный, для кого-то, ожидающего вызова к доске, звонок, предвещающий несколько минут беззаботного балдежа школьной перемены. Двери распахнулись, и толпа возбуждённых школьников буквально

вывалилась наружу. Владислав стоял, сжимая в руке записку. Соня прошла мимо него, гордо подняв голову. Её взгляд прошёл, словно сквозь юношу, словно он был человек-невидимка, охладив мгновенно его пыл. Влад стоял у подоконника, продолжая сжимать любовную записку в своей руке. Обида горько тянула сердце...

И тут неожиданно в длинном школьном коридоре появилась фигура какого-то курсанта. Пацаны провожали стройную подтянутую военную фигуру взглядами, полными почтительной зависти. Многие девчонки замерли, покрывшись румянцем. Некоторые сделали вид, что им всё равно. А Соня даже изменила траекторию своего движения, продефилировав мимо по-гусарски подтянутого бравого юноши. Она бросила на него, как бы невзначай, взгляд, полный кокетства, на её губах вспыхнула игривая улыбка, пригасив которую, Соня проследовала далее, не оглядываясь, но явно демонстрируя всю прелесть своего «вида сзади». Курсант, оторопев, провожал, очевидно, жадным взглядом гибкую девичью фигурку.

«Вот, – подумал Тимофеев, – пойду тоже в военное училище. Тогда и посмотрим!». Он взглянул на себя в зеркало и, увидев там лишь тощего патлатого юношу с пушком под носом, решил уже полностью безапелляционно: «Я стану настоящим мужчиной, я стану курсантом!»

Итак, школьный выпускной. Тимофеев лежал на траве в школьном дворе. Яркие фонарики звёзд мерцали голубым блеском.

«Скоро! Уже совсем скоро!..» – мечтательно думал он.

## **Июль 1983 г. Новосибирск. Академгородок. Микрорайон «Щ»<sup>1</sup>**

Владислав шёл, провожаемый отцом, с чемоданом в руках по оживлённой улице Новосибирского Академгородка. Это был солнечный день. Навстречу бесконца шли красивые, в цвета морской волны кителях с золотыми погонами, перетянутые жёлтыми парадными ремнями офицеры, блестя сапогами, в сопровождении жён, невест, родителей. Это был день очередного выпуска! Цвета морской волны, синие и даже чёрные с кортиками, парадные мундиры пехоты, морской пехоты и десантников – выпускников НВВПОУ! Они то и дело гордо козыряли ладонями в белых перчатках в ответ отдающим им честь встречным курсантам. Красиво и романтично! Владислав не мог скрыть своего восторга, который испытывал при виде всего этого парадного великолепия! Он, ещё всего лишь абитуриент, с почтительной завистью наблюдал за торжеством своей будущей мечты.

«Неужели через четыре года и я стану таким? – думал Владислав. – Только бы поступить!»

И вот, КПП НВВПОУ<sup>2</sup> отделил его от отца, провожавшего его весь путь, от родительского дома, и от детства навсегда....

---

<sup>1</sup> Микрорайон «Щ» – произносится так: «микрорайон Щ-а-а», – один из микрорайонов новосибирского Академгородка. Расположен в его северной части, на территории бывшего посёлка строителей Новосибирской ГЭС. Говорят, строители Академгородка, жившие на месте будущего микрорайона, селились в щитовых деревянных одноэтажных домах на две-четыре квартиры. На схемах, для простоты, это место обозначали буквой «Щ» – она-то и дала название микрорайону.

<sup>2</sup> Новосибирское Высшее Военное Политическое Общевоинское Училище. НВВПОУ – одно из ведущих военных ВУЗов СССР и Российской Федерации. Основано 1 июня 1967 года. Это было 2-е по величине военное училище в стране, самым крупным было Вольское тыла. Ежегодно в войска из НВВПОУ уходили 5 общевоинских рот и 1 десантная. Средняя численность роты – около 115 человек, значит, на выпуске стояло почти 700 лейтенантов. В 80-х годах начальниками училища были генерал-майоры Зубков Н.Ф. и Ширинский Ю.А. В настоящее время именуется: Военный учебно-научный центр Сухопутных войск «Общевоинская академия Вооружённых Сил Российской Федерации» (филиал г. Новосибирск). Училище готовило заместителей командиров рот по политической части для подразделений Сухопутных войск, Воздушно-десантных войск и подразделений специального назначения ГРУ ГШ. Большое количество выпускников училища принимало участие в боевых действиях (Афганистан, Чечня, Южная Осетия, миротворческие операции). Свыше 20 выпускников училища удостоены званий Герой Советского Союза и Герой Российской Федерации. По количеству

---

Героев Российской Федерации из числа выпускников, Новосибирское училище уступает только Рязанскому высшему Воздушно-десантному командному училищу.

## 1.3 (87.08.23) Седьмая рота

### Август 1987 г. Ружомберок, ЧССР ЦГВ. 30-я Гвардейская Иркутско- Пинская Дивизия. Гумбиненский полк

*Каждая женщина хочет видеть рядом сильного, ответственного, самостоятельного мужественного мужчину. Однако воспитывая своих собственных сыновей, часто выращивают беспомощных, инфантильных, безответственных «маменькиных сынков».*

Седьмая рота – самая знаменитая рота в полку. Знаменита она тем, что нет ей равных по количеству «залётов» и «ЧП». Она является символом, а ещё точнее, – синонимом бардака и разгильдяйства. Сюда стекаются все полковые «отбросы» автоматически, подобно тому как брошенный кем-то мусор, словно притягивая к себе нечистоты, вскоре образует вокруг себя мусорную гору. Хотя было бы несправедливо утверждать, что все военнослужащие этой роты действительно представляют собой отбросы. Но, так или иначе, полковая «селекция» работала не на пользу этого подразделения. Короче говоря, эта рота была не из простых...

– Давай, лейтенант, дуй в парк, там ваша рота сейчас, – комбат третьего батальона майор Пронин по-простецки махнул рукой в направлении парка боевых машин только что распределённому в седьмую роту лейтенанту. Лейтенант Майер – крепкого телосложения светлый шатен с серыми глазами, высокого роста. Его слегка смятые книзу голенища сапог сорок пятого размера сияли матовым блеском новенькой хромовой кожи.

– Есть! – он вскинул бодро руку к сочленению виска и края фуражки, лихо развернулся на каблуках и вышел.

### Прошлое Март 1983 г. Алма-Ата Городская клиническая больница № 4

Столовая отделения отоларингологии. Десятиклассник Майер, находящийся в больнице в ожидании операции на гланды, подошёл к окошку раздачи.

– Что у нас сегодня на завтрак?

– Вот, читай, – буркнула розовощёкая повариха, указав на лист бумаги, приколотый к дверце.

– Каша гречневая с маслом... чай с сахаром... – вслух прочитал тот.

Взяв свою пайку, он сел на свободное место, поковырял алюминиевой вилкой в сухой безвкусной каше без всяких намёков на масло, попробовал отхлебнуть воняющую содой пресную чёрную жидкость, носящую громкое название «чай с сахаром», поморщился.

– Говорите, с маслом да с сахаром? А где всё это, вы мне покажите, будьте любезны! А?

– А чего это ты тут раскомандовался? Не нравится, не ешь! Кому не нравится, вон, своё жуют! – выпучилась повариха.

– Вот как! Тогда так и пишите, что, мол, каша без масла, а чай без сахара!

– Иди отсюда, умник!

– Ладно! Тогда я буду писать жалобу главврачу!.. – искренне возмущался пылкий юноша...

Тут в столовую зашла милая белокурая голубоглазая девушка. Это была его сверстница Ленка, которая с первого дня очаровала Александра, да и не только его. Было очень трудно отвести от неё, обворожительной, свой взгляд.

## Палата

– Сашка, ты знаешь, что наш «афганец» Ленку этой ночью завалил? – объявил Саше Петька, сосед по палате, едва тот вошёл.

Афганец – это был израненный солдат-афганец, находящийся в больнице на излечении. Мелкий, плюгавенький, прыщавый, но довольно разбитной. Он сильно хромал, вечно весёлое лицо было посечено уродливыми шрамами. Но несмотря на внешнее ничтожество, он внушал не просто жалость окружающих, но и глубочайшее уважение. А девичья жалость порой способна переходить и в нечто большее... Так что самая красивая девушка то ли от слепой влюблённости, то ли от глупой жалости, подарила ему, повидавшему ужасы этой безумной войны, своё самое сокровенное, девственное...

– Не может быть?! – негодовал Майер. С этой новостью Лена, эта милая Леночка, для него словно умерла.

При всём своём глубочайшем уважении к этому солдату он не мог понять, как такое могло случиться. Как этот нежный образ школьницы-недотроги, как этот хрупкий предмет его робкого юношеского волнения так грубо разбился об утёс действительности. «Как жаль, что я не «афганец», – проскочила шальная мысль в голове юноши, – тогда бы...»

– А-а-а, это Вы, юноша, тут шум в столовой подняли! – в палату вошёл главврач со свитой.

Майер поднялся с койки.

– Да лежите, лежите, молодой человек! – улыбался сквозь казахский «прищур» главврач. – Какие у вас тут проблемы? Вы на что-то жаловались? Вас здесь плохо кормят? Да-а?

– Да! Ни маслом, ни сахаром даже и не пахнет, не говоря уж про мясо! Вовсе нет ничего! Вы разберитесь, пожалста! – подтвердил юноша.

– Что ж, ладно-ладно! Разберёмся! – поулыбались недобрыми улыбками он и свита, вышли...

«Ну вот, теперь разберутся! – наивно решил Майер и снова ушёл мыслями в историю с Леной, с афганцем, с армией как таковой. – В армию, что ли пойти, в Афган... а мож в военное училище сперва поступить, а?...»

– Ну что, борец за правду, давай, на выписку! – через некоторое время, в палату вошла медсестра.

– Как на выписку? – удивился юноша. – Меня же ещё не прооперировали?

– Не знаю. Это распоряжение главврача! Он решил, что для твоего же блага операция будет пока излишня, так что лечи свой тонзиллит, – заявила медсестра и тихо добавила с усмешкой, – а в другой раз меньше за правду-матку глотку рви! Будет тебе урок!..

## Настоящее Август 1987 г. Ружомберок, ЧССР Седьмая рота

В парке боевых машин шла полным ходом подготовка техники к очередным тактическим учениям. Замполит седьмой роты, двадцатисемилетний старший лейтенант Хашимов

сидел на броне в чёрной куртке от танкового комбеза и повседневной фуражке с красным околышем, наблюдая за вознёй механика-водителя внутри БТРа.

– Мой брат на БМП служил. Во то техника! Не то, что эта!.. Ши– ш-шин..! – двадцатилетний водитель рядовой Каримов, призванный из Ферганы, с чувством глубокого сожаления зашипел ругательства на узбекском. Старлей посмотрел поверх тёмных кругов очков-«хамелеонов»:

– Это почему? Чем тебе нэ нравятся наши старушки-«шестидесятки»?<sup>3</sup>

– Плохо, таварыш старший лейтенант. Барахлит она.

– Каримов, это, знаешь, как в народе говорят: «в чужих руках всегда перец толще»! Я в училище нахлебался с БМП по самое горло! Кто создал эту машину вообще непонятно. Мерзкая машина. Укачивает. Кидает ужасно да соларка в нос бьет. А в бойницы такая пыль идёт, что через минуту на сантиметр засыпает. Летом – душно. Зимой – холодно. Вылезешь другой раз – под носом реальные пылевые усища. Так что радуйтесь, что вы здесь на БТРах, как белые люди, по заграничному асфальту ездите! А на БМПухах бы по бездорожью бы гусеницами пылили! Понял мэня?! – старший лейтенант Хашимов похлопал по шлемофону солдата в чёрном грязном бушлате.

– Я рад, таварыш старший лейтенант, толка она у меня барахлит. Глохнет она.

– Каримов, какая «она» у тебя глохнет?

– БТР, таварыш старший лейтенант.

– Каримов! БМП тебе что, дэвушка? Она! Каримов! БТР – он! Харош щуриться! Давай! Шевели мозгами! Подымай полики и перебери всё! Заглохнешь у меня на выходе, вот тогда точно будэш щурится на оба глаза!

Старший лейтенант Хашимов ухмыльнулся, потряс кулаком и спрыгнул на землю, цокнув каблуками щегольских, отполированных сапог со вставками, пробивающих глянец даже сквозь толстый слой пыли. Увидел группу офицеров батальона, проходящих мимо.

– Ну, всё, сел замполит в БТР, хана БТРу! – произнёс с сарказмом командир взвода связи старший лейтенант Петренко, усатый брюнет лет двадцати шести. Все слегка хохотнули, однако увидев злой колючий взгляд появившегося перед ними Хашимова, ретировались.

– Салам-балам!

– Привет, Альяр!

– Привет от старых штыблэт! – буркнул тот в ответ...

В эту минуту в парке боевых машин появился долгожданный «зелёный» лейтенант, новый командир взвода Александр Майер. В новенькой, цвета морской волны парадке, двигался тот не слишком уверенно в направлении с ехидцей прищурившегося Хашимова.

– Что, лейтенант, выходит, в одной роте служить будэм?! – весело бросил ему Хашимов.

– Так точно, товарищ гвардии старший лейтенант! – Майер козырнул ему в ответ.

Через несколько минут чумазые, в чёрных комбезах и грязных пилотках, водители БТРов, в сопровождении щеголеватого гвардии старшего лейтенанта Хашимова в запыленной повседневной фуражке с красным околышем, чёрной куртке от танкового комбеза, повседневных галифе, пыльных щегольских хромачах и совершенно чистенького, в новенькой парадке, блестящей золотом погон, гвардии лейтенанта Майера, строем двинулись в расположение седьмой роты...

<sup>3</sup> Да, то были старые «шестидесятки» (БТР-60пб), которые глохли, подобно эпидемии, по любому поводу, не довозя на учениях множество бойцов до рубежа спешивания. На марше машина технического обеспечения, сопровождающая каждую колонну техники, то и дело ремонтировала отбившиеся от «стада» «коробочки».

В расположении, после краткого представления нового взводного роты, офицеры зашли в канцелярию. Канцелярия была прокурена. На столах – горы ротной документации, папок, каких-то бумаг. На сейфе – шитая фуражка с высокой тульей, принадлежащая ротному.

– Ну, лейтенант! Принимай хозяйство нашей прославленной своим разгильдяйством седьмой роты! С ротным познакомись завтра, – при этих словах, Хашимов усмехнулся, сделал паузу. И продолжил.

– Завтра убываем на полковые учения. Знаешь уже? А сейчас ты остаёшься ответственным по роты. Проведёшь ужин, прогулку, проверку и отбой. А я пойду. Так что форма одежды на завтра понятна. Да?

– Полевая?

– Ну не парадная же! – Хашимов снова ехидно прищурился. – Да, а спальник уже купыл?

– Неа.

– Ладно, я прихвачу тебе что-нибудь. Но это первое, что ты должен будешь здесь купить.

Тут показался из каптёрки какой-то прапорщик.

– А-а-а! А вот и наш старшина, наш прапорщик! – Хашимов намеренно коверкал это слово. – Прапорщик Будило! Знакомься, Васька, с нашим новым командиром взвода! Лейтенантом Майером!

– Здоров! – буркнул прапорщик.

Это был щуплый шатен лет двадцати трёх, не более, с пушкообразной порослью под носом, гордо именуемой «усами»!

– Вася Будило – наш бывший солдат, «отличник боевой и политической подготовки»! Я верно говорю, а, Вася?

– Верно, товарищ старший лейтенант, а вам бы всё подкалывать! – с обидой в голосе вяло отвечал молодой человек.

– Ладно, старшина, иди, готовь матбазу на завтра!

– Всё готово уже!

– Готово-о-о?

– Так точно!

– Что-то незаметно, таварыш прапорщик!

– После ужина буду выдавать подменку<sup>4</sup>, сбрую, вещмешки и прочее.

– Смотри у мэня, Василий, нэ подведи! Доложишь товарищу лейтенанту! Ладно, давай!

Прапорщик удалился.

– Васька хоть погоны прапора и одэл, но внутри остался зольдатом! Здесь ещё есть те, кто с ним срочную служил. Он для них как корефан, а не старшина. Панибратство разводит по полной. В каптёрке у него вечно зольдаты пасутся. Он им из города даже водку таскает! Прячет их барахло! Я тут у него как-то шмон в каптёрке дэлал. Чё только нэ нашол!.. Ладно, всё! Я в общагу! Будут проблемы, вызывай ротного, ну, или меня. Правда, наш ротный – это особый случай! Ещё узнаешь!.. Всё, давай, – замполит седьмой роты, старший лейтенант Хашимов хлопнул «зелёного» летёху – взводного по плечу и вышел было из канцелярии, затем вернулся на порог.

– Да, а ты где уже успел устроится? Моя комната в общаге пустая. Три койки, а я одын пока живу, жду пока кого подсэлят. Так что пэреселяйся! Всё! Давай!

Майер, оставшись один, с удивлением наблюдал за «броуновским» хаотичным движением «зольдат», как выражался Хашимов, время от времени вываливающихся из кубриков.

---

<sup>4</sup> Старое обмундирование, выдаваемое по случаю полевых занятий или грязных работ

Было трудно понять, что происходит сейчас в подразделении. Кто здесь старший, и есть ли старший вообще. После ужина некоторые стали готовить свои вещмешки к предстоящему выходу в поле, кто-то чистил синюшной, жирной, вонючей ваксой сапоги в туалете, кто-то что-то орал. Майер позвал к себе дневального. Тот нехотя поплёлся по направлению к только что представленному новому взводному. Подошёл. Вяло приложил руку к пилотке и пробормотал:

– Рядовой Даташвили.

– Товарищ солдат, подтяните ремень! Где дежурный по роте?

Солдат тупо уставился на лейтенанта, что-то невнятное прозвучало в ответ и затихло.

– Я не понял!? Солдат! Товарищ дневальный! Подайте команду «дежурный по роте на выход»!

Дневальный повернул лениво голову в сторону коридора, негромко крикнул снова нечто нечленораздельное.

– Шо такое, таварыш лэтенант, – высунулся из кубрика какой-то сержант.

– Товарищ сержант, стройте роту в расположении!

– Зачем стройте? Э-э-э!

– Това-а-риш сержант! Вопросы задавать будете после. Стройте!

Сержант пробурчал что-то по-узбекски. Исчез в кубрике.

– Где старшина? Где прапорщик Будило?

– Йок<sup>5</sup> старшина! – кто-то крикнул ему в ответ.

– Рота! Выходи строиться на улицу! Живо! – прокричал Майер.

– Таварыш летэнант, так нэ сдэлай! Э-э-э-э!..

Вскоре по коридору и крыльцу послышался дружный грохот сапог. Это соседняя девятая рота дружно выбегала на улицу, экипированная к полевому выходу. Вещмешки с торчащими из них кверху черенками сапёрных лопаток, противогазы, плащ-палатки в скатку.

«На смотр», – подумал Майер с завистью.

Сержанты подбадривали солдат. Взводные, перетянутые портупелями, стучали хромыми сапогами каждый в унисон со своим взводом. Завершал процессию усатый ротный.

«Вот это подразделение! Порядок и дисциплина. Отличный внешний вид», – с завистью подумал Майер, наблюдая полный бардак и неуправляемость своей расхлябанной роты.

*(Тот, кому кажется, что внешний вид бойца на поле сражения, даже в форме учебного занятия по огневой или тактической подготовке, не имеет никакого практического значения и не влияет на результат, глубоко ошибается. Лейтенант на себе помнил, что результаты значительно улучшаются, когда боец удобно экипирован и чувствует себя «настоящим солдатом». Причём уверен, что это влияет и в случаях, далёких от Армии. Например, если слесарь одет как «крутой мастер», а товаровед как «деловой человек», это влияет на результат их деятельности весьма значимо. На поле сражения же, даже на учебном, где создаётся максимально стрессовая обстановка, внешний «боевой» вид солдата – весьма важный вклад в его веру в себя, а значит, и в результат.)*

– Товарищ сержант! Ко мне! – крикнул он в сторону того же непонятого сержанта, который медленно выходил вразвалочку из расположения. Сержант нехотя подошёл. Его ремень был настолько ослаблен, что бляха болталась где-то почти на уровне «неприличного места». Ворот кителя был нараспашку, обнажая не очень свежее нижнее бельё и грязную подшивку, нашитую толстым слоем по «неуставному» «приблатнённому» способу.

– Товарищ сержант! Как ваша фамилия?

---

<sup>5</sup> нет

– Гвардии сержант Ибрагимов! – сержант вяло поправил пилотку, из-под которой гордо выбивался жёсткий чёрный, как смоль, чуб с редкими вкраплениями седины, так странно смотревшимися на его ещё юной голове.

– Гвардии сержант! А смотрите как чмо! Приведите себя в порядок и стройте подразделение! – Майер буравил сержанта взглядом, выговаривая каждое слово перекошенными от злости губами.

– Таварыш лэтенант! Так нэ скажи... э-э-э-э!..

## Плац

Много ли, мало ли времени прошло, но день подходил к концу, а седьмая рота вяло топала сапогами по территории части.

Не желая тратить много времени на вечернюю строевую подготовку, Майер желал только одного: встряхнуть чуток это разнузданное «стадо» и провести перед отбоем элементарный инструктаж к предстоящему утром полевому выходу, к которому подразделение, как казалось, было абсолютно не готово. Однако рота не «встряхивалась» и напоминала больше толпу анархистов, нежели воинское подразделение, вяло выполняя команды молодого лейтенанта.

– Рота-а-а, стуй! Кру-у-угом!

Рота остановилась. Несколько солдат развернулось было, но под «шишим-каньем» товарищей вернулось в исходное положение.

– Так нэ сдэлай!

– Таварыш лэтенант! Давай хватыт! – Ибрагимов бросил взводу, смотря вслед белобрысому бойцу, который в этот же момент самовольно вышел из строя и поплёлся себе в казарму, громко выкрикивая русский набор ругательств и «чмыря» всех и вся, кто всё ещё находился в строю.

– Разорёнкин делает «йок»<sup>6</sup>! – далее раздалось несколько возгласов, в том числе и на различных языках народов СССР, и вскоре всё воинское подразделение седьмой роты начало рассыпаться как горох, следуя дурному стадному примеру, один за другим. Пару минут – и все куда-то исчезли. Лейтенант бы мог бесполезно орать, брызжа слюнной пеной, но он сдержал себя, понимая, что будет смотреться донельзя глупо. Кровь ярости, вперемежку со стыдом поражения и отчаянием, ударила в голову молодому лейтенанту. Ведь это было полное фиаско его как командира. Сразу, с первого же дня.

«Ну, нет! Солдатскому «Блицкригу» не бывать!» – решил юноша. И с разгораемой яростью, ринулся врасплох в поисках «неформального лидера», давшего «залп Авроры», спровоцировавшего бунт «на корабле». Разорёнкин лежал на койке, закинув ноги в сапогах на дужку кровати. Майер подскочил и рывком скинул солдата на пол.

Тот скривился от боли, подскочил в готовности сцепиться с молодым офицером.

– Солдат! Сейчас же я сдам тебя на гауптвахту!

Тот, язвительно ухмыльнувшись, изображая всем видом полное презрение, вышел из кубрика и куда-то отправился восвояси.

– Дневальный! – Майер не был намерен оставлять это вот так.

«Ночь длинна! Так что эти сутки будут для этого подразделения самыми длинными!» – безальтернативно решил он, чувствуя при этом свою практически полную беспомощность и прилив какой-то дикой всеуничтожающей ярости. Тогда он не знал, что через три-четыре года вот так же, как этот многонациональный строй, развалится и вся их многонациональная

---

<sup>6</sup> Делать «йок» значит уходить, на «тюркском»

советская империя! А власть будет вот так же истерично и безрезультатно, под улюлюканье, как и он сейчас, пытаться «оседлать взбесившегося мерина»...

## ДОСы<sup>7</sup>

Немолодой тридцатилетний командир седьмой роты капитан Несветайло был в прекрасном расположении духа. Он вяло посмотрел в окно туманным от выпитой «пшеничной» взглядом, отхлебывая свежий, наваристый, ароматный куриный супчик с сочными мягкими кусочками моркови и нежной, тающей во рту, домашней лапшой... Его желудок, казалось, буквально пищал от удовольствия.

Уставший день озарял на прощание небосвод на Западе, погружая ДОСы в сумерки.

– Товарищ капитан! А можете отправить меня поваром в столовую, а? Там сейчас на дембель повара уходят. А я бы как раз подошёл бы. Сами знаете, мне это дело ближе, чем автомат! Похлопочите за меня, а?

– Исаев, ну сколько можно канючить?! Который раз ты уже это вот?.. Да ладно! Посмотрим, посмотрим. Вот дембеля уйдут, тогда и посмотрим!

Рядовой Исаев был поваром на гражданке. И теперь охотно заменял для своего ротного, в деле кашеварения, поварскую роль его жены, уехавшей недавно в Союз. Быть здесь, в домашней обстановке для него, как практически для любого бойца, было гораздо приятнее казарменного прозябания. Думаю, даже офицер бы позавидовал этой тёплой участи Исаева, даже сам ротный!.. А всё же самая большая его мечта была – попасть в солдатскую столовую поваром, «поближе к кухне», так сказать, подальше от полигона навсегда...

От неожиданного стука в дверь капитан сморщился.

– Исаев! Глянь, кого там принесла ... нелёгкая! – бросил он в сторону бойца в фартуке, моющего посуду.

– Это посыльный, товарищ капитан. Вас в роту вызывают, – Исаев крикнул из прихожей.

– В роту-у-у? Кто именно и на кой?

– Этот новенький наш лейтенант, вроде.

– Новенький? Ох, уел меня этот новенький, не успел появиться, как там его?! Ох, уел! – забормотал Несветайло, откладывая в сторону ложку. Нетвёрдой походкой он добрался до койки, упал и тут же раздался храп.

– Давай, топай, топай, скажи, капитан болеет... Он спит! – Исаев вытолкал посыльного и захлопнул дверь.

## Седьмая рота

– Давай, давай. Бери тряпку, – дежурный по роте сержант-узбек Ибрагимов, понимая, что «щас что-то будет», стал немного напрягать своих дневальных для создания хоть какой-то иллюзии порядка.

Дневальные, рядовые весеннего призыва 87-го, грузин Даташвили, русский Ткаченко, недавно переведённый за «прорыв»<sup>8</sup> в седьмую роту и отслуживший уже почти год, и узбек-«черпак» Каримов, имеющий за плечами почти год службы, понуро мялись в туалете.

– Нэ мужской работа! – гордо заявил Даташвили.

– Чё нэ мужской? Узбек тоже нэ баба! – «черпак» Каримов, вполне одобряемый своим земляком из Самарканда сержантом Ибрагимовым, направился в кубрик.

---

<sup>7</sup> ДОС – Дом офицерского состава

<sup>8</sup> залёт

Ибрагимов ткнул Даташвили:

– Сматры мэнэ! Чтоб бил парадак! З тэбья зпрашу!

И захлопнул дверь. Возможно, он вполне понимал, что сей представитель грузинского народа мыть сам не станет. Его, Каримова, земляк уже покинул «поле боя». Но ведь там для того оставался ещё и Ткаченко...

Через пару минут Даташвили вывалился в коридор, сплёвывая на пол кровь, сочившуюся из разбитой губы. Ткаченко спокойно вышел следом.

– Ты чё! Обуре-ел! – Ибрагимов двинулся на Ткаченко, выкатив глаза из орбит от ярости. Это не было продиктовано желанием защитить Даташвили. Нисколько! Просто если уже и «ягнёнок, отданный на заклатие» посмеет брыкаться, то кем станет он, Ибрагимов! Ну не самому же очко драить, в конце-то концов, и не собственных же земляков насиловать «женским» трудом!

Яростные попытки Ибрагимова ударить Ткаченко вскоре завершились нижней подсечкой, и Ибрагимов распластался, кривясь от боли, на бетонном полу. Ткаченко опустился рядом на одно колено и упер кулак в челюсть сержанта.

– Вопросы ещё есть? Товарищ сержант!

– Ты труп! – заорал Ибрагимов и схватился за штык-нож. Но в следующее мгновение Ткаченко перехватил его руку, вывернул и резко впечатал кулак в живот Ибрагимова. Тот выдохнул с криком, выронил нож и скрутился на полу. Далее последовали длинные тирады на узбекском.

Очень скоро в коридор вылезли земляки Ибрагимова по «Средней Азии». Возле «ружейки» уже стоял Даташвили, прикладывая руку к разбитой губе, с группой своих «кавказских» земляков и также тарачился в сторону Ткаченко крайне недоброжелательно.

Тучи вокруг Ткаченко сгущались. А он играл с «трофейным» штык-ножом, нагло улыбаясь прямо в чёрные, ненавидящие, налитые кровью глаза вокруг.

– Чё, Ибрагимов, своего земляка отпустил. А нас с Даташвили запер одних с очком разбираться. Да?!

– Узбек мыт пол нэ будэт!

– А кто, Кавказ будет? – Ткаченко умышленно сталкивал две национальные группировки лбами, подыгрывая на «больной струне».

Из кубрика вылез Разорёнкин, окинул взглядом происходящее и вяло скрылся назад, матерясь себе под нос, явно не желая впрягаться за земляка.

– Ты будэш! – вперёд выступил один из солдат-узбеков.

– Ну что, какие ещё будут версии? – Ткаченко, не дожидаясь массовой атаки, выбрал наиболее «аппетитную» из всех присутствующих жертву из числа узбеков и долбанул его сапогом в нос так, что тот опрокинулся, заливаясь кровью из разбитого носа.

– Да это нармальный мужьик!

Кавказской группе, стоявшей вокруг Даташвили, этот русский, так красиво мочивший «Среднюю Азию», внушил уважение. А вот кровь врагов явно ударила им самим в голову, и кавказцы, размахивая эмоционально руками, набросились на «узбекскую группировку». Ткаченко же отошёл в сторону и встал «на тумбочку», как и положено дневальному. Сохраняя хладнокровие, он наблюдал сцену яростной баталии со стороны.

– Смирно! Мать вашу! Стоять всем! – заорал внезапно вошедший дежурный по полку капитан, положив руку на кобуру. Следом вошли Хашимов и Майер, удивленно и растерянно глядя на невесть откуда взявшегося перед ними дежурного по полку, на свору солдат.

– Да! Да тут у вас полный пи...пец! Вы тут всё разложили с вашим капитаном! Вот завтра утром будет что доложить командиру полка!..

## Губа. Камера

– Ты чё, тэпэрь, доволен? – Каримов кинул в сторону Даташвили, который сидел на корточках, обхватив голову. Раздался лязг засовов.

– Ну, чё, чурбаны, полы теперь мыть будем? Или не мужской работа!? – начальник караула с ехидцей буравил бойцов.

– Нам шинели на ночь дадут? – Даташвили зло зыркнул исподлобья в ответ.

– Обойдётся, уроды! Сперва вылизите очко на губе, а потом посмотрим!

– Не буюду! Я нэ баба, я мужзык! – Каримов гордо поднял голову.

– Мужык! – передразнил начкар. – Что, опу... вжик... и опять мужык?! Ха, ха, ха. Посмотрю я на вас через пару дней!

– Шишим...

– Шени... – бойцы зашипели ругательства на своих языках и как только железная дверь закрылась, едва ли снова не вцепились друг в друга, но не вцепились... сейчас у них появился общий враг и общая беда.

– Ты не вздумай им подпорки под нары выдать, не на курорт попали! Пусть смотрят кино «Деревьё умирают стоя», пока ума не наберутся и работать не начнут! А не будет помогать – кинь им тряпку, да плесни в камеру ведро воды, не захотят кинуть, возьмут в руки тряпку, ну а не станут убирать, ты им тогда ещё хлорочки сыпани... для дезинфекции... вот тогда и посмотрим, кто тут мужык, а кто баба! Зверята! – Хашимов зло сплюнул, пожал начальнику первого караула ладонь и вышел прочь.

## Седьмая рота. Канцелярия

– Слушай! А почему ты этих-то посадил на губу? Почему не дедов? Майер смотрел с удивлением на Хашимова. – Ведь вся эта хрень от них исходит. Они – лидеры.

– Если бы не дежурный по полку, я бы вообще никого не садил. Утром – учения! Да мы бы тут и сами разобрались бы. А ты чё, жить собрался по Уставу?! Далеко на Уставе не уедешь. Я живу по понятиям. Знаю, кого нужно на губу, а кого трогать не надо. Трогать тех, на ком всё и держится-то нельзя! С ними надо договариваться. А вот они уже сами порядок-то и наведут. Нам ведь нужен результат! А? Я верно говорю? А? Майер!

Майер пожал плечами.

– Посмотриш! Вот потому-то меня бойцы и слушаются. А у тебя, вон разбежались! Систему ты не поменяешь. Слабого всегда будут чмырить. А начнёшь лидеров давить, то, во-первых, можешь зубки себе переломать, а во-вторых, «бандерлоги» тебе тогда сами на голову залезут. Смотрел «Маугли»?! Пока есть удав, «Бандар-логи» будут сидеть смиреннько. Главное, чтобы удава ты контролировал! Ясно?

– Что-то я тебя с трудом понимаю! – Майер пожал плечами.

Хашимов лишь усмехнулся в ответ.

## Седьмая Рота. Кубрик

– Ты где так научился? – Разоренкин смотрел с уважением и любопытством на Ткаченко.

– А ты чё не помог, когда меня это зверьё окружило!?

Разорёнкин лишь пожал плечами.

– А мне какое дело. Это были не мои разборки. Мож ты там сам виноват! Я-то тут причём!

*(Да! Действительно. Разоренкин ни во что не вмешивался. Его самого никто не трогал. Во-первых, этот москвич был здоровяк. Во-вторых, это вчерашнее разбитное хулиганистое дитя московских улиц было таким же разбитным и хулиганистым дитём и здесь. Жизнь по уставу была явно не для него. Словно притягивая к себе весь вселенский негатив, он был своим и среди славян, и среди прибалтийских азиатов и кавказцев. Будучи неотъемлемым участником большинства ночных «блатных» сборищ, он всегда знал, где и как раздобыть бутылочку «Боровички»<sup>9</sup> да несколько банок тушёнки с полкового продовольственного склада, а когда и чего-нибудь покруче. Чем и был ценен для всех. Он бы мог быть и лидером, но он был «волком-одиночкой». Но не один лишь Разоренкин жил для себя. Даже будучи «хорошими мальчиками», русские в своём большинстве были «волки-одиночки», объединяясь, в лучшем случае, лишь в микрогруппы, не способные, как правило, серьезно противостоять агрессии других национальных групп. А высокий эгоцентризм, присущий особенно москвичам, таким, как Разоренкин, выделял часто москвичей в отдельную группу, держащуюся обособленно от остальных славян. Всё это делало большинство русских разобщёнными эгоистами, живущими каждый за себя, например раздробленной «Киевской Руси». Бьют русского, – «а не моё дело! А мож, он сам виноват. А мож, это за дело его! Не меня трогают, и слава богу!» – никто не встречает. Бьют того же узбека – подобно туче слетаются все мыслимые и немыслимые земляки последнего и крушат обидчика, давя численным превосходством. Какой бы тот ни был «супергероем». Ткаченко повезло. Его не забили под шумок толпой. Не успели. Да и его особые способности в рукопашной явно произвели впечатление и снискали благосклонность наиболее влиятельных в роте, да и полку, фигур.)*

– Ну-ну, – Ткаченко вразвалочку направился к своей кровати. Бойцы уважительно расступались.

– Никаноров! Подъём! – услышал Ткаченко у себя за спиной голос Ибрагимова.

– Давай, Никаноров, быстро! Подъём! Идешь драить очко вместе с Ивановым!

Хотя Никаноров и имел звание «младшего сержанта», недавно полученное после учебки в Бердичеве, где он от души понатирался «Машкой»<sup>10</sup> паркетных полов, полученное звание было лишь формальностью и не спасало Никанорова. Было всем совершенно ясно, что командовать он никогда не сможет, и оставался он «свободным младшим сержантом» без должности, на позиции рядового бойца. Вопрос разжалования его в рядовые был лишь вопросом времени. Этот Свердловский парень украинского происхождения был не в силах противостоять «землячеству». Ему, как и Иванову, был уже изначально уготовлен удел зашуганного чмыря на все долгие два года! Удел изгоя. Существует ли хоть одно общество без изгоев? Есть изгой и в Армии – зеркале современного общества. Относись бы все к другим людям так, как бы хотели, чтобы относились к ним, то не было б ни изгоев, ни чмырей...

Ткаченко посмотрел на ссутулившуюся фигуру своего земляка, суетливо запикивающего ногу в сапог с накинутой поверх портянкой. Махнул рукой.

– Верно говорит Разорёнкин. Каждый сам за себя. Я чё, должен ему что ли?! Мне вон – никто не помог. Пускай сам выкарабкивается.

Веки Ткаченко сомкнулись, и он улетел в пучину сна...

<sup>9</sup> Разновидность местной словацкой водки с противным резким можжевелевым запахом

<sup>10</sup> тяжёлой плитой со щётками, придавленной танковыми траками

## 1.4 (87.08.25) Штаб ЦГВ<sup>11</sup>

### Август 1987 г. Миловицы

Пройдя через всю Чехословакию, поезд остановился на станции Миловицы, перегруженной военными. Это был его конечный пункт назначения. Здесь базировался штаб Центральной Группы Советских Войск. Лейтенант Тимофеев выгрузился на перрон, любопытно разглядывая всё вокруг. А всё вокруг представляло собой «заморскую диковинку», как бы выразилась его бабушка.

\* \* \*

Штаб ЦГВ. Подполковник, пролистав личное дело очередного новоиспечённого лейтенанта, нахмурился.

– Так, лейтенант Тимофеев. У вас были нарушения воинской дисциплины в училище?

– Никак нет!

«Ну вот, – подумал Тимофеев, – снова начинают ворошить прошлое».

– Как, совсем? – удивился подполковник.

– Ну, были небольшие нарушения, не без того, – покосился в сторону Владислав: «Эх, знать бы, что там, в личном деле-то накатали!»

– Интересно, а тут вот у вас написано: «имелись случаи нарушения воинской дисциплины, пререкания с командирами», – наверное, женщин любите, в самоволки бегали, а? В чём состояли эти ваши нарушения дисциплины?

– Да нет! Не в этом дело... э-э-э, – замаялся юноша.

– Зна-а-ю, зна-а-ю я в чём тут дело! Ну, да ладно, служите пока, а там мы посмотрим! Отправим вас щас в 30-ю Гвардейскую Иркутско-Пинскую<sup>12</sup>. Там вас быстро научат Родину любить!..

---

<sup>11</sup> Центральная Группа советских Войск в ЧССР

<sup>12</sup> Иркутско-Пинская 30-я дивизия. Это было одно из самых прославленных соединений наших Вооружённых сил. Полностью оно именовалось так: гвардейская Иркутско-Пинская орденов Ленина и Октябрьской Революции трижды Краснознаменная ордена Суворова мотострелковая дивизия имени Верховного Совета РСФСР. Дивизия была сформирована во время Гражданской войны из бойцов Южно-Уральской партизанской армии. В ноябре 1918 года она стала называться 30-й стрелковой, и ей присвоили наименование Иркутская. Это было признание боевых заслуг дивизии, сыгравшей заметную роль в разгроме войск Колчака (что не может не вызывать двойственное чувство сегодня, смешанное с глубоким сожалением). Соединение наградили орденом Красного Знамени. Первым командиром знаменитой дивизии был Василий Блюхер. Именно под его предводительством красные войска отбили у Колчака 13 железнодорожных вагонов с золотым запасом России. Переброшенная с берегов Байкала на юг страны, 30-я стрелковая громила войска Врангеля. Она штурмовала Крым и была награждена вторым орденом Красного Знамени. (Сегодня грустно представлять многие тысячи беженцев из Крыма на трагически известный остров «Лемнос», названный в наши дни известным Российским режиссёром Никитой Михалковым «Русской Голгофой»). В годы коллективизации бойцы дивизии выполняли приказ советского правительства – загоняли людей в колхозы и подавляли крестьянские восстания. (Также весьма печальная страница Российской истории). За успешное выполнение не свойственной для армии политической задачи дивизию наградили орденом Трудового Красного Знамени. Дислоцируясь в районе Днепропетровска-Запорожья, 30-я стрелковая дивизия строила ДнепроГЭС, за что и была награждена высшей наградой страны – орденом Ленина. Весной 1941 года дивизия передислоцировалась в Молдавию. Здесь началось переформирование ее в горно-стрелковую. Однако оно не было завершено, что чрезвычайно осложнило обстановку в дивизии перед войной. По новому штату прежняя структура воинской части упразднилась. Полевые пушки и амундация подлежали замене на горные орудия и вьюки. Но получилось так, что свои пушки дивизия отгрузила, а новых не получила. И 22 июня поднятые по тревоге полки пошли к границе, не имея своей артиллерии. К исходу первого дня войны все стрелковые полки заняли оборону в районе селений Скуляны – Герман. Бои против румынско-немецких войска у реки Прут 30-я дивизия под командованием генерал-майора Галактионова вначале вела успешно. Ее бойцам даже удалось взять в плен большое количество румынских солдат. Но создав превосходство в живой силе и технике, немецкие войска

\* \* \*

Итак, позади все штабы: Милавицы, Зволен. Почтовая машина несётся вперёд через перевал «Доновалы». Через маленькое окошко в фургоне почти ничего не видно. А впереди – маленький словацкий городок «Ружомберок», где предстоит этому двадцатилетнему лейтенанту продолжить, а точнее, начать офицерскую службу, свою взрослую жизнь, радоваться и грустить, взлетать и падать...

---

прорвали оборону 30-й дивизии. С этого времени начинается ее отступление с жестокими оборонительными боями за Днестр, Донбасс, Ростов-на-Дону, Кубань и предгорья Кавказа. Однако отступление воинов 30-й дивизии бегством назвать было нельзя. Не зря в 1942 году она стала 55-й гвардейской. На рубеже реки Реут рядом с границей Молдавии и Украины дивизия продержала оборону девять дней. Более того, она перешла в наступление. 16 июля 1941 года полки получили приказ командира дивизии: перерезать шоссейную дорогу Бельцы – Оргиев. Утром 17 июля части дивизии начали стремительно продвигаться вперед, уничтожая опорные пункты и огневые точки врага. В течение дня 256-й полк, например, прошел с боями более 20 километров, освободив несколько населенных пунктов. Немцы вынуждены были перебросить сюда дополнительные силы. Но добиться того, на что рассчитывало наше командование – ослабить нажим врага на стыке Южного и Юго-Западного фронтов – не удалось. Гитлеровцы так глубоко вклинились на восток, что возникла угроза окружения основной группировки войск 9-й армии. Поэтому 30-я дивизия получила приказ сосредоточиться на исходном рубеже, то есть на том, с которого начала наступление. 5 августа 1941 года гитлеровцы вышли к Днепру. 30-я дивизия неоднократно попадала, казалось бы, в безвыходное положение, но всякий раз ей удавалось выйти из окружения и избежать разгрома. Под Каховкой противник превосходящими силами стал теснить наши подразделения. В этот критический момент полковник Сафонов, командир 256-го полка, бросил в бой последний резерв – взвод конной разведки. 25 кавалеристов выскочили из балки и на полном скаку врубались в фашистскую пехоту. Как узнали после из показаний пленных, взвод из 25 сабель противник принял за кавалерийский эскадрон. Своей внезапной атакой разведчики помогли остановить немцев. Но ненадолго. Фашисты форсировали Днепр, переправили на левый берег танковые соединения и устремились на юг в тыл нашей армии. Уже более семидесяти лет прошло с того осеннего дня 41-го года, когда воины Иркутской дивизии преградили путь танковым соединениям Клейста. Произошло это на севере Ростовской области в районе большого селения Куйбышево. Утром 1 ноября немцы обрушили на боевые порядки дивизии сильный артиллерийский огонь. За первой волной бомбардировщиков последовала вторая, потом двинулась в атаку лавина немецких танков. Если бы такое случилось с менее опытной и закаленной в боях дивизией – не миновать бы поражения. Но воины Иркутской до последнего оставались на своем рубеже. Упорная оборона сорвала план Клейста, войска которого хотя и захватили Ростов-на-Дону, но через неделю вынуждены были бежать из города под натиском контрнаступления Красной Армии. Участвовала в этом наступлении и наша дивизия. После вторичного взятия Ростова-на-Дону и Краснодара немцы самонадеянно заявили: «Ворота Кавказа открыты». Они собирались чуть ли не триумфальным маршем пройти по кубанской равнине к горам Кавказа. Не вышло. Дорогу гитлеровской танковой армии преградили советские войска. Немало подвигов совершили в те дни бойцы Иркутской дивизии. Трудно переоценить ту роль, которую сыграла Сталинградская битва для коренного изменения обстановки на всем советско-германском фронте. И в первую очередь на Кавказском направлении. По существу, вражеская группа армий, действовавшая на Северном Кавказе, оказалась в глубоком мешке. Необходимо было его «завязать». В этом и заключался замысел наступательной операции Иркутской мотострелковой дивизии в январе 1943 года. За штурм Новороссийска Иркутская дивизия первой в нашей армии удостоилась полководческого ордена Суворова. В ноябре 1943 года части дивизии освободили в Керчи район Аджимушкайских каменоломен, где находились знаменитые катакомбы – подземная крепость партизан. Летом 1944 года дивизия приняла участие в блестяще проведенной Белорусской операции «Багратион». Действуя в наиболее труднопроходимых лесисто-болотистых районах, ее воины освободили сильно укрепленный город Пинск, за что дивизия и стала именоваться Иркутско-Пинской. В дальнейшем она вела бои в Восточной Пруссии и штурмовала Берлин. Войну завершила под Прагой, сражаясь с частями фашистского фельдмаршала Шернера еще несколько дней после 9 мая 1945 года. После окончания войны дивизию перевели в структуру Белорусского военного округа с местом дислокации – г. Марьино Горка. В 1968 году в Чехословакии пришло к власти антисоветское правительство. Тогда политическое руководство СССР приняло решение о вводе войск на территорию ЧССР. Иркутско-Пинская дивизия вновь была втянута в политику... «Дивизия» – тактическое соединение в сухопутных войсках. Дивизионная организация войск появилась в России и Франции в начале XVIII века, а в XIX веке прочно закрепилась в армии большинства государств. Перед Первой мировой войной в состав пехотной дивизии русской армии входили 4 пехотных полка, 1–2 эскадрона конницы и от 30 до 70 орудий дивизионной артиллерии. Общая численность дивизии составляла 15–16 тысяч. В СССР в ходе Великой Отечественной войны штаты дивизии неоднократно изменялись, и организация совершенствовалась за счет поступления новой боевой техники и вооружения. По штатам 1943–1944 годов общая численность мотострелковой дивизии составляла 9400, а гвардейской – 10600 человек. Однако реальная численность состава, как правило, была ниже штатной. – *Материал по данным открытых интернет-источников*

## Гвардейский гумбиненский полк.<sup>13</sup>

Полк оказался словно вымершим. Серые толстые стены ограждали часть от внешнего мира. Такие же серые казармы стояли одна возле другой. Всё было компактно, никаких лишних пространств. Никаких бесконечных рощ, пустырей, газонов, клумб и дорог, как это было в училище. Вскоре выяснилось, что полк убыл на учения. Два-три дня можно было расслабиться, ознакомиться с местным внешним и внутренним миром.

### Общага

Владислав устроился в офицерском общежитии в комнате с тараканами, старым развалившимся шкафом, такими же «конченными» тумбочками, тремя армейскими кроватями, хозяева двух из которых сейчас были на учениях.

Тёплый августовский вечер манил к себе. В животе предательски урчало. Стрелки часов показывали 20:30. Тимофеев достал из кармана цветные купюры «подъёмных»<sup>14</sup> чехословацких крон, которые он совсем недавно получил в штабе ЦГВ в Милавицах. Тимофеев, ещё не насладившийся до конца ношей долгожданных лейтенантских погон, натянул хромачи, застегнул китель и быстро вышел в город «при полном параде». Погода стояла на редкость тёплая. Заграница! Мощеные улочки. Странные надписи на латинице. Голова двадцатилетнего лейтенанта кружилась от пьянящего восторга. Преисполненный гордости за свою принадлежность к офицерской элите советского общества, он выбрался легкомысленно в город, ничего не подозревая. Не подозревая и того, что любопытно гуляя вечером по словацким улицам, он гуляет по лезвию бритвы...

С присущей ему офицерской выправкой шагал он навстречу своим новым приключениям в наивной надежде удовлетворить лишь свою гастрономическую потребность. Город был практически безлюден, несмотря на тёплый летний вечер. Странно.

*(В Союзе в каждом городе и городке был свой «Бродвей», где чинно прогуливались люди разных возрастных групп и полов: «На людей посмотреть, да и себя показать». Здесь же казалось, что улица нужна только лишь чтобы переместиться по ней с места на место. В Союзе, в том же Новосибире, в такой летний день многие окна были открыты настежь, вымытые после долгой зимней закупорки. Доносились звуки музыки, иногда разливаясь по всей улице. Словно обладатели своего музыкального чуда, в роли которого выступал либо здоровенный «бабинник», либо проигрыватель с грампластинками, хотели не только продемонстрировать всем факт обладания таковым музыкальным прибором, но и поделиться своей музыкальной радостью со всем миром. Если бы была возможность оглушить божественными звуками запрещённого «Киис» или «Модерн Толкинга», или «Ласкового Мая», или чего ещё всю Вселенную, уверен, многие бы сделали это без малейшего колебания! Здесь же окна домов были закрыты, звуки не доносились, и вообще, создавалось впечатление, что за окнами просто нет ни души. Дома были совершенно пустынные.)*

Тщетно Тимофеев пытался найти знакомое слово «ресторан», «кафе» и тому подобное. На одной крупной вывеске над деревянными остеклёнными дверцами, откуда только что вывалилась шумная группа словаков, снова значилась странная надпись «RESTAURACIA», какую Тимофееву уже доводилось встречать ранее, но которую он наивно принимал за нечто, связанное с ремонтом и восстановлением. Усмехнувшись над самим собой, вошёл он в сие заведение, приятно наполненное парами свежего пива, копчёного сыра и чем-то ещё,

---

<sup>13</sup> Один из полков 30-й гвардейской, дислоцированный в г. Ружомберок.

<sup>14</sup> авансом выданное дополнительное денежное пособие в размере, примерно, оклада

трудно определимым, но вполне приятным. За чистыми столами, накрытыми белоснежными скатертями, оживлённо и громко разговаривали разные люди. Некоторые – семьями. Так это было не похоже ни на традиционный чопорный помпезный советский ресторан с ансамблем и танцами, ни на пивной павильон с рыбной вонью и алкоголиками. «Попивает пиво свежего разлива рядышком зелёная тоска...», – вспомнил он кусок песни Юрия Лозы. Тимофеев пива не любил, ассоциируя его лишь со словами всё той же песни: «... Опухшие лица, мозги, животы. Под хлопьями пены навеки уснули дела и мечты. Мир повернулся Стеной. Пивной!..»

– Добрый день! – Тимофеев присел за свободный столик.

– Dobrý deň, – заулыбалась женщина в фартуке. – Prosím?

– Поесть бы чего-нибудь.

– Nič. V deviatom poschodí kuchyne je uzavretý.

Удивлённый лейтенант привстал:

– Что?

– Kuchyňa uzatvorené. V deväť hodín!

– Не работает кухня что ли? С девяти?! Вот чудеса! А где работает? Есть что-то ещё рядом?

– Nemá. Nikde sa tam. Všetky uzavreté, – она лопотала что-то, что Тимофеев не мог разобрать. Едва улавливая суть. Но всё же улавливая! Славяне как ни как!

– Всё везде закрыто, короче! Так?

– Так.

– А что маете?

– Píť, syr, hrumki.

– Хорошо. Давайте пиво, сыр. А что такое «хрумки»?

Женщина лишь пожала плечами и удалилась за пивом.

Поморщившись от горького привкуса пива, Тимофеев решил «прикончить» кружку залпом, чтобы долго не мучиться. Не любил он пиво! Потом принялся за сыр, отмаывая и отрывая диковинные куски копчёного сыра от заказанной «сырной катушки». Такой вот местный ужин!

– Kamarad, liečbe slivovica! – Мужчина подошёл к лейтенанту. Поставил рюмку с прозрачной жидкостью перед ним.

– Pijeme Sovetsko-Československého priateľstva!

– За přátельство? – улыбнулся Тимофеев. – Ну, давай, за дружбу!

– Ako je vám rokov, kamarad?

– Что? – Тимофеев только морщился, ничего не понимая.

– Let ako?

Но вскоре, видимо, пивной алкоголь, да на голодный желудок быстро растёкся по его мозгу, и понимание сказанного стало лучше докатываться до его хмелеющего сознания догадками ассоциаций.

– А-а! Лет сколько?! Двадцать роков.

– Dvadsať rokov a je rogučik!? – воскликнул удивленно словак.

– Ну да, поручик! Лейтенант, вернее сказать!

– Ako mladí rogučik!

– Не млады, двадцать роков, говорю!

Словак чокнулся о лейтенантскую рюмку, опрокинул содержимое в рот. Тимофеев последовал примеру. В его голове совсем всё зашумело. Тепло разлилось по телу. Хотелось закусить чем-то нормальным, но был только сыр... Словак поднёс ко рту кружку пенного пива, смачно сделал несколько глотков. Что ж, водку без пива... словаки не употребляют!

Через пару минут, они уже сидели рядом и весело говорили о чём-то. Хороший переводчик эта сорокоградусная сливовица!

За столиком напротив сидели две девушки и изредка косились на советского офицера. Тимофеев, разгоряченный алкоголем на голодный желудок, улыбнулся девушкам. Черные влажные очи одной посмотрели ему в глаза так, словно коснулись его самой сокровенной души. Как бы он расцеловал сейчас их. Эти милые глаза напротив! А может, это лишь водка гуляет по венам? Он улыбнулся и покраснел. Потом, наконец, набрался смелости и подсел к девушкам, оставив своего словацкого «камарада», сосредоточенно тягающегося с батареей здоровенных пивных кружек, наполненных пенной горьковатой хмельной жидкостью.

– Добрый вечер.

– Dobrý.

– Меня зовут Влад. А вас?

– Кого. Меня али её? – ответила черноокая почти чисто по-русски.

Тимофеев задумался и покраснел. А действительно... Стремясь выйти из конфуза, он ответил:

– А вас обеих!?

Те весело переглянулись, фыркнули и рассмеялись. Тимофеев ретировался. Девушки поднялись и вышли, покосившись на обескураженного лейтенанта. Стремясь ухватить уползающую удачу «за бороду», Тимофеев хлопнул на прощание словака по плечу, положил одну цветную купюру на стол и последовал за девчонками. Словак выкрикнул что-то грубое девушкам вслед, навроде: «Курва... пича...». Бог весть что! Тимофеев не понимал значения этих странных слов. Словак посмотрел не слишком по-доброму на этот раз на лейтенанта и присосался к очередной кружке пива, которыми он, по обыкновению, закусывал сливовицу.

Молодые люди шли по мощеным улицам. Тимофеев не знал, куда и зачем. Впервые он чувствовал полную неуверенность, вынужденно отдавая бразды лидерства спутницам. Ведь он был в чужой стране. Впервые. Среди чужого уклада, традиций и обычаев. От этого он конфузился и терял уверенность. Словацкие девушки, как и полагается большинству девушек, ожидали рядом надёжного сильного мужского плеча, способного не то, что лихо зажать их юные формы в тёмном подъезде, а умеющего предложить чего-нибудь интересенького их познающим этот чудесный мир, жадным до приключений, натурам. Хотя бы, вроде того, «а не махнуть ли нам на «забаву»<sup>15</sup> в соседний городишко». Они ожидали рядом парня, который мог лихо подогнать «Шкодовку»<sup>16</sup> и открыть им новый, доселе невиданный яркий мир, полный развлечений и зрелищ. Но что мог предложить этот зелёный советский мальчишка в зелёной форме лейтенанта да ещё в чужой для него стране, где он чувствовал себя совершенно неуверенно?

– Ako sa voláš? – наконец вымолвила одна из девушек, продолжая начатую в реставрации тему.

– Что?

– Как тебя зовут? – перевела темноокая.

– Влад, а вас?

– Зденка, Ингрида, – ответили девушки по очереди.

Ночь опустилась над городом. Редкие фонари освещали черепичные крыши. Светил тусклый месяц, пробиваясь сквозь какой-то вонючий туман, наполняющий пространство вокруг.

Владислав сморщился, понюхал, словно собака, воздух.

– Это Супра, – Зденка пожала плечами.

---

<sup>15</sup> Местные танцы до утра

<sup>16</sup> Автомобиль «Skoda»

- Что это, Супра?
- Фабрика. Вираба папиер... бумагу.<sup>17</sup>
- А-а-а-а!
- Ну, мы пришли. Тераз дале мы пбйдем сами.
- Мы сможем ещё увидеться?
- Мôže byt', – загадочно произнесла Здена и быстро исчезла в темноте, не оставив никаких «зацепок» разгоряченному лейтенанту...

---

<sup>17</sup> Целлюлозно-бумажный комбинат

## 1.5 (87.08.26) Крестик

### Август 1987 г. «Оремов Лаз». ЦГВ Полигон. Седьмая рота

Ночь. Лишь свет с «вышки». Рядовой Разорёнкин прицелился из снайперской винтовки СВД в мишень «пулемётный расчёт». Дождлся автоматной очереди рядом. Нажал курок. Сухой щелчок. Мишень упала. Он скрытно передвигался, под прикрытием ночи, как и положено скрываясь в складках местности, стараясь себя не выдать. Его, хоть и разгильдяя, но отличного стрелка, ротный отправил в поле «для подстраховки». Он шёл со «снайперской винтовкой Драгунова» наперевес правее от каждого слабого, выполняющего «упражнение контрольных стрельб», и валил мишени. Что ж, это был единственный способ для 7-й роты не упасть лицом в грязь, да и потом сдать хоть как-то очередную осеннюю проверку. «Упражнение контрольных стрельб» предполагает перемещение вглубь стрельбища несколько сот метров, стрельбу по различным типам мишеней, в том числе и «бегущих» из различных положений, с том числе и «с ходу». Разорёнкин изрядно устал. И, тяжело дыша, мазал всё чаще. Десятый выстрел и всё. Магазин пуст. Но и так – не плохо.

Наконец, батальон окончил стрельбы. Группы пехоты сидели, курили, ожидая долгожданного построения для убытия в лагерь.

– Ты, чмо<sup>18</sup>! – рядовой Каримов отвесил затрепину рядовому Иванову. – Сигарету мне стрельни. Быстро!

Иванов, потупив взгляд, промышчал что-то невразумительное себе под нос.

– Я не понял! – с вызовом выпятив нижнюю губу, повторил Каримов.

– Иванов! Чмо! – Разорёнкин, стоявший поодаль, зло сплюнул.

Иванов исчез. Подошёл к группке солдат «средней иерархии», раздобыл сигаретку и уже спешил в направлении Каримова.

*(Некому было за него заступиться. В местной пехоте господствовало «землячество». Здесь солдат-изгой оставался «молодым» все два года. «Правящие» конкурентные группировки здесь – «Узбекская» и «Азербайджанская». Есть ещё поменьше – «Таджикская», «Дагестанская», и другие. «Русская группировка» так же есть, к ней прибиваются все «меньшинства». Она открыта для всех. Но заступаются они за «своих» только «за дело». За какое такое «за дело»? Если здесь никому ни до кого и не до чего дела – то нет! Вообще, славяне везде обычно одиночки. А потому, они здесь всегда в самом незавидном положении.)*

– Рядовой Разорёнкин! Заступаете сегодня в наряд, – Майер открыл свой «чёрный блокнот», с внесёнными туда накануне фамилиями.

Разорёнкин поморщился. Поправил винтовку.

---

<sup>18</sup> «Чмо», в переводе с солдатского лексикона, означает, в широком смысле, опустившегося морально солдата, которого все третируют. Или, другими словами, изгой. Но более точная расшифровка этому термину, как утверждают некоторые – «Человек Московской Области». Что ж. Не любят в Армии москвичей. Так уж повелось. Не нами придумано. А главное, что никто толком не знает этому истинного мотива. Как и в случае с евреями... Но куда денешься? Нужны обществу изгой. Без них никак! А уж что касается места жительства – это так. На случай, если изгой сам по себе не обозначится. Так тут уж сам бог велел обрушиться на «москалей»! Дескать, зажрались они. Маменькины сынки. Эгоисты. В Москве жизнь – это тебе не в Сибири. Мать твою так! Но жизнь вносит свои коррективы. Вот и теперь. Настоящий «ЧМО» – москвич Разорёнкин, стоит, ржёт во всю глотку с Каримовым. А Иванов – он из Орла. И он на деле главный «чмошник» седьмой роты. Его руки покрыты какими-то нарывами, гнойными коростами. Он вечно самый грязный и рваный. Самый холодный и голодный. Он – вечный раб и объект для бития каждого, кому только не лень. Только вот что примечательно, ни разу не доводилось видеть «ЧМО» из Средней Азии или Кавказа. Или почти ни разу! Земляки не опустят этого! Тронь одного и обрушатся все. И не важно, кто прав, а кто виноват!..

– Не советую, товарищ Майер, – Несветайло раздражённо хлопнул лейтенанта по плечу, – нам проверку сдать нужно. Разорёнкин мне будет нужен и завтра. Ставь в наряд Иванова, например, от него толку и так, что с козла молока! Тем более он верующий!

– Товарищ капитан..., – открыл было рот Майер, – ... в роте бардак...

– Лей-те-нант! – отрезал капитан.

«Подтачивает моральную основу советского солдата неправильная работа младших командиров и политработников ротного звена, – вспомнил Майер недавнее заявление замполита батальона, взятое им из каких-то современных трудов армейских полит органов, наверное, – что ж, есть, такое дело! Здесь уж словно в воду глядят эти штабные «полит ребята!» – он рассек ладонью пространство и надул щёки, выпуская воздух, словно вырывающийся наружу пар...

– Иванов! А ты точно верующий, что ли? – подошёл к бойцу Майер.

– Ну да, – смутился тот.

## **Прошлое** **Март 1982 г. Алма-Ата** **Никольская церковь**

Никольская церковь. Эта старая деревянная церковь, построенная в самом начале двадцатого столетия<sup>19</sup>.

Синие стены с белыми колоннами и оконными сводами, золотыми куполами. Тихо вокруг. Сосульки искрятся на крышах, мокрая снежная кашня под ногами школьников, весело бредущих по городу после внеклассного организованного просмотра нового кинофильма «Вам и не снилось», увлечённо обсуждая сюжет...

– А давайте зайдём в Никольскую церковь, интересно, как там внутри, – предложил Майер своим одноклассникам.

– Да ну!

– Мы же комсомольцы!

– Ещё кто-то увидит! – одноклассники явно не проявили нужного энтузиазма к предложению товарища.

– Да ну вы чё, хватит гнать! Давай зайдём, хотя бы погреемся!

– Вот тебе надо, сам и иди! А мы дальше, догонишь, еже ли чё.

– А я пойду!

– Иди-иди!

– А вот и пойду! – Александр Майер назло товарищам поднялся по ступенькам на высокое крыльцо церкви, обернулся к товарищам. – Если не вернусь, считайте меня комсомольцем!

– Давай!

---

<sup>19</sup> В 1904 году жители юго-западной части города Верного (Алма-Ата, ныне Алматы), местности, которая в то время называлась Кучугур, приступили к изысканию средств для постройки храма на, так называемой, Зубовской площади. 14 декабря 1908 года новый храм Святителя Николая (Николаевская церковь), созданный по проекту архитектора С. К. Тропаревского, был освящен архиерейским служением. В 1911 году мощнейшее землетрясение в 9 баллов разрушило почти весь город. Однако, как чудо, церковь выстояла среди глубоких трещин в земле. После революции Никольский храм, сохраняя верность Патриаршей Церкви и Православной традиции, явился оплотом Православия. В конце 1920-х и в 1930-е годы, когда в Алма-Ате был пересыльный пункт ГПУ, в Никольской церкви находили приют сотни сосланных в Казахстан «врагов народа», среди которых было множество духовенства и монашествующих. В феврале 1936 года церковь была закрыта. В ее помещении разместили музей атеизма. С начала Великой Отечественной войны в церкви была устроена конюшня, а в подвале разместились военная штрафная рота. 5 июля 1945 г. постановлением Священного Синода была образована упраздненная в 1936 г. Алма-Атинская и Казахстанская епархия, управляющим которой назначен освободившийся из ссылки Архиепископ Николай (Могилевский). В 1946 г. Никольская церковь была вновь передана общине верующих.

Одноклассница Маринка, тайно влюблённая в него отделилась от остальных.

– Саша! Постой! Я с тобой!

Девушка уж давно засматривалась на этого рослого парня-одноклассника, однако он не проявлял к ней, как к девушке, должного интереса, хотя и догадывался про Маринкины чувства. А ей так хотелось обратить на себя его внимание, обворожить его, околдовать, хоть даже наложить заклятье.

\* \* \*

Как я хочу заклятье наложить,  
Чтобы не смог ты без меня прожить.  
Другую обнимал бы не любя.  
И чувствовал, что предаёшь себя.  
Что б я являлась из полночных снов,  
Не растворялась в карусели слов,  
Слова и поцелуи в душной тьме  
Тоскою обрывались бы во мне.  
Жестоко это? Что же, может быть.  
Прости, дай бог тебя забыть!  
Не вспоминать ни имени, ни глаз!  
Забудь и ты и будешь прав сто раз.  
Ты будешь прав – и всё же я жалею,  
О том, что класть заклятья не умею!

*Автор Е. Нартова*

Девушка радостно вбежала по ступенькам, посмотрела проникновенно в глаза юноше.

– Ну, Маринка, хоть ты – настоящий друг, ну что, была ни была!

Молодые люди зашли внутрь. Тихо, робко, неуверенно они прошли к середине. Вокруг горели свечи, чадя особым медовым запахом натурального воска, отражаясь в золоченых иконах, смотрящих сочувственно на вошедших. Святые словно изучали их, укоризненно разглядывая этих любопытствующих атеистов, вторгшихся в их священный мир, чуждый этим богоотступникам.

– Краси-и-во! – Саша кивнул в сторону алтаря.

– Краси-и-во, – согласилась девушка, – только возьми меня за руку, а то мне страшно чуть-чуть.

Прихожан было крайне мало. Несколько бабушек в платках стояли, поглядывая исподлобья на нарушителей священного спокойствия.

Александр держал девушку за пальчики, они медленно шли, любопытно рассматривая всё, куда только не падали их взгляды.

– Это вам не дом свиданий! – вдруг одна из хмурых бабушек вышла на них откуда-то сбоку.

Молодые люди отпрянули недоуменно, но с другой стороны несколько других сморщенных бабушек зло набросились на них.

– Не туда смотрите! Смотрите вон туда! – одна из них ткнула сгорбленным сухим пальцем в сторону стены над входом.

Майер поднял глаза.

– А что там?

– Там Ад! Гореть всем вам, нехристям, в Аду!

- Гореть вам в Аду!
- Бесстыдники!
- Безбожники!
- Покарает вас всех Всевышний, за ваши грехи!

Молодые люди, зашуганные в конец, с молчаливым недоумением от такой неласковой встречи пятились к выходу, взирая на жуткое изображение ада над выходом.

На улице искрился снег, там мило сочетаясь с белым раскрасом колонн и оконных сводов Храма. В сумерках, освещаемые фонарями, мерцали золотом купола.

– Что это было? – Александр смотрел недоуменно на Марину.

– Не сердись на них. Им знаешь, как досталось! Столько гонений пришлось пройти. Какую трудную жизнь прожить, столько близких потерять! Они уже и сами не в силах отделить добро от зла!

– Да мне после такого в церковь как-то больше совсем не хочется, – усмехнулся Майер, – ну их, дуры!..

– Не злись ты, будь умнее! Моя бабушка говорила, что каждый человек, даже священник, даже святой, в православной вере, лишь грешник!

– Как же это возможно, чтобы священник был грешником?

– А так! Святые – это те, кто свет людям несут. Но нет безгрешных людей на земле. Это у католиков только папа Римский непогрешим.

– Православные, католики, святые! Можно запутаться в этом всём.

– Хм..., ещё говорят, что Бог он многолик, поэтому мы и говорим «Вы», когда обращаемся друг к другу уважительно.

– Откуда ты всё это знаешь?

– Говорю же, от бабушки своей.

– Она у тебя верующая что ли?

– Ага!

– А ты?

– А я не знаю... Я нет. Я же комсомолка...

– Ну, Маринка, слава богу, а то ты меня уже начала пугать...!

– Я вовсе не хочу тебя пугать.

## **Настоящее Август 1987 г. «Оремов Лаз». ЦГВ Полигон. 7-я рота**

Майер, отряхнул нахлынувшие воспоминания, посмотрел снова на бойца.

– Хм! А оружие то как, тебе, верующему, держать не противопоказано, а? По вере-то твоей?

– Никак нет. Не противопоказано, солдат грустно пожал плечами, – это баптисты-пацифисты, а я Православный!

– А-а-а! И крестик носишь?

– Ношу.

– А ты комсомолец, вообще?

– Не-а.

– Ладно. Сильным надо быть. Дали по морде, а ты сразу же сдачу! Бац, промеж рогов! Понял?

– Не-е, товарищ лейтенант. Я драться не могу. Меня учили, что драться плохо.

– Тебя всё верно учили. Ты не дерись, но сдачу-то дать нужно уметь! За себя постоять! За близких!

– Православная вера она не воинственная, а жертвенная. Ведь нельзя идти к цели по головам, думая лишь об эволюции тела, как это делает Ницше.

– Ницше? Кто это? С какой роты?

– Это такой немецкий философ прошлого века. У него есть даже такая книга «Анти-христ. Проклятие христианству». Это идеология фашистов. А у человека же есть душа. И это важнее, чем тело. Потому что тело смертно, а душа бессмертна. Вот о ней и нужно думать больше. О спасении души.

– Да-а! Уж! Ладно. А мне вот католические костёлы больше нравятся. Там как-то так...

– Мрачно.

– Что-о?

– Мрачно там. Устрашающие всякие вещи, острые углы, грифоны, мало света.

– Н-у-у, а мне нравится.

– А вообще, а вы знаете, в чём главная разница между православием и католичеством?

– Ну, в католических храмах, там культурнее как-то и сидеть можно, а в православных все на ногах.

– Ну, эт внешне, а внутренне, различия более важные. Католики отошли от истонного христианства. Они назначили себе наместника бога на земле в виде Папы Римского, объявили его непогрешимым.

– Ну и в православии, вроде, святые есть.

– Святые, это те, кто Свет истины людям несёт, но все они грешные, ибо нет человека безгрешного, все согрешили.

– Слышал я уже что-то в этом роде. Но ведь и те, и другие христиане.

– Христиане... Да... Только Папа Римский же уничтожил колыбель православного христианства – Византию<sup>20</sup> разорил Константинополь, попрам православные ценности, благословил не один Крестовый поход и на православную Русь. Вот вам и христиане!

– Да-а! Уж! Ладно. Ладно... Просветил. Вот поэтому-то мы и боремся с этим «опиумом для народа». Каждый кулик своё болото хвалит, а в результате – одни беды и несчастья!

– Православная вера от того и православная, что правильно славит бога нашего. И не делает ни против кого бы то ни было «крестовых походов». К истинной вере людей приводит через убеждение и примером добродетели, а не мечом. Жаль только, что у нас церкви многие по-прежнему закрыты. Вы хоть были ли там когда-нибудь?

– Я был в Алма-Ате в храме. Работает он.

– А были ли в Киево-Печерских лаврах?

– Это в Киеве? Не был.

– А я был. И грустно стало. От того, что сегодня Киево-Печерские лавры – лишь оплот атеистической пропаганды. Берегут их, как исторический памятник, но не желают оживить. Оккупировавшее Лавры Министерство Культуры Украинской ССР, как хранитель скелета. Я спросил там гида: «...а в этом храме не чувствуется присутствие церкви». А она мне: «вы что, пришли в церковь? Так вы не туда попали! Это музей!»... грустно от такого!

– Грустно-то оно грустно. Но меня как-то так в действующей церкви отбрили, что я бы чувствовал себя комфортнее в музее.

– Бабушки?

– Они!

– Значит, это были обозлённые, не просветлённые люди. Не все священники свет несут. А что тут про бабушек. Вера она должна быть в сердце, а Храм – это лишь место, где человек может зажечь свет своей духовной свечи. А народ, порой, в желании снискать благодать

---

<sup>20</sup> 4-й крестовый поход

затопчет любого. Это касается не только прихожан, но, к сожалению и тех, кто служит к церкви.

Храм – это лишь возможность, а не панацея. Лишь единицы способны, на самом деле, зажечь этот свет. Недаром говорят, что «узки врата в рай».

– Узки врата в рай... м-да-а-а! Ну, ладно, товарищ Иванов, ты, солдат, конечно, чешешь языком как сапог по асфальту! Наверное, хочешь часик – другой строевой на плацу позаниматься?! – сменил тему офицер.

– Что ж, могу и строевой.

– Можешь, Иванов! Конечно, можешь! Конечно, можешь про душу то думать, но сегодня учи Устав и готовься к наряду! Ты в Армии, а не в монастыре! Да смотри мне, а то я сам из тебя твою душу выну! Отмойся хотя бы! Сгниёшь так совсем тут! Вот о спасении своём и подумай! Если не души, то хотя бы тела своего брэнного! Знаешь, как там говорят? В здоровом теле – здоровый дух! Мыло-то есть? Держи вот, православный христианин! – офицер протянул солдату кусок «земляничного», да, и вот ещё, будет тебя кто обижать, говори мне сразу. Я неуставухи в своём взводе не потерплю. Понял меня?

– Так точно, товарищ гвардии лейтенант!

– А про Бога твоего мы ещё поговорим, но позже!

«Вот, жертва аборта, ёшкин кот! Умный себе, зараза! Пускай с ним теперь замполит беседует!» – прошептал лейтенант себе под нос.

## **Прошлое Весна 1982 г. Алма-Ата Возле Никольской церкви**

Молодые люди шли, оглядываясь на эту красивую старую церковь, видевшую ещё начало этого века.

– Саша, а пошли в парк Панфиловцев погуляем? – предложила Марина.

– Да я бы с удовольствием, Марин, но мне к олимпиаде по математике нужно готовиться, знаешь!

– А-а-а! Ясно. Иди, готовься, – Маринка махнула разочарованно рукой.

– Да ты не обижайся, Маринка! Правда, мне некогда, давай, провожу тебя домой.

– Не волнуйся. Я не маленькая. Сама доберусь. А пока я хочу гулять. Ты не можешь, так я сама пойду.

– Точно? Без обид?

– Точно! Какие уж тут обиды! – Маринка помахала варежкой однокласснику, улыбнулась, проглатывая обиду, и пошла по мягкой снежной кашне. Ей было грустно, но эту грусть она старательно прятала за свою неестественную улыбку. Что ж, «мы выбираем, нас выбирают... это так часто не совпадает!...»

\* \* \*

...Её сегодня мучает догадка.  
Все мысли, все вопросы – к одному.  
Мальчишка на неё взглянул укордкой.  
И сразу отвернулся. Почему?..  
...Домой она приходит. И невольно,  
Всё о мальчишке думает. А он

Старательно готовится к контрольной.  
В одну лишь математику влюблён...  
...Потом приходит ночь, рассыпав звёзды.  
А ночью, почему-то не до сна.  
Родители всё объясняют просто:  
Девятый класс!.. Контрольные!.. Весна!..

*Автор Е. Нартова*

## 1.6 (87.08.26) Самораспределение

### Август 1987 г. Ружомберок Штаб полка

Кабинет секретаря парткома части гвардии подполковника Полунина. На стене – стенды «Лучшие коммунисты полка», «Задачи партийной организации на 1987 год», какие-то схемы, таблички, портреты – Ленина и Язова – только что взошедшего на пост министра обороны старика, вместо ушедшего на пенсию другого старика – Соколова, снятого по вине кажущегося безобидным озорника Руста<sup>21</sup>, посадившего свой спортивный самолёт на Красной площади.

(Но это была лишь мнимая «безобидность»... Вряд ли такая глупая мысль могла бы прийти в голову этому наивному пилоту без чьей-то подсказки. И вряд ли бы на эту авантюру кто-то решился ранее в условиях напряжённой «холодной войны». Другое дело – сейчас, когда уже начали рушиться старые ценности.)

Итак, полированные столы, мягкие стулья, сейф в углу, цветы. Довольно уютный кабинет. Оперевшись локтями о стол, сидел солидного возраста тридцатитрёхлетний шатен. Лицо его сияло, в голубых глазах бегали какие-то чёртики, и за внешней мягкостью чувствовались железная хватка и непреклонный характер. Про таких можно говорить: «Истинный партиец».

– Выпускник Новосибирского Высшего Военного Политического Общевоинского Училища лейтенант Тимофеев прибыл для дальнейшего прохождения службы в должности заместителя командира роты по политической части, – скороговоркой бодро рапортовал Владислав.

– Ну вот, ещё один «герой нашего времени» явился! Садитесь, товарищ лейтенант, – подполковник кивнул на стул, – Новосибирское, говорите, училище заканчивали?

– Так точно! – гордо произнёс лейтенант и подумал: «Ну, точно сейчас скажет: ваши, дескать, выпускники отличаются умом и сообразительностью», – он это много раз уже слышал и в училище их в этом усиленно убеждали. И всё же приятно услышать это ещё раз!

– Есть тут у нас «ваши»? – парторг сделал паузу. – Что не новосибирец-то оболтус... – хмуро улыбался подполковник, – ну, об этом после.

Влад помрачнел от неожиданности: «Вот те раз! Что это только что было!?».

– Служить вам предстоит в части с богатыми традициями, – продолжал улыбаться подполковник. Далее последовало описание этих традиций и наставления Тимофеева на путь истинной службы.

«Конечно же, я буду служить хорошо, напрасно этот подполковник даёт такие тщательные инструкции», – думал лейтенант с помрачневшим выражением на лице.

---

<sup>21</sup> *Matias Rust* – немецкий спортсмен-пилот, в возрасте 18 лет совершивший перелёт на лёгком самолёте из Гамбурга через Хельсинки в Москву. Советские истребители обнаружили самолёт Руста, но не получили инструкций об уничтожении. Нетронутый советской ПВО, Руст приземлился 28 мая 1987 года на Красной площади. Отец Руста был бизнесменом, продававшим такие самолёты. В СССР Руст был приговорён к четырём годам лишения свободы, однако вскоре был амнистирован. А Горбачёв получил повод для снятия с должностей своих политических противников: министра обороны Сергея Соколова и командующего ПВО Александра Колдунова. Руст вернулся домой мировой знаменитостью. В дальнейшем Руст получил четыре года тюрьмы в Германии за то, что ударил ножом медсестру, но был также досрочно освобождён. Он вёл авантюристичный образ жизни, путешествовал, менял жён, религии. А в настоящее время зарабатывает на жизнь игрой в покер. Скандальный самолёт же выкуплен немецким техническим музеем в 2008-м, почему-то у богатого японского бизнесмена, хранившего реликвию все эти годы.

– Пить, как Вы знаете, нельзя! Но это вам не Союз – здесь полно «реставраций». Знаете, что это такое?

Тимофеев задумался, вспоминая вчерашний вечер, весёлого словака со сливовицей...

– Товарищ лейтенант, не спите!

– Да, я знаю, что это такое, – встрепенувшись, без тени сомнения ответил Владислав.

– Ну, ну! Уже, выходит, успели познакомиться! Так вот, посещать эти заведения тоже нельзя! Кто попадает, получает партийное взыскание, некоторые – отправляются в Союз, прапорщики – увольняются из Армии и опять же отправляются в Союз самым ближайшим поездом! – подполковник продолжал улыбаться. – Есть здесь у нас один ваш выпускник. До сих пор с парт взысканием ходит...

Владислав мысленно почесал затылок.

– Вы холосты? – подполковник снова поднял глаза.

– Да! – не без гордости прозвучал ответ.

Лейтенант немного приободрился, предполагая, что теперь они, наконец-то, оказались в «позитивной» для лейтенанта зоне беседы. Он гордился своим холостым положением, почему-то считая, что такая же гордость за него должна переполнить и подполковника.

– Та-ак! Хочу отдельно предупредить вас насчёт женщин, – подполковник сладко улыбался, – ведь холостяки – это потенциальные залётчики и я предпочитаю женатых, с ними спокойнее. Учтите, со словачками общаться нельзя. Будете замечены, поедете в Союз, получите партвзыскание... ну и вообще, надуют Вас, лейтенант, тогда как зяблика! Ясно?

Тимофеев едва не поперхнулся, вспоминая чёрные глаза Здены и представляя визуально, как его станут «надувать как зяблика»...

Подполковник продолжал ехидно улыбаться:

– Есть здесь пять вольнонаёмных женщин в полку, одна другой «милее», причём чем дольше вы будете здесь служить, тем милее они вам начнут казаться, вот ими и обходитесь, если сможете, конечно. Правда, на них тут и без вас повышенный спрос, как на раков на безрыбье! – Подполковник усмехнулся куда-то в угол своего кабинета. От такого откровения лейтенант покраснел.

– Предупреждаю относительно чужих жён. Есть здесь один ваш выпускник из Новосибирска – старший лейтенант Хашимов, – лицо подполковника нахмурилось, но через минуту улыбка постепенно вернулась на место. – Переведён он к нам на перевоспитание из другой части за то, что крутил роман с женой своего командира роты, – последовала длинная пауза. – Нехороший тип, я бы его хоть сейчас куда-нибудь спихнул, да некуда. В самой залётной роте полка служит и так. Не советую Вам с ним дружить, избегайте его.

*(Но кто мог знать тогда, что их койки уже стояли рядом!)*

– Дружить вам нужно вот с этими...

*(Далее последовало перечисление всех лиц, с которыми Тимофееву следовало бы дружить. Перечисление закончилось одной фотографией на щите «Лучшие коммунисты полка». С фотографии смотрел крепкого телосложения старший лейтенант с жёсткими усами, слегка кавказским выражением лица, принадлежавшего, как выяснилось позже, человеку русскому, любившему, однако, похвастать своими необычными «корнями», как в смысле социальном, так и в национальном, и любившему вспоминать своего героического деда, чей танк, якобы, и по сей день стоит на центральной площади в Праге.)<sup>22</sup>*

<sup>22</sup> Через два года, в 89-м советский танк, принимавший участие в освобождении Праги от фашистских захватчиков уберут из Праги, а затем перекрасят в розовый цвет. А спустя примерно пятнадцать лет, на этом самом месте будет установлена зелёная статуя коровы, украшенная красной звездой и цифрой 23, как и легендарный танк. Это будет одна из 200 коров международного проекта «Парада коров», посетивших улицы Праги. Однако студенты философского факультета Карлова университета всё же разобьют её, считая, что статуя оскверняет память 144 тысяч погибших воинов Советской армии, за что будут обвинены местными властями в вандализме...

– Это командир 9-й роты старший лейтенант Сидоренко, – далее последовало описание славных достижений этой роты, которая «гремела» на всю дивизию как одна из лучших.

Затем последовало перечисление всех подразделений, где отсутствовал замполит роты, в их числе оказалась и та самая знаменитая 9-я рота! «Дай бы бог попасть в неё», – загадал Владислав.

Но теперь ещё предстояло представиться начштаба...

Тимофеев вышел из штаба. Вдохнул воздух, потянулся.

– Чё, Тимофеев, и ты здесь? – услышал он неприятный голос, знакомый ещё с училищных стен. Голос его однокашника двадцатипятилетнего лейтенанта Ивана Кузнецова. *(Который, попавшись в училище на краже денег у своего товарища, получил строжайшую оценку ротной партийной организации, состоящей к концу обучения, в основном, из самих курсантов.*

*Вследствие чего он так и остался комсомольцем. Последнее не позволило ему занимать должность заместителя командира роты по политической части, и распределялся он на должность командира взвода.)*

– Уже представился? – Кузнецов смотрел на него из-под козырька, закинув голову.

– Да, представился, а ты что, тоже сюда попал?

– Попал! Попал – не попал! Не в тире! Хэ! Меня сюда распределили! Ладно, давай! – Кузнецов, также при «параде», довольный собой и своим остроумием, проследовал внутрь штаба...

## Плац

Вот он, начштаба части. Майор Карпов. Стоит на плацу, поблёскивая сапогами. Нужно ему представиться, и Владислав быстро зашагал.

– Ты откуда такой красивый? – остановился проходивший мимо невысокий майор в полевой форме, старой зелёной фуражке, с красным морщинистым лицом. – Не к нам случайно?

– В 9-ю роту, – самоназначил себя Тимофеев. В душе потеплело. «Да, я действительно неплохо смотрюсь в парадке цвета морской волны, в глаженных новеньких хромачах, блестя золотом новеньких лейтенантских погон», – думал он.

– А-а-а! Третий батальон! Жа-аль! Ну да ладно, – майор в полевой форме помчался дальше...

\* \* \*

Начштаба части тридцатилетний педант гвардии майор Карпов медленно прохаживается, смотрит куда-то, останавливается, лицо недовольно. Он словно и не замечает приближающегося молодого лейтенанта в парадной форме. «Нужно ему бодро представиться, – думает лейтенант, – произведу на него впечатление».

– Товарищ майор! Лейтенант Тимофеев прибыл для дальнейшего прохождения службы в должности заместителя командира роты по политчасти, – он смотрел на майора с собачьим благоговением, ожидая похвалы за выправку.

– Вас что, товарищ лейтенант, не учили прикладывать руку? – недовольно с пренебрежением произнёс тот, – доложите мне, куда должна прикладываться рука?

– К виску!

«Чёрт возьми, что он ко мне прицепился?» – досадовал про себя лейтенант.

– К виску! – ухмыльнулся майор. – Читайте, товарищ лейтенант, Устав. Чему там вас, мордovorотов, только в училище учат!? – майор недовольно сморщился.

– Ладно, в какую роту вас назначили?

– В 9-ю! – сам себя назначил Владислав, мгновенно сориентировавшись в ситуации.

– Хорошая рота. Скоро полк вернётся с учений, будете принимать должность, а пока сходите в казарму, ознакомьтесь с расположением, – хмуро, с пренебрежением произнёс майор.

«Что-то не очень весёленькое начало. Хотя и не без успеха!» – подумал Тимофеев, направляясь в желанное расположение 9-й роты, куда он сам себя распределил.

## 1.7 (83.07.) Прошлое. Абитура, первые курсантские шаги

### Июль 1983 г. Новосибирское ВВПОУ

*«Сурова жизнь, коль молодость в шинели и юность перетянута  
ремнём».*

Палаточный городок. Тимофеев, с синими кругами под глазами и ввалившимися щеками, сидел на нарах, сколоченных четвёртым курсом для абитуриентов, по старой традиции, с нотками грусти и надежды рассматривая горизонт. Таких, как этот патлатый юноша, здесь было ни много, ни мало и, казалось, что ни кто здесь, акромья этих самых нар, их не ждал.

«Чем раньше вы приедете, тем лучше. Вас первых встретят там с распростёртыми объятиями», – обещания в Хабаровске пожилого военкома с орденскими планками на груди развеялись в прах. Объятий не было. Просто не было ничего. Совсем ни чего, если не брать в счёт территорию, где уже кто-то растянул палатки и бросил на нары из горбыля гору матрасов и синих армейских одеял с тремя белыми полосами, которые в Армии по «уставному стереотипу» принято «выравнивать» от кровати к кровати, стоящих в одном ряду. В этом, видимо, и состоял великий замысел этих полос! Эта территория носила название «палаточный городок». Пятеро суток без крохи еды, на нарах ждали они терпеливо того часа, когда на них, наконец, обратят внимание и выделят первую пайку сечневой каши с чаем. Ну, а пока страшно хотелось пить, и трудно было напиться. Солнце словно выжигало своими беспощадными лучами. Тела, мокрые от пота, как при температуре, бил холодный озноб. У многих началось лёгкое потемнение в глазах от дневной сибирской жары, с одной стороны, и с другой – ночного сибирского холода, заставляющего беспрестанно бегать по «малой нужде», и банального голода.

\* \* \*

И вот наступили абитуриентские дни.

– Рота-а! Подъём!

Огромные, по 150 человек, абитуриентские роты нехотя выползали из продрогших отсыревших за ночь палаток на утренний холод. Изнеженные тела «маминьких сынков», с каким-то бешеным аппетитом нещадно жрало сибирское комарье, напоминающее стадо взбесившихся бизонов с крыльями, колыхавшими своими визжащими роями воздух вокруг.

После – долгожданная пайка пресной сечневой каши. И экзамены, экзамены, экзамены. Дух состязания был там чужд! Они искренне болели друг за друга. «Сошедшие с дистанции» не исчезали по-английски. Им было грустно расставаться. Некоторые, из «сошедших с дистанции» и обредших снова «свободу», прощаясь, приносили какую-то провизию, купленную «за забором» на свои жалкие ещё уцелевшие «карманные» средства, им, продолжающим борьбу за поступление вчерашним своим сотоварищам. Этим безнадежным «нехватчикам», мечтающим о вчерашних маминых пирожках. Эту провизию они тщательно и побратски делили, бурно делясь своими новыми впечатлениями о новой суровой жизненной реалии.

Были они, от большего, наивными мальчишками, еще не познавшими жизни и женской ласки. Правда, иногда находились и такие, кто уже успел обнаружить в Советском Союзе секс, они то и брали на себя миссию просвещения своих однокашников и в этом вопросе.

А вот, солдат-абитуриент в голубой тельняшке, десантном берете с красным флажком сбоку, со значком – парашютом на груди, важно рассказывает гражданским пацанам про тонкости армейской службы, которые те впитывают с не меньшим вниманием, чем лекцию о сексе.

– Если экзамен завалите, никуда не дёргайтесь сразу. Сидите здесь в палаточном городке.

– И чё?

– Проситесь у комбата, да вплоть до начальника училища. Предлагайте, что можете полезного сделать. Могут ещё зачислить за «высокую морально-психологическую подготовку». Если у вас «волосатой руки» нет и вы не «нацкадр», то вся надежда только на себя и собственные «руки золотые»!

– А что такое «волосатая рука»? – удивился один из абитуриентов.

– А ты здесь чё, не видел памятник?

– Какой такой памятник?

– Памятник «волосатой лапе»<sup>23</sup>. Да там торчит он из постамента!

– Чё, правда, что ли?

– Ну, ты тундра! Да шутят так! Но в каждой шутке есть доля шутки...

– А-а-а! Их-ха-ха!

Как-то свалила Тимофеева простуда, приглашая в санчасть. Но страх быть «зарезанным» по здоровью удержал его от жалоб.

– Тимофеев! Заступаешь сегодня в наряд! – объявил командир отделения из числа старшекурсников. Говорить о болезни Тимофеев считал проявлением слабости – заступил.

И вот парадокс! Забыли о нем, оставив без смены. Прямо как в рассказе Гайдара «Честное слово»! Так и простоял он шесть часов с температурой 38, тщетно ожидая долгожданной замены...

Слёг он окончательно. Его новый друг по палатке – казахский парнишка, добрый такой тихий скромный опекал его как родственника, сидел рядом, как сиделка, искал где-то какие-то лекарства. Медиков все боялись и предпочитали избегать! (Боялись того, что те их «зарезут» по здоровью.)

*(«Нацкадрам» – парням с национальных Республик, было немного легче с экзаменами. Они их попросту не сдавали. Требовалось только написать диктант на русском. И всё! Так работала программа поддержки «национальных кадров»! Это было лицо Советского государства, стремящегося претворять в жизнь отдельные принципы «марксизма-ленинизма» по национальному вопросу. Жаль только, едва ли последние реально смогли это оценить. Едва ли сами следовали тем же «ленинским» принципам. Принимали же это как само собой разумеющееся. И не чувствовали за собой долга перед народом России. Ибо не было слышно голоса России. Были только голоса СССР и Свободных Республик. Правовые институты «РСФСР», как правило, подменялись Союзными. Да и само «РСФСР» было, от большего, лишь на бумаге, да и то – плетущаяся позади всего советского «паровоза» «дойная корова».)*

Жить на «абитуре» было не легко. Некоторые сами забирали чемоданы и бежали прочь. Как можно дальше от этих дико визжащих в воздухе комариных туч, словно полчища мон-

---

<sup>23</sup> Пресловутый памятник «волосатой руке» представлял из себя белую ладонь высотой в человеческий рост, вертикально торчащую из постамента. В середине ладони была прикреплена красная звезда. В шутку кто-то обозвал её той самой блатной «волосатой рукой». Всё выглядело вполне логично: «по блату» можно не только поступить, но и звездочки получить.

голо-татар, ночных сибирских июльских заморозков, зарядок, скудных казённых харчей. Им в след летело презрение остальных.

\* \* \*

Окончательный конец «гражданке» наступил 1 августа. Уже не абитуриентская, а курсантская рота, но ещё по-прежнему в кедах, трико. Склад. Горы «стекляшки» для «слонов»<sup>24</sup>.

Старшина кричит, размахивая сапогами:

– Сороковой! Сорок второй! Сорок третий!

Сапоги расхватывают, примеряют. Но не до жиру. Не дом модели. Бывшие солдаты советуют.

– Бери размер побольше, зимой тёплый носок оденешь!

Говорили, чтобы гражданку отправили почтой домой. Но почта не работала. И многие лишились своих, дорогих своей связующей памятью с прошлым, вещей.

Сапоги болтались на скривившихся ногах. Галифе обвисло мешком. Китель неуклюже заправлен. Погоны, пришитые неуклюжими стежками, напоминают американские горки. Подворотничок напоминает просто кусок тряпки, пришитой неумело так, что белые стежки пробили насквозь воротник снаружи. Пилотка не может найти себе места на остриженной, ставшей неуклюжей голове. Тимофеев осмотрел себя в отражении окна: «Чёрт знает что. Совсем не похож на тех щеголеватых курсантов, которых приходилось видеть раньше!» Таким он и предстал перед своим отцом, пришедшим проведать его перед отъездом. Они встретились возле деревянного забора, отделявшего палаточный городок от другой, совершенно иной жизни. Забор был стар, и кругом зияли проломы, через которые осуществлялась нелегальная связь с внешним миром, как бы отцы-генералы ни тешили себя радужными иллюзиями о том, что «наши курсанты в самоволки не бегают», типа «ну, очень сознательные»... Среди окружавшего леса было протоптано множество троп «самоходчиками».

– Ну, ты доволен, сын? – отец внимательно посмотрел на Владислава.

– Да, нормально, папа, – кивнул тот в ответ.

Говорили они недолго и не много. Попрощались. И после он долго вспоминал родные и теперь уже такие далёкие глаза своего отца! А потом – курс «молодого бойца». Первые наряды, первые трудности и лишения.

\* \* \*

Старшина достался им необычный. Крупный телом, бывший десантник. Он нёс в себе солидный заряд армейской муштровки. Он впитал и принёс с собой всё: и хорошее, и плохое из Армии. Этот бывший десант с первых же дней принялся учить двадцатую роту десантному комплексу рукопашного боя на 16 счетов. По окончании которого он надменным баритоном вопрошал. Не орал, а именно вопрошал.

– Кто сильнее всех?!

– Мы!!! – орали разгорячённые курсанты в ответ.

– Кто победит всех?!

– Мы!!!

---

<sup>24</sup> В начале 80-х ХБ обмундирование стали делать из тёмной гладкой и блестящей ткани (с добавлением лавсана) цвета хаки, которое и получило название «стеклянное», старое ХБ, жёлтого цвета, в свою очередь, стали называть «деревянным». В НВВПОУ, в отличие от войск, «стекляшка» не пользовалась популярностью. В неё упаковывали исключительно «слонов»-первокурсников

– Кто съест всё? – как-то кто-то негромко добавил из строя под дружный смех со товарищей...

Замкомандира взвода. Человек мягкий и добрый, возможно даже местами слабохарактерный, долго не продержался. Его место занял невысокий сержант, как и старшина, со значком парашютиста на груди, ревностный исполнитель приказов и до глубины души, по-«дедовски» не любивший «молодых», коих он видел во всех, вверенных ему курсантах, – видимо, привычка, принесённая с «войск».

Командир отделения – сержант требовательный, но уважающий только силу и боящийся упрёка начальника.

О, курсантский коллектив! Как ты разочаровал с первых же своих дней! В отличие от абитуры, здесь каждый стал сам за себя. Здесь торжествовал принцип: «другому, будь то наказание или поощрение, – значит не мне!»

\* \* \*

Вечер. Строй замер в ожидании. Лица напряжены, как на экзамене. Старшина объявляет список лиц суточного наряда.

«Кто-то там сегодня, вроде, провинился. Дай бог, сегодня в наряде буду не я!» – думает каждый, наблюдая, замерев дыхание, как старшина медленно изучает свой «чёрный блокнот»...

– Курсант Соколов!..

Лишь невнятное мычание в ответ.

– Соколов!.. – старшина поднял голову, обводя строй ястребиным взглядом.

– Здесь он! – наконец кто-то нарушил звенящую тишину.

– Я не понял!? В чём дело, товарищ Соколов? Язык проглотил, что ли? – старшина навис над щуплым курсантом.

– Я-м-м-м, – мычание было ему ответом.

– Выплюнь изо рта банан, курсант!

– Я-м-м-м, сан-м-м-м-ча-сть!.. – курсант вытер капли пота со лба и высунул распухший донельзя язык.

– А-а-а-а! Профессиональная болезнь настоящего замполита! Допи...делся, товарищ Соколов?!

– Это его пчела тюкнула, – пояснил кто-то из стоя, – он варенье жрал, да с ложкой пчелу в рот засунул.

– Втихоря жрал, – добавил кто-то, – чмошник! Это его бог наказал!

– Разговоры!.. Давай, Соколов, дуй в санчасть, твою заногу! – рявкнул Старшина, – чё стоишь тут ещё мне, студент?

Старшина обвёл эту фамилию в своём чёрном блокноте...

\* \* \*

Утро. Палаточный городок шевелится разбуженным муравейником. Все поправляют колья палаток, подтягивают верёвки – растяжки, поднимая полы мокрых от холодной росы палаток и заправляя их, превращают палатки в аккуратные натянутые грибки с четырёхугольными шляпками. Курсанты подставляют разгорячённые после зарядки тела под холодные струи артезианской воды, мажут ваксой сапоги. Те, кто успел уже выйти на место построения, натирают до зеркального блеска бляхи лоскутками от старых шинелей, натёртых зелёными кусочками «пасты Гойя». Прошло 15 минут с момента окончания зарядки. Сержанты стоят наготове:

– Стро-оиться на утренний осмо-отр!!!

Сердца неуспевающих вздрогнули: старшина неумолимо заносил в свой «чёрный блокнот», уже и так заполненный после зарядки, новые фамилии проштрафившихся. Роты выстроились в две шеренги.

«Уборщики», по одному от взвода, принялись выметать территорию.

– Расстегнуть крючки, верхние пуговицы! Подворотнички к осмотру!

И понеслось-поехало: отрывались плохопришитые или не достаточно белоснежные подворотнички.

– Бляхи к осмотру! – сержанты, переполненные агрессией, третировали своих подчинённых, как могли, добиваясь, собственно, безукоризненного исполнения требований Уставов и порядка, как то и положено в настоящей армии.

– Головные уборы снять! Содержимое карманов – в пилотки!

– Что это?! – сержант достал из военного билета сложенную бумажку. Белобрысый курсант хлопал глазами:

– Письмо.

– Сам вижу. Сжечь!.. А это что?!.. – снова потянул из пилотки сержант.

– Фотография моей девушки, – ответил курсант, продолжая хлопать глазами.

– Убрать! – ехидно засмеялся сержант. – Прежде, чем крутить любовь, научись мотать портянку, студент!

– Я курсант, – угрюмо буркнул тот в ответ.

– Кто-то тут что-то вякнул или мне показалось? Студент! – сержант с презрительной ехидностью буравил не моргающим взглядом юношу. Тот опустил глаза и сержант продолжил. – Показать носовые платки, расчёски!

– Правую ногу на носок ставь!.. Левую!..

– Грязные каблуки!.. Зашить сапоги!.. – и т. д., – блокноты сержантов пополняли всё новые и новые фамилии.

– Закончить утренний осмотр! Стано-ви-ись!

\* \* \*

...Священным будет для людей  
Твой памятник под старым вязом  
И надпись: «Славою своей  
Он чистым сапогам обязан!»

#### *Курсантский фольклор*

Наконец-то закончился «курс молодого бойца» в холодном палаточном городке. От тепла казармы лица буквально распирало теплом изнутри. Чистота и уют казались неземными!

Раздался телефонный звонок. Глаза дневального курсанта Шаталова буквально вывалились из орбит, от накатившегося волнения, когда он положил трубку.

– Чё такое? – спросил его Тимофеев, поправив свой штык-нож на ремне.

– Дежурный по полку звонил...

– И что?

– Приказал срочно прибыть на плац с ведром, швабрами и мылом. Плац будем мыть.

– С мылом? Ты ничего не перепутал?

– Да нет, ничего не перепутал. Ты чё, меня за дурака держишь?

– Ну, тогда идём! Зови дежурного!

Через минут десять курсанты драили плац с мылом.

– Влад, может щёткой лучше будет? А?

Тут из-за трибун выскочили курсанты-третьекурсники.

– Смотри-и! Слоны плац с мылом фигачат! – они ржали, держась за животы, подзывая других на сие потешное зрелище.

– Блин, Макс, тебя развели! Это звонил не дежурный по полку!

– А чё меня? А я откуда знал. Там был такой голос... знаешь!

– Тьфу! – Тимофеев бросил тряпку в ведро...

– А чего это вы тут, товарищи курсанты делаете, – вдруг появился дежурный по полку и третьекурсники так же мгновенно исчезли из вида, как и появились.

– Да мы... мы... товарищ подполковник, мы тут плац моем, – Тимофеев поднял швабру и замер смирно. Шаталов натянул свой распущенный ремень сзади, втянул голову в плечи.

– С мылом? – подполковник смотрел на них с хитрым прищуром.

– Так точно!

– Молодцы! И чей же это, интересно, приказ?

– Мы думали Ваш, товарищ подполковник.

– Хм! Ух уж эти засранцы! – он подавил улыбку, сделал лицо свирепым. – А ну, похватили ваш инвентарь и марш в казарму!

Курсанты, похватав всё, что у них было, кинулись в распоряжение роты.

*(Вот так примерно потешались старшекурсники над младшими. Причём, это случилось между курсантами, с разницей в один-два курса. Четверокурсники, сохраняя конкурентную дистанцию к задиристому третьему курсу, всегда были снисходительны к «слонам». Проявляя о них почти отеческую заботу. Требуя, правда, безоговорочное почтение взамен.)*

Очередное утро. Три тысячи курсантов застыли на плацу.

– Смир-р-р-но!

– К торжественному маршу! – вытягивая узкие носочки глаженных хромачей, офицеры вышли из строя и заняли свои места перед коробками своих подразделений.

– Па-а р-р-роттно! – офицеры лихо развернулись в сторону движения.

– На одного линейного дистанции! – «линейные» – курсанты роты почётного караула с пехотно-балетными инструментами СКС<sup>25</sup> в руках быстро сорвались с места, долбя асфальт вдоль трибуны и, достигнув своего места, по очереди, развернулись лицом к курсантским коробкам, поочередно звонко стучая прикладами об асфальт.

– Управление училища пр-р-рямо-о, остальные напра-а-ву! – курсантские коробки одновременно развернулись в сторону движения. Раз-два.

– Ша-а-го-ом м-марш! – грянул марш и три тысячи курсантов всех курсов одновременно двинулись в едином порыве.

– И-и-и раз! – роты поочередно выкрикивали до трибуны, переходя на строевой шаг, одновременно гордо вытягивая подбородки в сторону трибуны, выдерживая равнение в шеренгах.

– И-и-и два! – переходя на обычный шаг после, одновременно разворачивая головы прямо.

Так курсанты двигались с ежедневного развода на занятия, постигать свои хитрые и нехитрые дисциплины...

В этот день 20-я рота заступала в наряд по училищу. Тимофееву относительно повезло. Он со своим другом Юркой оказался в наряде по учебному корпусу. С боку была пристройка с офицерской столовой. Для курсанта вход «заказан». За всё время учёбы Тимофеев так ни

---

<sup>25</sup> самозарядный карабин Симонова

разу и не переступил этот «запретный порог»! Однако, с одной из боковых дверей, выходящей на улицу был организован дополнительный пункт для продажи курсантам самодельного пирога «слонячья радость» или «язва желудка». Который молодые курсанты расхватывали, давясь в очереди в короткие минуты свободного времени. Этот удалённый «Булдырь»<sup>26</sup> в учебном корпусе при офицерской столовой, работал не регулярно, но самозабвенно. Корпус был удалён от остального училища. Среди берёзовых рощ. И добраться сюда в короткие промежутки свободного времени редко представлялось возможным.

\* \* \*

...Таверна эта вдоль и вширь  
Известна и поныне  
Своим названием «булдырь»  
И ценами своими....

*Творчество курсанта НВВПОУ Сергея Пиккарайнена. «Три мушкетёра».*

– Слава богу, Влад! Сегодня нажрёмся! – Юрка радостно ткнул Тимофеева в бок и добавил, – когда я ем этот пирог – у меня душа радуется!

Шли к концу сутки наряда. Друзья чувствовали себя изнурёнными. Кроме того, несмотря на близость «булдыря», вырваться туда так пока и не довелось.

Владислав с Юркой по очереди на карачках мыли бесконечный коридор учебного корпуса, готовясь к сдаче наряда. Раздались гулкие множественные шаги. Тимофеев увидел приближающуюся фигуру в офицерской фуражке. За ним вальяжно шла группа старшеклассников.

Поправив пилотку и подтянув ремень, Тимофеев вытянулся «смирно», приложил руку к виску, при приближении офицера. Тряпка валялась у него под ногами.

– Застегните крючок, товарищ курсант! – рявкнул капитан в сторону Владислава и добавил совершенно по-домашнему нежным тоном в адрес школьников. – Проходите, проходите! Прямо по коридору – офицерская столовая.

– Курсант, да у тебя всё еще последний мамкин пирожок из задницы торчит! – буркнул подошедший дежурный по учебному корпусу сержант, – выглядишь как чмо и работаешь как чмо!

Девчонка, так похожая на Сонечку, хохотнула, проходя мимо зашкалено вытянувшегося курсанта. Пацаны хило вытянули лыбы превосходства, смотря на него как на предмет третьего сорта. Как это было не похоже на «то» бравое гусарское появление курсанта в коридорах его школы, тогда в Хабаровске!

«Школьников на НВП привели, – подумал Тимофеев, – как это странно, они ещё школьники, вроде, а я уже курсант! Но они блатные, уважаемые всеми старшеклассники, а я задрюченный слоняра. Вроде и поднялся на ступеньку выше, а вроде и упал вниз. Вот он – философский парадокс жизни. А ведь и правда, вот стану же я когда-нибудь разбитным курсантом четвёртого курса, но, получив лейтенантские пагоны, снова упаду вниз, став «зелёным летёхой» и так далее... Диалектика!» Тимофеев поднял грязную тряпку, макнул в цинковое ведро с коричневой мыльной «философской» жижей...

---

<sup>26</sup> бог ведает, кто это придумал, так назвать курсантскую «чайную», ведь в словаре Даля, «Булдырь» означает: пузырь, шишка, нарыв.

## 1.8 (87.08.28) Девятая рота

### 28 августа 1987 г. Ружомберок

*Среди людей обыкновенно существуют и лесть, и хамство. Но там, где нет лести, тотчас хамство доминирует в одиночестве. Поэтому лучше уж сладкая лесть.*

И вот, наконец, полк прибыл. Это и радовало, и волновало. Так или иначе, пара безмятежных дней Тимофеевской «адаптации» иссякли.

Железнодорожная станция. Солдаты в грязном «хэбэ» сидят группками на вещевых мешках, курят. Двое произносят резкие слова на узбекском, борются. Один чёрный, как смоль, рассматривает в гранатомётный прицел платформу, на которой копошатся солдаты в чёрных комбезах, выбивая колодки из-под колёс БТРов. Комбат третьего батальона майор Пронин что-то втирает в уши капитану, который подобно проштрафившемуся школяру без конца разводит руками. Другие офицеры в пыльных зелёных фуражках, перепоясанные портупьями, кто курит, кто просто стоит и отрешённо наблюдает за всей этой суетой, другие сами суетятся на платформе, машут руками, что-то кричат. Старший лейтенант с усами, в засаленной полевой фуражке с багровым воспалённым лицом вместе с солдатами открывает борта на платформе. И вот первый БТР запустил двигатель, издал сигнал и медленно пополз по доскам платформы. Впереди задом двинулся офицер, вытянув вперёд руки, и зовущими движениями, как мать обычно зовёт к себе годовалого ребёнка, делающего первые шаги, повёл за собой грузную машину...

Наконец, последняя машина коснулась земли и пристроилась к вытянутой колонне. Подполковник Полунин (уже знакомый нам секретарь парткома) в повседневной форме, отличавшийся от всей этой чумазой братии своей лоснящейся чистотой, закончив разговаривать со словаком в синей фуражке, направился к уазику, и возглавляемая им колонна БТРов тронулась. Для сидящей пехоты третьего батальона майора Пронина прозвучала команда:

– Строиться в линию ротных колонн!

Здесь впервые лейтенант Тимофеев увидел свою «лучшую» чумазую роту и своего «лучшего» усатого командира роты...

– Наш ротный – самый лучший в полку!

– Нэту нашэму ротному другова, – говорили бойцы о ротном и в глаза, и за глаза. Ротный принимал эти льстивые речи, тихонько ухмыляясь в чёрные усы. Ведь, как известно, среди людей обыкновенно существуют и лесть, и хамство. Но там, где нет лести, тотчас хамство доминирует в одиночестве. Поэтому лучше уж сладкая лесть.

## 1.9 (87.08.29) Подъём

### Сентябрь 1987 г. Ружомберок Офицерская общага

Новенький будильник с блестящими золотыми колокольчиками сверху словно взорвался жутким грохотом, выталкивая сердце из груди бурными судорожными толчками крови.

- Чёрт! Снова утро!
- Задолбал этот дурдом!
- Это какое-то палево!

Молодые офицеры подскочили, матерясь на чём свет стоит. Очередное хмурое утро было очередным испытанием для каждого, не суля ничего хорошего, кроме ещё одного дикого суматошного дня. Прощай, безмятежное тепло постели!

- Как тебя там, Тимофеев, зовут, напомни, – бросил Хашимов, натягивая трико.
- Влад... В-владислав, – ответил сбивчиво тот, пихая ногу в сапог.
- Форма одежды спортивная. Ты не знал?
- Не-а. А у меня нету.
- А у тебя, Саш, чё, тоже нет?
- Нет.

– Нихрена у вас нет! Ни спальников, ни спортивной формы! Ладно! Мож, на первый раз!..

\* \* \*

Лейтенанты бежали к калитке КПП. Дежурный по контрольно-пропускному пункту уже стоял в готовности, согласно распоряжению командования, повесить замок на железную дверь, закрыв тем самым шанс для безнадёжно опоздавших.

Какой-то майор из соседнего батальона смачно растянулся, споткнувшись на пути к «заветному» проёму в сером заборе.

Молодые офицеры прыснули от смеха. Было смешно видеть валяющимся чуть ли не в луже, оставшейся от вчерашнего дождя, старшего офицера. Однако время тикало, и они ускорились, проскочив внутрь с облегчением. Теперь они бежали вместе со сконфуженным, потирающим разбитые колени майором...

Плац. Возле трибуны грозно прохаживается полкач, подполковник Гребенщиков, которого меж собой офицеры прозвали просто «Гребешком». Ему уже лет пять за тридцать, не самый молодой комполка! Важный, по обыкновению, со свитой.

– Что, товарищ майор! Что, товарищи офицеры! Спать любим? Опоздание на три минуты! Становитесь в третью шеренгу! – начштаба выстраивал шеренги по мере «поминутного» прибытия опоздавших.

– Тимофеев! Ну, ты и супчик! Ты чё с опозданий-то начинаешь? – Сидоренко зыркнул из счастливой первой шеренги прибывших вовремя.

– Шо, товарищи офицеры! Не все умеют ещё просыпаться вовремя?! Спать любим!? Или по ночам где-то шляется? Ну, ничего! Будем тренироваться!.. Дежурный!.. Переписать опоздавших! – распорядился искривлённой гримасой рта командир полка.

– Где ваша спортивная форма, товарищи офицеры? – начштаба сухим взглядом прошил Майера с Тимофеевым.

– Виноваты, исправимся!

– Испра-авитесь! Куда вы денетесь! Чтобы завтра же были в спортивной форме!

– Ответственные по подразделениям, на подъём! – прозвучала команда дежурного.

– Тимофеев! Давай, иди, подымай роту! – Сидоренко хлопнул Владислава по спине.

– Майер, раз ты без спортивки, давай, поднимай роту! – кинул Хашимов и побежал вместе с другими офицерами на зарядку на спортивный городок под чутким присмотром полкового командования...

## **Поздний вечер. Общага**

– Ну, сегодня и дурдом выдался! – Майер и Хашимов вошли в комнату, где уже лежал на кровати Тимофеев.

– А что, знакомство состоялось! У меня есть из Союза пара бутылок «Пшеничной», так что можем «замочить» такое дело, а? – Тимофеев полез в чемодан.

Хашимов и Майер, уже днями раньше успевший получить «боевое крещение», утвердительно закивали.

– «Пара» – это сколько? – съязвил Хашимов.

– «Пара» – это две!

– Одной пока вполне хватит!

Вскоре на сдвинутых табуретках появилась какая-никакая скудная закуска. Офицеры стукнулись стаканами с прозрачной жидкостью без цвета, вкуса и запаха.

– Ну, поехали, за знакомство!..

## 1.10 (83.10.) Прошлое. Марш бросок

### Октябрь 1983 г. Новосибирск, НВВПОУ

*Я ненавижу жёлтенькие лычки.  
Хотя они – опора дисциплины.  
Но несмотря на бешеные вздрючки,  
Мне не забыть казарменной рутины!  
Сержант! Ведь ты творишь погоду.  
Не надо лбом своим дурным таранить двери!  
Ты отнесись к нам строго, но с заботой.  
И мы в тебя до гроба будем верить!*

*Автор В. Земша. 1983 г.*

Сегодня – 15 октября. Сегодня – переход на зимнюю форму одежды. Курсант Тимофеев с чувством глубочайшего удовлетворения распрощался с затасканной на «курсе молодого бойца» хэбэшной «стекляшкой» в обмен на темно-зелёное «ПШа» с новенькими красными погонями с желтенькими продольными полосками курсантских галунов вместо затёртых и выцветших старых. Всё расположение роты напоминало сплошной швейный цех. Курсанты в зимнем байковом голубом нательном белье пришивали погоны, петлицы, отмеряли всё линейками «по Уставу». Наматывали на голые ноги с изуродованными мозолями пятками, по которым обычно летом на пляже любой патруль легко вычислял своих «самовольщиков» среди гражданских лиц, зимние байковые новенькие портянки нежного цвета слоновой кости. Воздух был пропитан характерным мужским запахом нового обмундирования.

Влад переложил в нагрудный карман затрёпанную фотографию девушки.

Её светлые локоны мило обрамляли смазливое личико...

– Сонечка, милая Сонечка! – он мысленно прикоснулся к её губам.

– Рота-а-а! Строиться-я в расположении-и-и! – внезапно раздался вопль.

– Что, сынки, совсем нюх потеряли что ли? – старшина вразвалочку прохаживался вдоль строя.

Два курсанта стояли перед строем с бутылками молока и булками, понуро опустив головы.

– Ротный спалил самовольщиков! – шепнул сосед Тимофееву.

– Что-о, това-арищи курсанты! Голода-а-ем? Чмошники!! В самоволки бегаете? – «замок» лыбился ехидной улыбкой, отвесив челюсть.

– Что, от молочка не просыхаем?! Да-а? Придётся щас вместо фильма всей роте сбегать в самоволку по большому кругу! – старшина весело блеснул глазами.

– Воспитание в коллективе и через коллектив! – радостно вторил сержант старшине. – Кхе-кхе-кхе, – он развернулся и демонстративно боднул дверь каптёрки лбом, демонстрируя евою крепость.

– Рота-а-а! Стро-о-и-иться на у-улице! – казалось, сержантский состав в своём подавляющем большинстве торжествовал! Казалось, весь сержантский состав просто питался этими дрючками! Глаза у них горели, словно у вампиров, слетевшихся на запах невинной крови!

У большинства из них на груди гордо выделялись либо значки парашютистов, либо «кадетов»-выпускников Суворовских училищ. (Вообще, бывшие суворовцы оказались, от большего, скверными людьми. Кучковались исключительно своей «кадетской» артелью. Носили с изнанки «кадетский» погон как признак принадлежности к особой тайной касте. Высокомерили. Строили из себя заядлых вояк, что было совершенно несвойственно для быв-

*ших солдат СА, действительно съевших пуд армейской соли, но не выпячивающихся. За что «кадеты» заслужили всеобщую нелюбовь. Многие из них стали «комодами». Однако спустя два года эта «детская болезнь» кадетов, как правило, проходила... как правило... Но случались и исключения. Порой эта «кадетская болезнь» высокомерия оставалась пожизненно.)*

Тимофеев, как и все, ёжился на улице, стоя в «стойке пингвина». От действительности хотелось абстрагироваться. Ему неделю назад исполнилось семнадцать, по поводу чего он смог получить особый «подарок» от старшины и отбиться вечером (т. е. лечь спать) не за сорок пять секунд, как все другие, а спокойно. Теперь, в свои семнадцать, он уже чувствовал себя вполне взрослым, научившимся стойко переносить наваливающиеся физическо-психологические тяготы, от которых он попросту, старался абстрагироваться, как и от всей неприятной действительности. Он снова ушёл мыслями в воспоминания о Соне...

... Тогда, в школе, он так и не решился заговорить с ней. Тогда, в школе, он искал любую возможность увидеть эту девчонку с параллели. Будь то в школьном коридоре, на перемене, будь то на субботнике или при сборке металлолома...

Сейчас сибирская погода, словно наблюдая за курсантами, приготовила им свой «сюрприз» по такому случаю – первый снег. Он мелкой крупой засеял всё холодное пространство вокруг...

– Бего-ом м-м-м-арш! – крикнул старшина, сверкая хищным вороньим взглядом. Так начинался любой марш-бросок. Бег по снегу и грязи, в любую непогоду. Ведь эти курсанты – будущие офицеры, будущие политрабработники-комиссары. Чтоб увлечь за собой бойцов в пекло, в будущем, в настоящем они сами должны лепиться из цемента. А ничто так не цементирует характер, как лишения, трудности и, конечно же, холод и снег! Особенно с грязью! Забег делали повзводно. В совокупности более ста яловых сапог двадцатой роты бухало по грязи вдоль лесной дороги, изуродованной рытвинами от траков гусениц БМП и танков. Тимофеев сдвинул назад новенькую синюю «жучку<sup>27</sup>» на остриженной голове. Вытер рукавом пот со лба. В такие минуты его мысли улетали далеко от происходящего...

Октябрьская грязная жижа разбитых танковыми траками дорог покрывалась первым октябрьским снегом. Это было просто идеальное время для марш-бросков, как плановых, так и дисциплинарных, а так же для тактической и инженерной подготовки как днём, так и ночью. Что там бег! Окапывание в этой холодной снежной грязи было нечто! А главное – всё это делалось без «подменки», в повседневной форме. В обычном «ПШ» и шинелях, которые должно было поддерживать в идеальной чистоте, без каких бы то ни было скидок на такие вот обстоятельства!

Итак, рота угрюмо шлёпала по заснеженной чавкающей грязию дороге. Пред Тимофеевым снова предстал образ Сонечки. Той далёкой Сонечки, которой он так и не признался в своих чувствах. Тогда, на школьном выпускном, когда они гурьбой весело шли в Хабаровске по Амурскому бульвару, он, как ему показалось, почувствовал на себе её взгляд. Поднял глаза. Она улыбалась, освещаемая уличным фонарём, торчащим из-за кустов кучерявой акации. Ночное небо. Шорох листьев. Запах лета. И казалось, что вот он тот миг настал. Преодолевая оцепенение он сделал шаг навстречу. Сердце словно выпрыгивало из груди и, казалось, нет человека, счастливее его, носящего в себе столь светлое чувство юношеской влюблённости, во всей Вселенной!..

– Обороты! – снова заорал старшина. Казалось, всё ему нипочём. Он, бывший дёсант, был слеплен уж точно из цемента. Его дёсантские сапоги с боковой шнуровкой на укороченных голенищах вызвали всеобщую зависть и уважение! Уважение и страх! Страх и ненависть! Да. Его ненавидел каждый, мешая смесь из грязи и снега, особенно во время

---

<sup>27</sup> Синтетическая солдатская шапка, которую так же носили «слоны»: курсанты-первокурсники. Уже со второго курса курсанты получали добротные офицерские овчинные шапки.

ежедневных восьмикилометровых забегов на утренней зарядке. Ведь пережить зарядку со старшиной считалось – пережить день! Во всяком случае, его худшую часть! Однако были и такие вот внеплановые дисциплинарные забеги, когда вместо ожидаемого «пряника», как просмотр старого фильма в училищном ГОКе или банальная самоподготовка в тёплом классе, начиналась снова «худшая часть дня».

– Р-р-я-яз, р-р-яз, р-р-яз, два-а, три-и, р-р-я-яз, р-р-я-яз, р-р-я-яз, два-а, три-и, четыре, – в такт старшине рота грохала сапогами по схваченной заморозками земле, обволакиваемая клубами пара от разгоряченных тел.

– Вспышка слева! – вдруг заорал старшина, увидев нарушение в равнении строя.

Рота кинулась к обочине. Курсанты падали на землю по направлению предполагаемого взрыва, обхватывая головы руками. Тимофеев уткнулся лбом в корень дерева...

... Тогда, в Хабаровске, он стоял сконфуженно, видя как сзади него неожиданно вышел Лозовик – разбитной пацан с параллели, собирающийся в рязанское училище ВДВ! Он бесцеремонно сгрёб улыбающуюся ему Сонечку, бухнулся на скамейку и фамильярно усадил её себе на колени. Они бесстыдно целовались. Прямо перед растоптанным Владиславом, который сделал пару шагов назад, споткнулся об уличную урну, больно упав на газон, уткнулся лицом в корневища акации. Раздался задорный смех. Ненавистный смех Лозовика, обидный смех Сонечки, глупые смешки прочих. Тимофеев лежал, уткнувшись лицом, так же как и сейчас, в корень дерева. Ему хотелось тогда умереть. Вся его жизнь тогда потеряла для него всяческий смысл...

– Рота-а-а! Стро-оиться! – раздался вопль старшины, отозвавшийся эхом воплями «замков» и «комодов»,

– Двести первая группа! Стро-оиться!

– Двести вторая группа! Стро-оиться!

– Двести третья группа! Стро-оиться!..!

– Первое отделе-ение! Стро-оиться!

– Второе отделе-ение! Стро-оиться!

– Стро-оиться!

– Стро-оиться!

– Стро-оиться!

Орали все сержанты в голос, командуя каждый своим взводом или отделением!..

*(Уже первые месяцы первого курса дали ясно понять, что это военное училище было создано не для выращивания «паркетно-кабинетных» офицеров. Бегать в полном снаряжении в атаку, ползать, таскать «раненых» ползком, рыть окопы – всё оказалось гораздо сложнее, чем казалось со стороны, при просмотре телепередачи «Служу Советскому Союзу».)*

*Требования к внешнему виду при том были крайне высокими. И здесь не было никаких ни поблажек, ни оправданий. Вернувшись с ночных тактических занятий, в грязи, утром каждый должен был выглядеть безупречно чистым и выглаженным. Приходилось часами мокнуть под дождём днём и ночью. Утром влазить в мокрую холодную одежду.*

*Такова была система «естественного отбора», готовящая советского «сверхчеловека», способного выжить и победить, где угодно и чего бы это ему ни стоило! И это были только «цветочки», вспоминаемые многими в будущем как лёгкие весёлые дни беззаботного «курсантства»...)*

\* \* \*

...Вот стою со штык-ножом,

С ним рассвет встречаю,  
Вспоминаю отчий дом  
С скорбью и печалью...  
Тихо плещется вода  
На ремне во фляжке,  
Мне бы водочки туда,  
Помогло б бедняжке...  
Если не сведут с ума  
Наш экзаменатор,  
Наш весёлый старшина,  
Ротный и куратор...

*Курсантский фольклор*

## Расположение роты

– Товарищи курсанты! Кто ещё не написал письмо домой о своей распрекрасной службе, вперёд! И не дай боже, хоть один родитель обратится к командованию, типа «что случилось, сын не пишет!..» – старшина прошевелил челюстями, зыркнул глазами и скрылся в каптёрке.

*«...То, что я сейчас нахожусь далеко от вас, обусловлено моей любовью к вам и к Родине. Это мой долг перед вами и перед всем народом. А за меня не беспокойтесь, я не ребёнок. Душа моя из сопливого гражданского хряща превратилась в кость. Погода, минутные слабости, предрассудки и прочая муть не гнетут меня. Всё это я переношу легко... Стоишь порой часовым, измороженный после тактик, бессонных ночей, борешься со сном, вырубает, но знаешь, что это непозволительная роскошь, граничащая с преступлением и даже гибелью. Раньше сон был в глазах, хотелось их закрыть. Резало. Теперь сон изнутри. Стоит сесть или лечь. Стоит чуть–чуть ослабиться, как тут же снится сон. В наряде по столовой, под утро, с картошкой в руках засыпаешь. Картошка в глазах расплывается. Под утром завалишься. Кто на железный стол. Кто на деревянную решётку. Дневальные, часовые очень вялые ночью. В глазах всё расплывается. Веки держишь открытыми, а перед собой всё расплывается. Сейчас, чтобы мы не бурели, сержанты за нас взялись. После каждого отбоя – несколько раз подъём. Засыпаешь уже в ночь на следующий день. Т. е. после 12-ти. Теперь спать умею во всех позах: сидя, стоя, да ещё и так, что бы видно не было... Недавно опять рыли окопы, на этот раз ночью. Сейчас – как крот грязный. Прошлой ночью шинель чистил всю ночь под краном с ледяной водой, а другой тут нет, и стираем, и моемся только ей. А притом ночью-то бродить не положено! Поэтому будит дневальный. Утюг один на всех, им и сушим, и гладим форму по очереди. Утром всё ещё мокрые, досушиваем форму на себе. Сапоги рвутся сзади по шву, сами зашиваем, ремонтируем, как можем, каблуки прибиваем, подковы. Недавно были стрельбы из БПМ с орудия «Гром» и спаренным пулемётом ПКТ<sup>28</sup>. Оценка снижалась за темп стрельбы...*

*Я по вам очень скучаю. Но ничего, я всё выдержу и приеду в отпуск! Не дождусь этого дня! Целую всех! Ваш Владислав», – Тимофеев заклеил конверт...*

\* \* \*

---

<sup>28</sup> Пулемёт Калашникова Танковый

Русское поле, дыхание трав,  
вольность, раздолье кудрявых дубрав.  
небо бездонное, свист соловья,  
Скромная русская наша земля.  
Мамина сказка в молчание ночи,  
мамина ласка, усталые очи,  
Слышу я голос её молодой,  
Я и сейчас её помню такой.  
Беды, сомнения, грёзы, печали,  
И вдохновение с ней разделяли.  
Были ошибки – бранила она...  
Сегодня виднее былая вина.  
Все мы есть суть материнских стремлений,  
Жизненный путь её, полный волнений.  
С детства в учёбе, в работе, в бою  
С нежностью помните маму свою.  
...русское поле, дыхание трав,  
помни раздолье зелёных дубрав!

*Автор В. Земша 1985 г.*

## 1.11 (87.08.30) Весёлое воскресенье

### 30 августа 1987 г. Ружомберок

Продолжался обычный армейский выходной день. Выходить, собственно, было некуда и увольнительных здесь, за границей, не существовало. Бойцы, озадаченные «по уши», вяло суетились, в меру своей испорченности выполняя кажущиеся им «тупые» задачи в духе классического армейского «дурдома». Тимофеев отправился в полковой клуб. Его, «дикорастущего» офицера, переполняли новаторские идеи, и он желал наполнить серые армейские будни бойцов хоть каким-то разнообразием для поднятия их морально-боевого духа. Что было в его «зелёном» черепке в этот раз, нам точно неизвестно. Но едва приблизившись к серой коробке полкового Клуба, Тимофеев услышал громкую брань и выкрики на разных языках. Большая группа черноголовых солдат плотным кольцом окружала двоих, жестоко бьющихся друг с другом.

– Разойдись! – Тимофеев, не сомневаясь ни минуты, ринулся в кольцо, растаскивая бойцов.

Бойцы слегка встrepенулись, увидев молодого офицера, немного ретировались. Однако чувство толпы, уверенность в безнаказанности через обезличение взяло верх, и драка разгорелась с новой силой.

– Тава-рыш лейтенант, нэ мешайте.

– Это наши дэла.

– Нэ вмешивайтесь, а то и вам достанэтся! – услышал он обезличенные выкрики в свой адрес. Плотное солдатское кольцо не позволяло ему прорваться внутрь.

– Что-о-о!? Кто это сказал! Кто тут рот посмел открыть!?! – он орал не своим голосом, пока не охрип. Тогда он вытянул одного бойца, понимая, что только «конкретизируя» жертву, можно вселить хоть какой-то трепет и разум в массы.

– Солдат! Фамилия? Рота?

Боец мямлил нечто невразумительное, пытаясь вырваться. Однако спустя несколько минут земляки буквально вырвали бойца из железной лейтенантской хватки. Вскоре все солдаты быстренько рассосались. Тимофеев, тяжёло дыша, стоял, придерживаясь за тонкий ствол дерева. Крупные свежие капли солдатской крови на земле бурыми пятнами свидетельствовали о только что происшедшей здесь битве, которая всё же могла быть и более ожесточённой, не появившись здесь лейтенант. Тимофеев увидел брызги чужой крови и на своём кителе и на руках...

День закатывался за холмы, покрытые соснами, весело отражаясь в окнах словацких, словно сказочных, домиков. В полку, окружённом серыми мрачными стенами, словно в стране-зазеркалье, солдаты угрюмо строились на вечернюю полковую проверку.

– Товарищи офицеры! – замполит полка майор Чернышев свирепо окинул взглядом «свысока» сквозь тёмные круги очков-«хамелеонов» выстроившихся возле трибуны в две шеренги офицеров полка. – Сегодня было побоище узбекской и азербайджанской группировок, понимаете ли! – он поднял вверх палец, многозначительно потряс им.

– Почему не было никакой информации? Чем вы, бездельники, занимаетесь? – в унисон добавил командир полка, катая желваками. Он рванул за португепю Хашимова.

– Вы, старший лейтенант, со своим капитаном сеете бардак в полку! Бездельники!

– Никак нет, товарищ подполковник, мы не бездельники! – дерзко возразил тот.

Лицо подполковника побагровело. Его рот перекосялся. Тонкие фиолетовые от злости губы двигались медленно, обнажая ряд неровных, прокуренных зубов. Казалось, он сейчас съест со всем непотребным этого старлея... Но наконец он восстановил самообладание.

– Где ваш капитан!? Доставьте ко мне этого негодяя!

– Есть, товарищ подполковник!

– Всем эту неделю на казарменное положение! Ни один не покинет стены полка! Пока не будут у меня зачинщики этого побоища! А на вас, старший лейтенант, я ещё посмотрю-ю-ю... – он повернулся в сторону Хашимова. – Да! И после прохождения, командиры и замполиты батальонов и рот в штаб, на совещание! – кинул он в завершение фразу, обещавшую долгую бессонную ночь!

Полк с маршем под оркестр лениво отдолбил сапогами и без того потрескавшийся асфальт плаца и рассосался по казармам...

## Седьмая рота

– Ну, товарищ Майер, час после отбоя уже прошёл, так что подымай роту! Тут полкан задач нагрузил нам на всю ночь! – в канцелярию ввалился Хашимов.

– Ведь не положено солдат ночью поднимать! Это же приказ командира полка, – возразил было Майер.

– А на «не положено» у нас так же наложено! Час после отбоя прошёл, так что тэпер нормално!

– А если дежурный придёт?

– А кого это е... волнует? Прыдёт если, то сдаст нас и тогда натянут нас по полной. А не выполним задачи, тогда полкан сдэлает из нас чучело! Так что вибирай, как тэбе помырать?

– Да как это возможно! Это же одно другое исключает!

– Майер! Мат твою жэншьина! Кого е... волнует чужое горэ!?

Вскоре рота напоминала полный дурдом. Дневальный стоял на «шухере» на крыльце.

– Зашло солнце, а в стране дураков бурно закипела работа, – громко кто-то продекларировал на весь коридор. Офицеры лишь усмехнулись в ответ.

– А кто тут умный нашёлся?..

\* \* \*

Офицеры сидели в душной накуреной канцелярии, где вонючий прогорклый запах «позавчерашнего» жженого табака, казалось, насквозь проел всё вокруг.

– Ротный наш, Несветайло, совсем забил на всё! Задолбало меня за него отдуваться и пилюлей получать! – Хашимов развалился в кресле.

– Слушай, Альяр! И что это за побоище сегодня было?

– А ты не понял? А ты своего друга Тимофеева спроси. Он там пытался, как Дон Кихот вэтраную мэлницу проткнуть своим злоным стручком, но его там самого чуть не обломали.

– Да он мне уже рассказал, когда ходил в общагу, китель от крови отмывал, переодевался. Он и сам ничего не понял.

– Да, это узбеки затеяли всё. Их группировка пыталась зубы показать. Толка азербайджанцы им навешали. Там пока толка лидэры дрались. Ещё будэт драка и нэ одна. Ещэ нэ всё! Ещэ будэт челавек сто на сто. Вот тогда будэт полное палево, Сашка! Но Кавказ ещэ покажет Средней Азии, кто в доме хазяин!

– А как это предотвратить? Как их остановить?

– А, это зверё! Как ты их остановыш? У них феодальный строй! Прав тот, кто сильнее. У них там ещэ не до каждого аула Советская власт дошла! А потом, Восток – дэло тонкое.

Полкан не понимает. Тут надо знат, с кэм работат! Я за свою роту отвэчаю. Здэсь драки не будет! А за полк пуст полкан и думает с замполитом... Слушай, а что это за шум в коридоре?

Майер, пожав плечами, вышел из канцелярии.

– Ибрагимов! Что за шум, а драки нет?!

– Таварыш лейтэнант! Узбэк чё, баба, что ли? Азэрбайджан нэ работает. Ми тоже нэ будэм!

Группа солдат-узбеков одобрительно загалдела. Всё это напоминало демонстрацию. Не хватало только агитплакатов.

– Чё, товарищи солдаты, у вас тут за дэмонстрация!? Ибрагимов! Каримов! Челябинзаде! – в канцелярию! – Хашимов стукнул кулаком в дверной косяк.

Прошло не меньше часа. Бойцы стояли на своём, как заговорённые.

– Товарыш старший лейтенант, ми не мюжской работа дэлат нэ будэм. Ми мужжик! – вызывающе зыркая исподлобья, упрямо твердил девятнадцатилетний азербайджанец Аскер Челябинзаде.

– А ми что, баба, что ли? Ми тоже нэ баба, ми нэ будэм тожа дэлат. Ви будэте – ми будэм, ви нэ будэте – и ми нэ будэм! – горячая узбекская кровь Каримова кипела от негодования в адрес Челябинзаде.

– Точно Каримов говорит, таварыш лейтэнант! – Ибрагимов поддержал земляка.

– Ибрагимов, Каримов! Свободны, джигиты! – Хашимов спровадил узбеков.

(Узбеки, в целом-то работающие ребята, также делящие работу на мужскую и не мужскую, всё же были способные к любой работе, но не допускали к себе унижения со стороны гордых кавказцев, и также охотно эксплуатировали другие национальные меньшинства, особенно славян, если те были не способны за себя постоять в силу низкой численности и разобщённости. Славяне – интернационалисты по природе, живущие обособленно, не делящие работы на мужские и женские, обычно становились объектом для всеобщего унижения в «национальной» армейской среде в случае численного превосходства последних, что было характерно для пехоты. Азербайджанцы были сложнее узбеков. Твёрдо стояли на своём, однозначно разделяя труд на мужской и женский. Подавить это было возможно, но только местами и исключительно силовым способом.)

Хашимов усмехнулся в адрес своих земляков. Ему, прошедшему сквозь военное училище, был хорошо знаком такой вот «женский» труд, так как такие вот штучки с «немужской работой» в курсантской среде не могли иметь никакого шанса на успех. Пройдя сам через «презренный женский труд», он особенно жёстко стремился пресекать эти выходки, как бы доказывая себе самому, что раз он это смог, то и этим заморышам сам бог велел, мать их так! Он, воспитанный в классическом «правильном» советском духе, люто ненавидел все «феодальные пережитки» некоторых своих земляков, их дикость и нецивилизованность.

– Ну что, земля – Бакинец! Мужжик говориш! – он подошёл вплотную к Челябинзаде. – Вопу взжик и опят мужжик!? Зверёныш, мать твая жэншына!

Он повернулся к Майеру,

– Оставь меня с земляком. Мы тут потолкуем по-родственному... – он потряс кулаком.

– А мож им просто «мужскую» работу найти, как полковник из политуправления говорил? – Майер шепнул Хашимову.

– Э-э-э! Обалдэл, что ли? Эти умники горазды советовать! А гдэ я тэбе их найду, эти мужские работы? Хошь – сам и ищи! Из пальца выжимай! Да и вон, посмотри на узбэков! Эти джигиты такого не поймут! Хрен ты их заставишь что-то дэлат, пока другие это не дэлают. Гдэ я тэбе потом столко «баб» для женской работы найду? А-а-а?.. С бабами у нас, сам знаешь, напращёнка!

## 1.12 (83.10.09.) Прошлое. Посвящение в курсанты

9 октября 1983 г. Новосибирск. НВВПОУ

*Закат на небе алом угасает,  
Былое скрылось в сумраке ветвей,  
Но редкий человек не вспоминает  
Счастливые часы минувших дней.  
Счастливых дней, безудержных и смелых,  
Щемящих грудь страданий: «се-ля-ви»!  
Тех поцелуев первых неумелых,  
Тех первых слов признания в любви!*

*Автор В.Земша. 1985 г.*

Природа дышит осенью. По утрам прохладно, если не холодно. Лес часто окутывает густой холодный туман. Влажно. Мокрое долго не высыхает. Симпатичные скромные клумбочки. Стройные ели, берёзы, голубые облачные дали.

Но этот день выдался ясным и солнечным. Стеклозное прозрачное небо. Свежо. Лёгкое тепло от ясного солнечного диска. Желтизна увядшей листвы. Типичная осенняя картина в Сибири. Словно праздник. Словно в детстве возвращаешься с субботника в преддверии воскресенья. Последние дни перед долгой зимой.

Это был особый день! День посвящения в курсанты! С этого момента каждый первокурсник мог полноценно назвать себя курсантом по-настоящему. Позади – курс молодого бойца, присяга. Присяга! В тот торжественный день плац был полон народом. Родственники, знакомые, друзья, как правило, приезжали только к местным курсантам, но всё же. В первое увольнение тогда отпускали только с родными, к кому они смогли приехать. И это были далеко не все! Теперь уже получен дополнительный опыт армейской муштры и учёбы. Одним словом, к 9 октября был положен фундамент из бетона если ещё не для будущего офицера, но уж для настоящего курсанта-то точно!

Тимофеев заболел накануне. Его знобило, кидало в жар. Но «замок» сказал:

– Я не врач! Освобождение из санчасти есть?

– Ни как нет.

Да, освобождения не было. Да откуда бы оно появилось, если в санчасть сходить-то и времени совершенно не было! Сперва – были в наряде по столовой, в варочном.

*(Тягали баки, драили всё по колено в воде, хлюпая раскисшими сапогами по скользкому полу варочного цеха. Но хоть сливочного масла нажрались до тошнотиков от жадности! Тимофеева даже вырвало, чего он сильно стыдился. Потом – топография – ориентирование на местности, бегали в лесу по азимутам, потом – инженерная – рвали тротил, а потом – огневая, тактическая, ну и в финале – вроде как и выздоровел. Как раз ко «Дню курсанта». В качестве праздничного действия за пределами училищного забора, а все действия за пределами всегда особо ценились, ибо все, на что командование было способно внутри, это спортивные состязания, строевая подготовка да уборка территории, в этот раз их повели на концерт из Йемена в Доме Учёных в Академе. Йеменские артисты очевидно ну уж очень старались. Что ж, дружественное социалистическое государство! Но при всём к ним уважении и политическом самосознании, курсанты, попав в тёплый тёмный зал с мягкими креслами, отрубались совершенно без стеснения. Первокурсники! Одни бессовестно храпели, подсунув под головы выданные по такому случаю вместо «слонячих жучек» парад-*

ные офицерские из лоснящейся синей овчины шапки, другие брали штурмом буфет в фойе. Театр напоминал Смольный в октябре.

*(В стенах училища было кафе «Витязь», которое почему-то именовали «Булдырь». Там иногда были беляши с мясом, действительно с мясом, а не с луком, как это обычно было в городе! Коржики были буквально напичканы изюмом, что было так же не свойственно советскому общепиту! И два вида пирога местного производства, именуемые в обиходе «слонячья радость». Один – белый, другой – серый. Их ещё называли «язва желудка». Чёрт знает, из чего они были сделаны, но они исправно набивали курсантские желудки своей липкой сладкой массой, вызывая жуткую изжогу впоследствии. Поговаривали, что у кто-то даже кишки слиплись как-то. Враки, может? Да был там ещё огромный алюминиевый бак с мутной баландой, называемой нежно «кóфэ», помогавшей проталкивать в себя всё тот же пирог).*

Однако, попасть в «Булдырь» для первокурсника – дело редкое! Так что театральное кафе буквально рвали на части! В этой обители сна и еды, очумевшие от выпавшего счастья первокурсники не обращали ни на кого внимания. Здесь, правда, почти не было гражданских лиц, но уверен, что даже появление девушки заинтересовало бы парней только в случае, если бы это была буфетчица, несущая новый поднос с коржиками!.. Но всё хорошее скоро заканчивается. Снова железные прутья забора отгородили курсантов от внешнего мира. Единичные везунчики, в основном из тех, к кому приехали родственники, и кто при этом не «залетел» в «чёрные» сержантские блокноты, коих было далеко не в изобилии, отбыли в увал. Однако и тех, кто остался в стенах, ждало наимприятнейшее событие. Сегодня была для многих первая дискотека в ГОКе<sup>29</sup>!

\* \* \*

...Из кирпича, стекла и труб  
Немного раньше срока,  
Построен был в те годы клуб,  
Что назывался ГОКом.  
Имел он кресла и столы,  
И комнаты, в которых  
Давались частые балы  
Для дам и мушкетеров...  
...И там, среди других подруг,  
У ГОКа, на скамье,  
Наш Д Артаньян увидел вдруг  
Красотку Бонасье.  
Дул ветер, ленту теребя,  
Под русою косой,  
И вот, на горе для себя,  
Влюбился наш герой.  
Он от нее не отводил  
Своих влюбленных глаз,  
На танец дважды пригласил  
Ее он в этот раз.  
Мигали яркие огни,

---

<sup>29</sup> ГОК – гарнизонный офицерский клуб.

Гремели рок и джаз,  
Так познакомились они  
На вечере в тот раз.  
Ее пошел он провожать.  
Болтая бестолково,  
Оставим их вдвоем гулять  
И отвлечемся снова.  
Итак, фамилию Бонасье  
Красавица носила.  
Но не Констанцией звалась,  
Она звалась Людмилой....

*Из творчества курсанта НВВПОУ Сергея Пиккарайнена, «Три мушкетёра»*

В этом училищном клубе, являющемся продолжением училищного забора, куда с тыла заходили курсанты, а с фронта – представительницы женской половины, преимущественно с местного микрорайона «Ща» и с «Академа», но были и те, которые не поленились приехать и из самого Новосибира! Девахи толкались в очереди на пути к заветной цели. Одни нахраписто и целеустремлённо, другие скромно и робко, оттесняясь первыми. Перспектива оказаться в окружении будущих офицеров, да и просто крепких мужественных симпатичных эрудированных парней, вдохновляла сиих юных особ на путешествие сюда...

\* \* \*

...Она за ними следом шла,  
От злости трепеща.  
Уже давно она жила  
В микрорайоне «Щ».  
Встречала уж не первый год  
Курсантов молодых,  
И, да простит ее господь,  
Охотилась на них...

*Из творчества курсанта НВВПОУ Сергея Пиккарайнена, «Три мушкетёра»*

Тимофеева слегка знобило. Видимо болезнь ещё не полностью отступила. Он помял пальцами горло, нащупал надутые воспалённые узлы гланд. Затем закинул голову и опрокинув в открытый рот пузырёк одеколона «Шипр», потряс прямо в больное горло. Поморщившись, он сплюнул в платок. Такова народная курсантская медицина! Он взял полотенце и направился в умывальник, где под струями обжигающе ледяной воды, с криками и ахами, плескались полуголые курсанты, собирающиеся на первую «случку». Вскоре «дискотечная» шеренга стояла при «параде» в расположении роты для осмотра командирами на предмет соответствия Уставу, благоухая «Шипром», «Гвоздикой», и тому подобными одеколонами. Оставив в расположении не прошедших старшинский контроль, рота двинулась к клубу не столько, чтобы охмырять девах, сколько просто, дабы «размять косточки» давно забытым.

Курсанты прошли мимо гардероба, где толпились одни девчонки. Воздух здесь был наполнен исключительно специфическим женским запахом, который сразу, как собаки, улавливали молодые парни, живущие в исключительно мужском сообществе. Девчонки так же

бросали косые взгляды, некоторые смущаясь почти откровенного бескомплексного любопытства парней.

«Ничего, ещё встретимся наверху!» – думал, наверное, практически каждый участник этой молчаливой «перестрелки».

На втором этаже играла музыка. В зале было битком и душно. Три разноцветных фонаря изображали в полумраке цветомузыку. Местный курсантский ансамбль «Русичи» неистово лабал современные популярные песни, типа: «И снится мне не рокот космодрома...», которая как свежий блинчик только что сползла с творческого конвейера «Землян».

– Смотри, Тимоха! – Шаталов ткнул Тимофеева пальцем. – Смотри, видишь ту вон, в красной кофте! Да не туда смотришь, вон, та, грудастая! Я её уже третий раз вижу! До этого она на КПП со второкурсником трепалась, потом на присяге тут чего-то шлялась. Короче, нужно к ней подкатить! Как думаешь? А я думаю, это «Ща»<sup>30</sup>! Безотказная, как автомат Калашникова! Давай, Тимоха! Вали к ней! Я тебя поддержу, если что! Там, вроде, у неё и подруга имеется! Кардан крупноват, ну, ничего, сойдёт! В темноте не видно!

– Вали сам, – Владислав отрезал коротко длинную речь товарища, – предложение соблазнительное, конечно, но я думаю, ты справишься и без меня! – Тимофеев пребывал в романтическом настроении, и любая похотливая пошлость была ему омерзительна. Он высматривал среди девушек, скромно подпирающих стены, ту, которая заставит вспылать его кровь. Его мало интересовали те, ярко зажигающие на танцполе, в надежде хоть кого-то соблазнить. Ибо его юное горячее существо мало интересовало похотливое увлечение, способное подобно похмельному синдрому лишь наполнить гадливым чувством память о случившемся. Его взгляд упал на милую брюнетку. Её нежная ямочка на подбородке была словно создана для нежных поцелуев. Тёмные локоны волос мягко спадали на хрупкие плечи, которые ему уже хотелось неистово обнять. Он смотрел на неё, с нетерпением ожидая «медляк», чтобы подойти. Но едва зазвучала долгожданная медленная композиция, и Тимофеев было рванулся вперёд, но ненавистный Кузнецов перекрыл его путь, пошлово улынулся, протянув девушке руку, и небрежным кивком головы в сторону танцпола пригласил её на танец. Та радостно откликнулась и через секунды, они уже медленно топтались в центре зала. Его руки лежали неопозволительно низко, а её руки едва ли не обвили его за шею. Все грёзы и надежды в мгновение рухнули, и девушка перестала для Владислава существовать: «Как она могла. Вот так, быстро. Да ещё с кем?! С этим противным наглецом Кузнецовым!» – негодовал про себя курсант.

Девушка его полностью разочаровала и больше не была притягательна. (*Что, подделать, многим девушкам нравятся наглые парни!*) Желая не терять своего шанса, Тимофеев высмотрел в полумраке другую нежную фигуру со светлой шевелюрой на голове, скупающую у окна, приблизился, протянул руку и негромко произнёс:

– Разрешите?

Девушка окинула взглядом взволнованного юношу с ног до головы, ухмыльнулась:

– Я не танцую! – был её ответ, то же вторили и её совершенно холодные глаза. Очевидно, её интересовал более разбитной парень.

– Тимоха! Давай, пригласи лучше жену взводного! – весело предложил откуда ни возьмись вылезший Шаталов, ткнув пальцем в сторону, где стояли офицеры разных подразделений, некоторые с жёнами, – или слабо?! Слабо, да?!

– А-а, – махнул отчаянно рукой Тимофеев, словно заливая вином досаду от только что полученного отказа, – давай! Была не была! Если не вернусь, считайте меня коммунистом! – он решительно направился к офицерам, которые с явным удивлением наблюдали смело дви-

<sup>30</sup> Так называли в «Академе» женщин лёгкого поведения, морально падших.

гавшегося им навстречу совершенно очумелого курсанта-первокурсника. А что ещё можно сказать о таком!

– Товарищ старший лейтенант, разрешите пригласить на следующий танец Вашу жену? – Тимофеев аж сам задохнулся от собственной наглой выходки. Его голос дрожал, поджилки тряслись. Старлей, да и все другие вокруг так же задохнулись от неожиданной наглой выходки, не находя сразу слов. Жена же, вполне симпатичная молодая женщина, хотя была и не по возрасту желторотому курсанту, зарделась и загадочным взглядом пробежала по фигуре юноши. В её томных глазах сверкнули искорки снисходительного к юнцу согласия. Однако, офицер, придя в себя, кашлянул в ладонь, чтобы взять более суровую ноту в голосе и строго произнёс, без малейшего чувства юмора:

– Нельзя! Я сам для этого сюда привёл мою жену! Курсант! – он зыркнул на неё, затем на курсанта.

Жена, погася шаловливые искорки, подняла брови в сторону курсанта, – «увы»! И радостно откликнулась на долгожданное внимание мужа, фактически не замечавшего её до сей минуты! И они счастливо углубились в качающееся поле топчущихся в романтическом возбуждении людей, думающих, что они танцуют...

«Вот оказывается, для чего он меня сюда привёл! Всё же для того, чтобы потанцевать! – усмехнулась про себя женщина. – А то я уже успела потерять всяческую надежду! Спасибо курсанту!»

– Чё, Тимоха! Не вышло!? Но ты всё равно молодчина! Не зассал, теперь будешь в роте героем! – Шаталов хлопнул Тимофеева и через несколько минут уже весело роготал о чем-то, сидя на подоконнике с той самой, со светлой шевелюрой, которая недавно отшила Влада. Тимофеев лишь ухмыльнулся и вскоре уловил боковым зрением взгляд из угла зала. Повернулся. Вполне милая девушка робко стояла, подперев стену. Наткнувшись на буравящие в темноту зала глаза курсанта, она слегка улыбнулась и скромно отвела взгляд. Несколько минут они как бы невзначай встречались робкими прикосновениями глаз. Тимофеев видел, как девушка безальтернативно отшивает одного за другим, атакующих её курсантов. Он даже толком не рассмотрел её лица, но понял интуитивно главное – это именно Её девушка. Визуальный контакт состоялся! Он был не навязчив, но вполне ясно раскрывал суть проскочивших между ними искр Амура. Он ждал очередной медляк, лаская глазами милый образ в тёмном углу училищного клуба. Все суровые реалии курсантской жизни улетели на второй план. Сердце жарко билось в груди в нетерпеливом предвкушении. И вот снова медленная композиция. Тимофеев набрался духу и направился к трепетной цели.

– Двадцатая рота-а-а! Выходи строиться на улицу-у-у! – раздался сержантский вопль. Тимофеев скорчился, словно от боли, машинально кинулся было к выходу, потом резко затормозил, обернулся в тот самый угол, который гипнотизировал последних минут пятнадцать, показавшихся вечностью. Но там уже никого не было. Он метался взглядом по залу. Мельтешили выходившие строиться курсанты. И он не мог найти её глазами!

– Двадцать пер-р-рвая р-р-рота-а-а! Стр-р-роиться на улицу-у! – раздалось в усугубление первой команде и зал загудел с усилением. Потом ещё и ещё. Загорелся яркий свет. И это означало «Финит а ля комедия»!..

Роты строились перед казармами на общую проверку.

– Старшина! У нас тут в роте «танцор диско» завёлся, настоящий Казанова! Любитель офицерских жён! Устройте ему сегодня хорошую «дискотеку» со шваброй! – ротный зыркнул так, что даже в темноте был виден блеск его глаз...

## 1.13 (87.09.01.) Прощальное письмо

### Сентябрь 1987 г. Ружомберок

*В хмурый день осенний  
Забываю вас.  
Где тот цвет весенний,  
Чаровал что нас?  
Жёлтый лист увядший  
В землю упадёт.  
И любовь навеки  
Вместе с ним умрёт.*

*Автор В. Земша. 1981 г.*

Тимофеев вошёл в комнату общаги в приподнятом настроении.

– Сашка, в «Стекляшку» идём?

– Не-а, – буркнул Майер в ответ. Он лежал на кровати, закинув пыльные сапоги на железную дужку, накрыв лицо изломанным складками тетрадным исписанным листом.

– Что, письмо получил? Что там стряслось?

– Владик, не лезь в душу, ладно?! – Майер сорвал со своего лица письмо. Смял. Потом разгладил ладонью, засунул во внутренний карман. – Водочки накатить не хошь?

– А у тебя есть?

– У меня нет, а у тебя, вроде там была «Пшеничная».

– Ха!.. Ладно, – Тимофеев вытащил последнюю, привезённую с Союза, бутылочку...

Вскоре пустая бутылка одиноко скучала на полу. Её содержимое, перекачанное в кровь лейтенантов, бурно циркулировало, делая мир и краше, и горчее одновременно.

– Не грусти, Сашка, мир – бардак, все бабы – б... – Тимофеев произнёс, набитым печеньем ртом дежурную фразу, просто пытаясь банально успокоить товарища.

– Не смей так про неё говорить!

– Да ладно. Конечно!

Майер отвернулся к стене. Достал мятый конверт, который сегодня удивленно достал из полученного из дома письма. На конверте, в поле обратного адреса, было написано: «Барано-Оренбургское в/ч ...»

*«... Саша, ты замечательный человек, я бы многое отдала, что бы быть с тобой. Но, видимо, это не наша судьба. Ты не приехал. И я тебя не виню. Я всё понимаю. Расстояние. Служба. Такова наша жизнь и мы в ней всего лишь пешки. Может быть, со мной ты был бы самым счастливым мужчиной на свете! Быть может, с тобой не было бы женщины, счастливей меня. Но это всё не про нас. Всё это только могло бы быть. А есть только то, что есть. Совершенно иное. Я тебя не виню. Не вини и ты меня. Ты уехал. И я поняла, что ты для меня навсегда исчез. Я не надеюсь тебя увидеть. Имея хоть каплю надежды или будучи идеалистом, я бы могла тебя ждать всю свою жизнь. Но я реалист. Я знаю, что любая будет счастлива с тобой. Я знаю, что ты долго один не сможешь остаться. Ты меня уже забыл, я думаю. А, если нет, то очень скоро совсем и не вспомнишь. А я – так. Эпизод. Мимолётный романчик. Прости. Но я должна тебе сообщить, что не желая продолжать службу далее, я уехала на родную Украину, и теперь здесь выхожу замуж. Прощай, мой милый!.. Желаю и тебе найти своё счастье!»*

Виски Александра тяжело стучали тревогой. Он бил подушку: «Чёртова жизнь! Ну почему всё так? Любая будет счастлива!? Какая? Где? Да здесь, как всем заявляет Полунин,

весь потенциальный «круг возможностей» очерчен поварами, медсёстрами, продавщицами, которых здесь всего-то пять на весь полк и то одна «краше» другой! Так что за сохранность моих чувств можно было бы и не беспокоиться особо! Я здесь как в банке законсервирован. Откроешь через год, как найдёшь! Свеженький!» – думал про себя расстроенный лейтенант.

\* \* \*

Прошло время. На своё письмо, ранее отправленное, как теперь видно, в никуда, Александр так и не получил ответа. А писать новое, при открывшихся обстоятельствах, едва ли имело смысл... А служба заполняла всё больше и больше места в его черепной коробке, вытесняя собой всё остальное. Сердечная боль покрывалась полигонной и казарменной пылью. И вскоре осталось лишь сладкое мазохистское воспоминание о том, что уже ушло и что уже не вернуть, но так томительно и горько тянет в груди порой. Ночью Александр тоскливо прижимал к груди казённую подушку. Его сердце скребли горькие кошки неутоленного одиночества. Его нерастраченный молодой жар потухал, засыпая одиноко на общажной кровати, под сопение товарищей...

## 1.14 (84.04.) Прошлое. Трагически погибла здесь

### 30 Апреля 1984 г. Новосибирское ВВПОУ Двадцатая рота

*Зимой, три месяца назад, 9 февраля 1984 г., умер Юрий Владимирович Андропов – Генеральный секретарь Центрального комитета Коммунистической Партии Советского Союза, на смену ему пришёл Константин Устинович Черненко. В 1984 г. СССР, в ответ на бойкот Московской олимпиады США и их союзниками, бойкотировал олимпиаду в Лос-Анджелесе.*

Зима ушла. Пришла очередная весна. Конец апреля. Тимофеев сидел в курсантской столовой на подоконнике, уже полностью подготовившись к сдаче наряда, дописывал письмо домой в ожидании смены. На плацу шёл развод очередного суточного наряда.

*«...Стало хорошо, тепло. Зеленеет травка в местах, где проходит теплотрасса. Скоро по всей земле сибирской начнёт всходить эта прелесть. Только вот добить бы скорее до конца куски снега, завалившегося в прохладных местечках.*

*Сейчас взял В.И. Ленина, «Материализм и эмпириокритицизм» изучаю. Тактик-преподаватель тут как-то сказал, что соц. революция – это исключительно плод гения Ленина, на почве революционной ситуации в стране. А при отсутствии Ленина социализма бы нам не видать! И я тоже думаю, что все разговоры о возможности рождения «другого Ленина» – чушь. Не могло же тогда рождение Ленина помешать родиться другому такому «Ленину»! Но Ленин был только один, а без него не было бы той партии, той теории, той морали и той революции! Я решил изучать тщательно Ленина. Без него как без рук, полный разброд личных мнений, отсутствие абсолютной истины.*

*Я сейчас опять в наряде по столовой официантом, научились тут управляться со всем за час-два, а потом читаем, спим на подоконниках, вот письмо сейчас вам пишу. Ещё ломаю себе голову, нужно будет где-то подыскивать коммунистов со стажем, чтобы получить от них рекомендации в Партию. Всё, с комсомолом пора кончать! Сейчас к этому прилагаю все свои усилия. Теперь главное – зубами прорывать себе дорогу в партию. Здесь я все силы приложу. Это я уже твёрдо сказал. А на прошлой неделе снова отделениями бегали по азимутам, получили тройки. А другие отсиделись, начертили в тепле красиво маршрут и получили пятёрки. Но ведь я больше их сумею. А ведь сейчас главное – получить знания. Т. к. придёт время, и всё всерьёз придётся делать. И оценивать будет не препод, а противник. И платой будет кровь! Были ещё в марте ночные тактические занятия в разведке. Брала «языка». Я был в огневой поддержке. Целый час ползти по снежной целине. А когда нужно было стрелять, то не смог! Патрон не заходил в патронник, тот забился снегом. Вот как! А в боевых условиях это бы могло стоить жизни! А ещё, когда другой раз полз, у меня растянулся ремень, я даже не почувствовал и потерял прицел от своего гранатомёта. Когда понял, то меня прошиб пот. За это могут и из училища выпнуть! Так я в ночной темноте так и уполз назад в лес по сделанной мною же борозде. Метров через пятьдесят я его нашёл-таки! Под одним деревом, где с полчаса лежал в засаде! Ух! Слава богу! Ещё, в феврале было у нас наступление ночью с боевой стрельбой. Я, как обычно, с гранатомётом. Было страшно, чтобы не угробить своих же! Ведь ни спереди, ни сзади никого быть не должно! А то ведь порохowymi газами контузить можно, если не угробить вовсе! А тут ещё лыжи, ОЗК, снаряжение, всё путается. Из десантных отделений мы буквально выва-*

ливались на снег со всем барахлом, и тут же нужно на валенки напяливать лыжи и идти по снегу впереди БМП цепью, да ещё стрелять боевыми по целям! И всё это в кромешной темноте ночи. Когда можно всё попутать. А когда укачанный до тошноты, из десантного отделения БМП, ледяного, пропахшего соляжкой, вываливаешься, вообще не можешь сразу понять, где ты есть и куда тебе нужно бежать. А во всей одежде, снаряжении, валенках, шубенках, с оружием падаешь в глубокий снег и нет сил даже подняться. Где уж тут воевать! Это только в кино всё так просто кажется!

Тогда мы целые сутки были в поле. Сперва была тревога, потом шли ночью десять километров на лыжах. По полям ещё ничего. А вот с пригорков! Несёшься меж деревьев с трубой-гранатомётom за спиной на «дровах». Да ещё и со сломанным креплением, рискуя потерять лыжу. Хотелось пить, но было невозможно остановиться. Казалось, жажда иссушила всё, и язык прилип к нёбу. Было страшно упасть, так как со всем снаряжением было бы просто не подняться. Один тут у нас упал, не смог встать, так просил даже себя или бросить, или застрелить на полном серьёзе. Когда мы дошли до цели, я, как и многие, рухнул на снег. Попытались снегом утолить жажду, но было бесполезно. Снег только иссушивал рот и всё. Мокрые все. Так несмотря на мороз под сорок, почти все раздевались догола, передевались в сухое подменное нижнее бельё, кто имел с собой в вещмешке. Уже научены! А раньше на себе сушили! Приготовили пищу, поели, погрузились в БМП и в атаку...

Тут ещё такая история приключилась. В Новосибире, как-то, на вокзале, электричку ждал. Там пирожки продавали. Ну, я встал в очередь. Вскоре за мной вырос хвост. Один мужик, лет тридцати, сзади нас, с перебитым носом, покосился так на меня и зло забормотал своему приятелю, курсант, дескать, солдат гонять, цензурно выражаясь, будет. Когда подошла моя очередь, продащица, женщина лет пятидесяти, воскликнула: «Да ты ведь зря, сынок, стоял, подошёл бы так. Я своим сынкам всегда без очереди пирожки даю. В другой раз так вот прямо сюда подходи и бери, не стесняйся!»

Мужик сзади: «А чё это без очереди-то? Ну, ни хрена себе!»

Женщина: «Ты не чёкай мне тут! Поучись сперва вот так, как он, потом узнаешь!»

Мужик: «Поучись! Да я тоже служил!»

А она ему: «Чего служил, чего служил! Ты вот поучись, а не «служил». Тож мне, нашёл сравнение – служить или учиться! Служить – это одно, а вот учиться – совершенно другое, я-то знаю!»

Очередь сзади не выдержала: «А кто это там без очереди идёт?»

– Так не пускайте без очереди-то!

– Зачем же пускать?

– Кто пускает?

– Да там!

– Кто?

– Иш, что, без очереди!

– Совсем обнаглели!»

Тут продащица вскинула по-орлиному голову и ка-а-к гаркнет: «Чего вы мне тут разгалделись, я сама тут знаю, кому без очереди давать, а кому – нет! Иш вы мне, разодрались!»

Я взял пирожки, завернутые в здоровенный кусок серой бумаги, которую до этого продащица сэкономила, поблагодарил добрую женщину. А не разобравшаяся в ситуации толпа ещё долго гудела за спиной, вероятно, найдя подходящий момент, чтобы выплеснуть весь свой негатив, выражая всё своё возмущение, накопленное за день. Ну, вот и всё...»

– Тимофеев! Пора! Идём сдавать наряд, – товарищ его пихнул, едва услышав, как смолкла барабанная дробь на плацу, свидетельствуя об окончании развода суточного наряда.

Сдав наряд, курсанты, пропахшие противными запахами столовой, вошли в расположение роты. Здесь царил бардак. Хотя за внешним кажущимся беспорядком скрывалась стройная система действий. Шла чистка оружия после очередных стрельб.

Очередной наряд по роте придирчиво принимал территорию у замученных товарищей, зло плюющих на их занудство.

– Привет! Прикинь, нам на днях молодых подселили. Солдат из батальона обеспечения! Они у нас в роте будут карантин проходить! – курсант Асваров ткнул Тимофеева локтем.

– Привет-привет! Да не тычь ты меня своими локтями! Терпеть не могу! – возмутился тот.

Тимофеев, проведя несколько последних дней подряд в наряде по столовой, куда его «упёк» старшина за «примерное поведение», немного отстал от жизни. Он с удивлением разглядывал вдруг появившиеся в расположении двадцатой роты двухъярусные кровати, так не привычные для курсантов, спящих исключительно в одном ярусе. От молоденьких солдатиков исходил специфический «слонячий» запах, состоящий из сочетания запаха нового обмундирования и какой-то труднообъяснимой «желторотости». Курсанты разглядывали солдатиков с любопытством. Так, вероятно, практикующиеся студенты мединститута смотрят на своих будущих пациентов. Солдаты также с любопытством, осторожно по-воробьиному, всматривались в процесс чистки курсантами в расположении оружия.

– А чего их у себя, в батальоне обеспечения, не поселили?

– Да, видно, боятся солдатской дедовщины, хотят, чтобы у нас тут пока пообтёрлись. Им тут у нас как у Христа за пазухой! Здесь их никто не посмеет тронуть! Здесь у нас для них безопасно!

«...вчера, 20 апреля 1984 года, в ФРГ прошли демонстрации протеста против размещения в Западной Европе американских ракет...», – вещал телевизор.

– Эх! Американцы нас пытаются ещё больше ракетами окружить! А Черненко<sup>31</sup> мышей совсем не ловит, – курсант Шаталов прошёл с пулемётом в руках к своему стулу. Приступил к чистке.

– Да на что он уже способен? Ему бы на пенсию! – пожал плечами Тимофеев. – Был бы жив Андропов!..<sup>32</sup>

---

<sup>31</sup> Константин Устинович Черненко, по праву считаюсь Брежневским преемником, был весьма талантливым государственным деятелем. Однако, когда 73-летний Черненко получил высшую должность в советском государстве, у него уже не осталось ни физических сил, ни духовных сил, чтобы руководить страной. Он оказался самым престарелым из всех советских лидеров, когда-либо получавших пост Генерального Секретаря.

<sup>32</sup> После смерти Брежнева, в 1982 году, Андропов был освобожден от должности Председателя КГБ СССР в связи с избранием его Генеральным секретарём ЦК КПСС. Он интеллектуально выделялся на общем сером фоне Политбюро застойных лет, был человеком творческим, не лишённым самоиронии. В кругу доверенных людей мог позволить себе сравнительно либеральные рассуждения. В отличие от Брежнева он был равнодушен к лести и роскоши, не терпел взыточничества и казнокрадства. В принципиальных вопросах Андропов придерживался жёсткой консервативной позиции. Генерал КГБ СССР Филипп Бобков вспоминал: «Он унаследовал лучшие качества революционеров старой закалки... был настоящим строителем нового общества... высокообразованным человеком... много читал и следил за литературой, любил музыку, писал стихи». В первые месяцы своего правления он провозгласил курс, направленный на социально-экономические преобразования. Однако все изменения во многом свелись к административным мерам, укреплению дисциплины среди работников партаппарата и на рабочих местах, разоблачению коррупции в близком окружении правящей верхушки. В некоторых городах СССР силовые органы стали применять меры, жёсткость которых в 1980-е годы населению показалась необычной. Например, в рабочее время стали проводиться милицейские облавы в кинотеатрах, крупных универмагах и других местах скопления людей, во время которых тотально проверялись документы с целью выявить прогульщиков работы. Твёрдость проверок была такова, что в некоторые из них попадали прогуливающие уроки школьники, решившие посетить полуденный сеанс кино. Через несколько дней на имя директора школы приходило официальное письмо из силовых органов, докладывавшее о поимке прогульщиков с указанием фамилий. Существует мнение, что Андропов заметил также, что разделение по национальному признаку не характерно ни для одной страны мира, кроме СССР, и первоначально ставил задачу проработать концепцию о создании 15–16 экономических регионов СССР по образу штатов в США. Но здесь Андропов заболел, и дело отложили. А в следующий раз, когда они пришли с новой картой, Андропов лежал в больнице. Последние месяцы своей жизни Андропов был вынужден управлять страной из больничной палаты кремлёвской клиники. Вскоре он умер, и великая реформаторская идея не реализовалась. При Андропове начался массовый

– Бах, – вдруг раздался резкий сухой хлопок. Все замерли.

Шаталов Максим с недоумённым испугом сидел на стуле с ПК<sup>33</sup> в руках. Курсанты ошалело вертели головами по сторонам. Молодые солдаты, чувствуя себя в полной «безопасности», испуганно таращились на полуголых курсантов с оружием.

– Ша-та-лов! Твою-ю мать! Дебило-о-оид! Студент! – заорал замок, сумасшедше выкашивая глаза из орбит. Шаталов молчал, затаив дыхание, боясь даже подумать о возможных последствиях, втянув голову в плечи.

– Ты чё, олух царя небесного, забыл что ли, что это тебе не автомат! Тут патрон просто так затвором не выбросишь! Крышку открывать нужно, патрон вытаскивать, прежде чем на спусковой крючок жать!

– Эй, там, на барже! Все живы там? А-а-а? – переходя на сиплый фальцет, воскликнул комок.

– Кто-о стреля-я-л? – из канцелярии нарисовался грозный профиль ротного...

К счастью, пуля, просвистев среди сотни человек, никого не зацепила, бесследно, совершенно мистически исчезнув в районе ружейной комнаты...

– Старшина! Стройте роту! И с замкомвзводами в канцелярию! – профиль ротного исчез.

Вскоре довольные сержанты гнали обильно матерящуюся роту на знаменитую «Е-н» гору.<sup>34</sup>

---

выпуск лицензионных грампластинок популярных западных исполнителей тех жанров (рок, диско, поп), которые раньше считались идеологически неприемлемыми – это должно было подорвать экономическую базу спекуляции грампластинками и магнитными записями. Андропов особенно ценил Высоцкого, любил его песни. Во внешней политике усилилась конфронтация с Западом. Андропов умер 9 февраля 1984 года, в 16 часов 50 минут. Согласно официальной версии, причиной смерти стал отказ почек вследствие многолетней подагры. Некоторые эксперты, однако, подвергают сомнению официальную версию смерти Андропова. Существует также мнение, что к его смерти причастна, затем покончившая с собой, супруга министра МВД Щёлокова, ранее отстранённого от занимаемого поста. Согласно этой версии, она стреляла в генсека. Что и явилось причиной внезапно возникшей «болезни» Андропова. На траурную церемонию прощания прилетели главы государств и правительств многих стран, в том числе Маргарет Тэтчер, также присутствовал Джордж Буш-старший. *(По материалам открытых источников.)* «...Общее усиление позиций социализма заставило империалистов отказаться от попыток сломить социализм путем «лобовой атаки». Эти перемены, безусловно, отвечают нашим интересам. Вместе с тем нельзя не видеть того, что противник не отказался от своих целей. Теперь, особенно в условиях разрядки, он ищет и будет искать иные средства борьбы против социалистических стран, пытаясь вызвать в них «эрозию», негативные процессы, которые бы размягчали, а в конечном счете, ослабляли социалистическое общество. В этом плане немалые надежды возлагаются империалистическими силами на подрывную деятельность, которую империалистические заправилы осуществляют через свои спецслужбы... На первоначальном этапе предусматривается установление контактов с разного рода недовольными лицами в Советском Союзе и создание из них нелегальных групп. На последующем этапе намечается консолидировать такие группы и превратить их в «организацию сопротивления», то есть в действующую оппозицию... Недавно некий Аллен фон Шарк в книге, посвященной борьбе против нашего государства, писал: «если СССР предпримет какие-либо шаги против подобного рода отщепенцев, (обратите внимание, он сам называет их отщепенцами), необходимо как можно шире афишировать эти меры как несправедливые, чтобы вызвать, с одной – сочувствие к ним, к отщепенцам, а с другой стороны, недовольство коммунистической системой». Империалистическим разведкам неважно, что люди, которых они поднимают на щит, подонки и отщепенцы, важно, что это дает им повод лишний раз выступить с нападками на нашу систему, бросить тень на нашу партию, а в этом и состоит их главная цель. В последнее время органами КГБ проведены профилактические мероприятия в отношении ряда лиц, вынашивавших враждебные политические намерения в форме злейшего национализма. На Украине, в Литве, в Латвии, в Армении ряд националистов привлечены к уголовной ответственности за откровенную антисоветскую деятельность. Почти во всех этих случаях их деятельность инспирировалась подрывными центрами, находящимися на Западе... Только в прошлом году была выявлена и пресечена деятельность свыше 200 таких эмиссаров, направленных в Советский Союз для передачи своим подопечным инструкций, денег, средств тайнописи и печатной техники. Идеологическая диверсия осуществляется в самых различных формах: от попыток создания антисоветских подпольных групп и прямых призывов к свержению Советской власти (есть ещё и такие) до подрывных действий, которые проводятся под флагом «улучшения социализма», так сказать, на грани закона... *(Из выступления Ю. В. Андропова на пленуме ЦК КПСС 27 апреля 1973 г.)*

<sup>33</sup> Пулемёт Калашникова

<sup>34</sup> В «Поле чудес», наверное, легко бы нашли пропущенные две буквы, для получения полного, хотя и совершенно нецензурного названия горы, примерно в километре от училища, обильно политой потом не одного поколения курсантов. При приближении к которой те обычно переходили на «гусиный шаг» на короточках

Рота пыхтела, кляня всеми возможными проклятиями Шаталова. Ушитые по моде галифе трещали по швам в коленных изгибах. Вдруг Тимофеев заметил: что-то блеснуло в темноте среди деревьев на косогоре.

– Смотри! Обелиск какой-то появился! – тот толкнул Юрку.

– Ты раньше его видел?

– Раньше не замечал, не знаю точно.

Среди берёз и пожухлой листвы, недалеко от дороги, круто уходящей вверх, по которой они так часто то шли гусиным шагом, то брели, обвешанные оружием, на полигон, как-то нечаянно заметили маленький обелиск с фотографией черноглазой девушки, почти девочки, и черной надписью: «Трагически погибла здесь».

\* \* \*

Остановись, идущий мимо  
Вдохни в себя печаль мою  
Мой кроткий взгляд застыл незримо  
И с ветром песни я пою.  
Листвы унылое молчанье.  
Луч света с синей вышины.  
Несёт печаль со мной свиданье,  
Не знать мне радостей весны,  
Не знать мне жаркий трепет сердца,  
Не видеть свет любимых глаз,  
Не прижимать к груди младенца,  
Огонь звезды моей погас.  
Но я была когда-то с вами!  
Тоска ужасная в груди,  
Вы задыхаетесь слезами,  
Ведь все, что было, позади.  
Не слышать вам мой смех счастливый.  
Глядите вы в мои глаза.  
Навек я стала молчаливой,  
А на траве росой – слеза.

*Автор В. Земша. 1980-е*

## 1.15 (87.09.05) Чешская контра

### Сентябрь 1987 г. Ружомберок Офицерская общага

*«...Служба идёт нормально. Уже начинаю втягиваться. Здесь, за границей, – настоящая служба. Без праздников и выходных. Как впрягся, так и тащи «телегу». Деньги здесь называются «кронами». Кроны все ценят больше рублей. На них можно что-то купить. Рубли меняют на кроны только один раз и то только тридцать рублей. Зарплата неплохая, но денег вечно не хватает. Вот я один, и кормят ведь худо-бедно, но бесплатно, в офицерской столовой, а вот улетают кроны. Чёрт его знает куда. И купил-то пока только один будильник да спальный мешок со спортивным костюмом. Местные жители относятся здесь к нам хорошо. Шёл как-то по городу в парадке, словаки выражали восторг. Некоторые даже цупали блестящие голенища глаженных сапог, трогали погоны. А их солдаты даже отдавали честь! Да, что ещё интересно, у них тут туалеты платные! Представляете?! Служить трудно. Неприятности подстерегают на каждом углу. Повернешься вправо, а слева – на под дых. Ухватишь, казалось, быка за рога, а он тебя – копытом выше колен!.. Рота мне досталась трудная... Бывает, ставишь административно задачу, от которой и самого уже тошнит, и назревает конфликт. Но нужно вместо того, чтобы распсиховаться и дать волю эмоциям, снять эмоциональное напряжение с людей и мобилизовать их на выполнение задачи, чтобы твои идеи до них дошли как их собственные. Но пока это даётся трудно. Бывают срывы и конфликты. Действительно, это самая трудная работа с людьми в звене «рота», да еще, если это худшая рота!.. А в остальном, всё же хорошо в стране Советской жить!.. Особенно здесь, в Чехословакии, где трудящиеся имеют практически всё, что можно пожелать. Но при том и трудятся спозарани, да балду не пинают. От того-то, видно, и живут совершенно иначе. Да, есть чему поучиться! Никак коммунизм они здесь вперёд нас построят! Да! Настала пора перемен! Настала пора нового социализма. На основе «плюрализма мнений», «творчества масс» и «инициативы снизу»!..»*

Майер отложил письмо, услышав стук в дверь. Темнело. Было ещё не поздно. Но солнце нырнуло за сопку, и наступили сумерки. На пороге стоял Хашимов.

– Что, Майер, уже кайфуешь?

– Кайфую.

– А ты чё-то рановато кайфуешь. На отбой что, не пойдёшь?

– А идём лучше на пиво! Гражданка есть? – ответил вопросом на вопрос Альяр, проигнорировав обращение младшего по возрасту, званию и должности. – Буду знакомить вас с местными достопримечательностями. В городе-то уже были?

– Да, я тут в первый день уже поймал себе приключений на голову по полной!

Тем не менее Тимофеев, недолго раздумывая, полез в скрипучий шкаф искать «гражданку» для поиска новых запретных приключений. На пол выскочило из дверной петли тараканье семейство...

– Гадость какая!

– Бей гадов! – все жители комнаты как сумасшедшие подскочились давить тошнотворно-омерзительных несчастных насекомых в панике спасающихся бегством, от которых лейтенантам не было никакого спасу. Они водились в изобилии везде, и ничто на них не действовало. Вместо одних быстро заселялись новые и даже с ещё большим энтузиазмом! Страх за своё будущее у них не было никакого, да и совесть у них почему-то также отсут-

ствовала... Лишь страсть к репродукции в арифметической прогрессии и, как следствие, сокровенные тараканы «чемоданы» с пополнением!

\* \* \*

Товарищи топали по улице, наполненной вечерним теплом и свежестью. Дорога шла мимо красивых аккуратных домиков с черепичными крышами. И всё, всё в цветах! Такого в Союзе юные офицеры никогда не видели.

– Как здесь хорошо! Вот иду я по городу и фигею от красоты вокруг. И знаете что, мужики?! Влюбился я! – Майер посмотрел на товарищей с нотками грустного восхищения.

– В кого?

– В страну эту! Это как любовь с первого взгляда, – его грусть была вызвана, скорее, осознанием того, что «хороша Маша, да не наша!»

– Да, здесь красива. Магазины, шмотки, – Хашимов в подтверждение ткнул пальцем в свою модную куртку.

– Да не в вещах дело. Нет такой как у нас жестокости что ли, суеты, вечной погони за дефицитными вещами. Эти тихие маленькие домики среди елей мне нравятся больше, чем шашлычно-кооперативная гарь нашего Медео, где одна обдираловка и суета! Везде очереди и бардак. Здесь какие-то человеческие отношения между людьми. И никто ни к кому не цепляется.

– Просто словаки – соплежуи. У них даже бабу из-под носа уводят, а они не могут по морде дать. Ноют, как плаксы, да и только! На их «забавах»<sup>35</sup> даже драк нет! Потому что ссыкли они! Тихони!

– Это мне и нравится, что нет у них лишней агрессивности, согласен с Сашкой, – вставился Тимофеев, всё время до этого молчавший.

– Хм, – Хашимов лишь усмехнулся, – мож, вы и правы, у таких сопляков баб уводить можно без последствий! Ха! И мне это тоже начинает нравиться! Ха! Ха! Ха!

– Ну, ты! Вывернешь все вечно, всё о бабах беспокоишься!

– А я и не беспокоюсь совсем! Мужики здесь нэ мужики, чё беспокоиться-то тогда?! Ничего, вот куплю тачку, тогда посмотрим! Все бабы будут наши! Точно вам гаварю!

– Машину-у-у? А сколько она стоит?

– Ну, смотря что. Я хочу какую-нибудь не очень древнюю «Волжану». Тысяч дэсят крон, я думаю.

– Ну, тут уж зарплаты не хватит, до замены копить будешь! Или «прощай пиво»!

Альяр посмотрел на Майера из-под очков.

– Хочешь жить – умей крутиться! Слышал когда-нибудь? Кто тут на голую зарплату машины покупал?

– Как крутиться-то?

Хашимов достал пачку «Мальборо».

– Запалки маете? – обратился он к товарищам.

– Чё-ё?

– Спички есть? – пояснил он, усмехаясь. – Никогда местным не говорите «спички», говорите только так: «запалки».

– «Запалки!» Это на словацком так чудно!

– Точно. А за «спички», можно и на грубость нарваться!

– Чего так?

– Это созвучно их грубому местному ругательству!

---

<sup>35</sup> Забава – это, навряде, дискотеки.

– А-а-а!

– Ну, да ладно, «к нашим баранам»... собираюс я оформить сюда вызов родне. Для «вызванных» рубли мэняют в Союзе на бумажки, а здэс – бумажки на кроны. Количество бумажек завысит от количества оформленных при выезде месяцев. Рублики – то в Союзе на книжке уже накопились! Есть что менять! У вас вот также через годик-другой на сберкнижках в Союзе «рублёвая» часть оклада соберётся приличная, так что в будущем отпуске всё не пропивайте на радостях! А ещё можно из Союза телек там прытащить или фотоаппараты, загнать словакам. Да и ещё есть варианты... – Альяр загадочно замолчал, продолжая смотреть на юных товарищей из-под очков, набивая ценность своему опыту.

– Короче, когда куплю тачку, хочу съездить в «Низкие Татры». Словаки вон, как выходной, так в машину, а она здэс почти у каждого, и на отдых. По скалам лазят, в отелях пиво тянут. Отстроили сэбе дома-усадыбы, с гаражами, дачи, какие нам и во сне не привиделись.

– Кстати, я заметил, что их участки свободны от грядок, одни террасы, клумбы, скамейки, всё просто охренеть! У нас бы всё до забора запахали бы под грядки, в центре Алматы сейчас даже городские клумбы у домов в грядки превращают порой.

– И здесь я никогда не видел очередей!

– Откуда очереди-то? Смотрите, все спят давно, чудики! А кто нэ спит, тот пиво пьёт по кабакам. Правда, и встают рано, в патруле стоишь на вокзале, глядишь, полшестого утра, вдруг толпа набэжит, все куда-то едут, а через полчаса уже всё пусто. А потом после четырёх часов снова – аврал, толпы, только уже с работы! Пробежали, как наши тараканы по магазинам, а в шесть – снова тышина.

– Организованные, черти! Дисциплина! Вот бы наши в Союзе так!

– Андропов, тот хотел навести порядок!

– Помню, я как-то в отпуске попал в облаву в кинотеатре. Каждого проверяли, кто, что, откуда, почему не на работе! Во, палево было!..

– Окупанти сакра, говадо! – два прохожих мимо словака вдруг выругались в их адрес.

– Во, чёрт! Что это было? – Тимофеев опешил.

– Да это контрики нэдобитые с шестьдесят восьмого! – пояснил Хашимов и бросил вслед уходившим, злобно озиравшимся людям. – Пошли до пичи! Курвы!

– Тргни си ногу! – ответили те.

– Я те щас «дрыгну», контра, ногой промэж глаз! – Хашимов свирепел.

– Тише ты, не реагируй на провокации, ну их! – Майер хлопнул по плечу разъяренного Хашимова, чья «горячая кровь» начала уже бить фонтаном ярости.

– Ну их в «спички»! В гробу я их выдел! – Хашимов зло выругался, – и такие здесь, хоть и рэдко, но встречаются. Нэдобитки! Контра чёртова!

– Я встречал таких и у нас, в Забайкалье, – Тимофеев с грустью выдохнул, – это было на учениях во время стажировки, в летний зной. Кто бывал в этих краях знает. Сопки, холмы совершенно голые. Никаких деревьев. Так. Мелкая поросль. Трава. Редкие кусты. Песок. Ветер. Пересохшие русла некогда, сотни лет назад, судоходных рек. Вода в дефиците. Даже зимой там всё так же сухо. Снега почти нет. Он не удерживается. Уносится куда-то ветром вперемежку с песком. Странное чувство, когда в рожу летит морозная песчаная смесь. Бр-р-р-р-р... Так вот, в тот знойный июльский день, мой БМП остановился возле деревушки.

– Слушай, ты бреши да не забывайся! У тебя что, в знойный июльский день мороз с песком летел в рожу? – заржал Хашимов.

– Да не, это я о другом! Про мороз-то – это я зимой. А случай тот был летом! – сконфузился Тимофеев.

– Ладно, ладно, не оправдывайся! Валяй дальше!

– Ну, так вот, нам нужно было раздобыть воды для своей роты. Я сказал своим бойцам: «Давайте вдвоём дуйте вон к той избе с колодцем. Видите бабульку? Термос не забудьте!»

Я уже знал, что офицеров, в том числе и будущих офицеров-курсантов в этих краях недолюбливают. Дескать, они солдат дрючат, козлы там и всё такое... Но каково было моё удивление, когда я увидел возвращающихся назад рядовых бойцов с совершенно расстроенными лицами и пустым термосом!..

## **Прошлое** **Войсковая стажировка ЗАБВО<sup>36</sup>** **Июнь 1986 г**

– Представляете, товарищ курсант! Что она сказала нам! – боец выпучил по-детски обиженно губы.

– Я вам скорее яду дам, уходите отсюда, изверги! – зло процитировал второй. – Говорят, местные здесь – потомки семёновцев<sup>37</sup> или того, что от них осталось, после того как Советская власть их «причесала». Военных люто ненавидят!

## **Сентябрь 1987 г. Ружомберок**

Офицеры брели молча по словацкой улице, каждый по-своему переваривая всё случившееся и услышанное. Настроение было подгажено...

(Вот так. Так и плодится зло, пуская корни в века. Так люди, мстя за что – то сугубо своё личное, мхом поросшее, возвращают себе или своим потомкам бумерангом посеянные зёрна ненависти. Что ж, это закон «сохранения энергии», в том числе и такой вот, негативной! Может, и не прав был наш профессор, преподававший атеизм, утверждая, что христианское «непротивление злу насилием» противоречит здравому смыслу и компрометирует великую миссию Советской Армии – защиту своего Отечества от внешней агрессии иным, а именно насильственным способом! Вот именно, от внешней агрессии! Откуда же здесь эта ненависть к нам от людей, защищать которых мы собственно и призваны?! Ответа не было. Или когда солдаты-мотострелки, едущие домой, на вокзалах перешивали красные погоны на чёрные. Опасаясь, что попросту могут не доехать до дома! А!? Так вот оно что! Может, нас путают с внутренними войсками? – Так у тех погоны не красные, а малиновые. Разве это не видно? В училище мы курсантов внутренних войск называли «Рексами». Бог весть, как они называли нас. Но спустя несколько лет я многое понял. Понял и то, что «Рексы» по сути были такими же солдатами, какими были и мы. Что же о «чернопогонниках», то мы и им дали обидное название «мазуто», военных строителей величали «мабуто», моряков – «мореманами – вся жопа в ракушках», единственное, десантников, коих НВВПОУ также выпускало, уважительно величали «дэсантами», но и им вечно ревниво стремились «надрать задницу». А от гражданских доставалось всем военным. А от военных – гражданским. Кто был заинтересован нас разделять? Сеять зёрна вражды среди родов войск, среди людей вообще? Может, тот, кто хотел нас ослабить? Пока мы недолюбливали друг друга изнутри, нас ненавидели и готовили «культурное» и физическое истребление снаружи. Всех! И красных, и чёрных, и малиновых. Так что лучший тогда вариант для «увала» был – гулять в гражданке. Правда, вот это уже противоречило Уставу! И грозило для рядового гауптвахтой! Хотя большинство это требование нарушало. Ну, что, теперь ясно, что испытываем мы, проезжая по чехословацким дорогам, форсируя перевалы, проходя через деревни. И, встречая в 80 случаев из 100 приветствия и знаки высочайшего почтения! Но, видимо, как и в любой семье «не без уroda»!..

---

<sup>36</sup> Забайкальский военный округ

<sup>37</sup> Забайкальских белоказаков атамана Семёнова

Но всё же хорошо в стране Советской жить!.. Особенно здесь, в Чехословакии, где трудящиеся имеют практически всё, что можно пожелать. Но при том и трудятся спозарани. Да балду не пинают. Оттого, видно, и живут совершенно иначе. Да, есть здесь чему поучиться! Никак коммунизм они здесь вперёд построят! Да! Настала пора перемен! Настала пора нового социализма. На основе «плюрализма мнений», «творчества масс» и «инициативы снизу»!..)

## 1.16 (84.05.) Прошлое. Звездный час

### Май 1984 г. Новосибирское ВВПОУ. ГОК<sup>38</sup>

Наконец, в этот богом забытый край пришло оживление и благоухание. Правда, ещё не цветов, а людских душ, расцветающих изнутри. Когда перед взором лежит зеленеющий простор, залитый солнцем. Тот самый простор, который вчера ещё был чёрно-белой смесью грязи и снега. Сегодня – 28 мая. Два дня назад была снежная пурга, а теперь печёт солнце и появились неотступные спутники тепла – комары, перечёркивающие, на пару с клещами, все прелести приближающегося лета.

Курсанты сидели в клубе. Бурые старшекурсники – вальяжно развалившись, некоторые – «по-американски» задрав ноги на впереди стоящие ряды. На попытки своих сержантов проявить свою значимость те мало реагировали. Молодые же курсанты вели себя скромно, смиренно, зашоренно. Без конца озираясь на окрики своих злых «младших командиров».

– На сцену приглашается курсант Леонид Молчанов.

Все одобрительно погудели и затихли.

Молчанов поправил ремень, провёл ладонью по светлым волосам, приглаживая примятый фуражкой вихор на макушке.

– Памяти Героя Советского Союза гвардии лейтенанта Александра Демакова посвящается.

### Звёздный час

Недели, дни, закаты и восходы,  
Летят за годом год, за веком – век.  
Красивое поверье есть в народе,  
Что в миг, когда родился человек,  
От первого беспомощного плача  
Его ведет по жизни сквозь года,  
Неся ему надежду и удачу,  
Родившаяся вместе с ним звезда.  
Она его мечтой далекой греет,  
Когда идет он по путям земным,  
Она растёт с ним вместе и стареет,  
Грустит и радуется вместе с ним.  
В последний миг, когда он умирает  
И замирает сердце навсегда,  
На землю падает с небес, сгорая,  
И в пепел превращается звезда.  
Тот пепел свежий ветер разметает  
По свету, в суеде ночей и дней,  
Он по весне цветами расцветает,  
И памятью живет в сердцах людей.  
Ползет дорога в гору неуклонно,

---

<sup>38</sup> Гарнизонный офицерский клуб

Встает за косогором косогор.  
На марше, в авангарде батальона,  
Я был назначен в головной дозор.  
Вперед, пересекая перевалы,  
Мы шли, неумолимо к той черте,  
Где нас уже засада поджидала  
На небольшой скалистой высоте.  
Навстречу ветер бьет в лицо с разлету,  
Толкает, гимнастёрку теребя,  
А впереди – прицелы пулеметов  
Направлены – в тебя! В тебя! В тебя!  
Очередями бешено хлестнули,  
Как будто путь им кто-то вдруг открыл,  
Свинцовые, безжалостные пули,  
И вмиг перемешалась с кровью пыль.  
И я, выдавший смерть уже не раз,  
Сейчас взглянул бессильными глазами,  
Как басмачи расстреливают нас  
В упор, короткими очередями.  
Трещит в ответ оживший автомат,  
Навстречу басмачам летят гранаты,  
Но только вскоре из восьми ребят  
Осталось двое – лейтенант с солдатом.  
Я ранен и не сдерживаю стон,  
Но в этот миг за перевалом, сзади,  
Предупрежденный мною батальон  
Уже развернут в боевой порядок.  
Глухие взрывы, всполохи огня.  
Все тело боль пронизывает тупо,  
А в это время, позади меня,  
Вдруг появляется вторая группа.  
По связи, через тысячи помех,  
Готов рвануться крик: «Спасите, люди!»  
Но их всего пятнадцать человек —  
Нас не спасут, а лишь себя погубят.  
Язык во рту от сухости прилип,  
Но мысли бьют в висках предельно ясно:  
Хотелось крикнуть, а из горла – хрип:  
– Назад! Не подходите! Здесь опасно!  
Горячий автомат, и кровь в пыли,  
Горят незабинтованные раны.  
Они не поняли меня – пошли.  
Но не прошли – отбросили душманы.  
... Над головой смертельный град свинца.  
До главных сил бы только продержаться.  
Мы, двое, будем драться до конца.  
Мы не привыкли никому сдаваться.  
Мы будем драться, ненависть храня,  
И в страшный миг, у смерти на пороге,

Мы не сдадимся – этому меня  
В училище учили педагоги.  
Училище... Всего лишь год назад  
Ты было мне вторым родимым домом.  
Березы там в июле шелестят  
Под теплым ветром солнечными кронами.  
Идут занятия в мороз и зной.  
Перед глазами – снова строй курсантов...  
И вновь оркестр «Славянкою» родной  
В жизнь провожает новых лейтенантов.  
... Опять вокруг бьют пули по камням.  
Как страшно все – уму непостижимо:  
Минуты жизни измеряю я  
Горою автоматных магазинов.  
А солнце из заоблачных вершин  
Лучами бьет жестоко по наклонной.  
Но всхлипнул опустевший магазин,  
Патрон последний выбросив в патронник.  
Сухой шелчок и всё – патронов нет.  
И бесполезна тяжесть автомата,  
Как будто темной ночью светом фар  
Ты оказался вдруг к земле прижатым  
Вдвоем с бойцом. Но что ему сказать?  
Он в этот миг с надеждой и заботой  
Испуганно глядит в мои глаза:  
Он все еще надеется на что-то.  
– Дай мне гранату. – Мне она нужна.  
И отползай в укрытие по склону.  
(Ну, где же эта помощь, где она?  
Где основные силы батальона?)  
Граната – в левой. В правой – пистолет.  
Сковала тело страшная усталость.  
Гоню солдата прочь, а он в ответ:  
– Я не пойду. Я с Вами здесь останусь...  
Чудак, до разговоров ли сейчас!  
Вздыхаю, улыбаясь через силу:  
– Ползи в укрытье... Это мой приказ...  
Расскажешь нашим, как все это было...  
Отползшего бойца окутал дым,  
Укрыв надежно в скалах опаленных.  
Пушкой хоть он останется живым,  
Хотя бы он один из подчиненных.  
Стук сердца отзывается в камнях,  
И голова залита кровью темной.  
Не сдаваться! Побороть проклятый страх!  
Стрелять, пока не кончились патроны!  
Семь выстрелов – и все – патронов нет.  
Я, пулями врага к земле прижатый,  
Отбрасываю ненужный пистолет

И достаю последнюю гранату.  
В последний раз смотрю назад.  
В моих руках – шестьсот смертельных граммов.  
Я сделал выбор. И меня простят —  
Простят мои друзья, невеста, мама...  
Родная, как хочу я хоть на миг  
В твоё лицо последний раз взглядеться.  
Мой крик беззвучный, мой предсмертный крик,  
Лишь ты услышишь материнским сердцем.  
Уже враги бегут ко мне толпой,  
Бегут совсем открыто, не скрываясь,  
Я рву кольцо слабеющей рукой  
И жду: я их поближе подпускаю.  
Мой звездный миг, и я к нему готов.  
Склонилось небо, алое, как знамя,  
И в это время, разметав врагов,  
В руке у сердца, полыхнуло пламя...  
Туманы над рекою, словно дым,  
Кровавые закаты над горами.  
Я навсегда останусь молодым,  
Я буду жить в коротком слове «память».  
Я буду жить в ромашках придорожных,  
В листве берез, в журчащем ручейке,  
В молчанье обелисков осторожном,  
В жемчужине росинки на цветке.  
А в небесах, промчавшись яркой черточкой,  
За тихим полем, в темноте ночной  
В траву упала голубая звездочка  
И загорелась золотой звездой.  
Объята вечность тишиною звонкой,  
Тяжелой, напряженной тишиной,  
Склоняют низко головы потомки  
В молчании суровом надо мной.  
Над тихим полем, над озерной синью,  
Над трепетом березовых ветвей  
Склонилась в вечной скорби мать – Россия  
Пред памятью погибших сыновей.  
Роняя по утрам росинки-слезы,  
В торжественной и скорбной тишине  
Сияют в небе голубые звезды  
Над каждым из живущих на Земле.

*Автор Л. Молчанов. Апрель 1983 г. НВВПОУ*

Молчанов замолчал. Над залом висела печальная тишина. Все сидели молча минуту. Потом шквал аплодисментов наполнил всё вокруг. Курсанты аплодировали стоя, в приподнятом духе патриотизма.

\* \* \*

Леса, снега и водопады,  
Теней приятные прохлады,  
Дубравы, белизна берёзы,  
Росинки – утренние слёзы...  
Мы любим Русь свою родную,  
и не хотим страну другую.  
Здесь кровью полита земля,  
Костями удобрены поля.  
Мы все черты родные знали,  
мы эту землю защищали  
От злого натиска врагов,  
От вражьих каторжных оков.  
Мамая меч и Чингисхана  
На почве старого кургана  
Истлел как тысячи мечей  
Пришельцев злых и палачей  
Наполеона, Карла-шведа  
Недолго тешила победа.  
Пришёл и им конец сырой  
Полтавой, грозною Москвой.  
Фашизма смрад и самурая,  
И провокации Китая...  
Ты видел, как хлеба горят?  
Но отстоял их наш солдат!  
Который год в Афганистане  
Опять льёт кровь наш русский Ваня.  
Но сколько б крови не пролиться.  
А Штатам цели не добиться,  
Берёзы, русские леса,  
девчонки милые глаза,  
Родимый дом и голос мамы.  
За них дерёмся мы упрямо.  
И наших жизней всех значенья,  
Руси великие стремленья  
слились в могучем корне «Род»:  
Природа, родина, народ!

*Автор В. Земша. 1985 г.*

## 1.17 (87.03) Прошлое. Войсковая стажировка

### Март 1987 г. Владивосток ДальВО<sup>39</sup>

Дверь открылась, в камеру Владивостокской гауптвахты вошёл капитан в чёрной морской шинели.

– Капитан третьего ранга Ворошень, – произнёс он, протягивая документы и отобранный ранее ремень курсанту Майеру.

– Забирайте, товарищ курсант, и мы с вами не встречались... Вопросы есть? – многозначительно, строго, но по-доброму произнёс он.

Александр посмотрел в глаза капитану третьего ранга, излучавшему строгость и порядочность, затянул ремень вокруг стройного торса в тёмно-серой курсантской шинели, поправил хлястик.

– Спасибо, товарищ капитан третьего ранга, вопросов нет!

А про себя подумал: «Горбачев, тот каких-то так называемых политзаключенных стал освобождать с этого года, а этот вот – курсантов из пехоты!»

Про политзаключенных Майеру поведали с русской службы Би-Би-Си, которую с этого года уже не глушили!<sup>40</sup>

«Вообще, странный поступок, хотя и благородный! Побольше бы таких «капитанов третьего» и прочих рангов!» – раскидывал курсант мыслями, покидая эту морскую зарешеченную обитель, особо враждебную пехоте.

(Чёрт разберёт этих мореманов! Всё не как у людей. Они пехоту не любят мозгом костей своих! Для них поймать в патруле представителя сухопутных войск, в этом морском городе среди этих чёрных мареманов – дело чести и даже везения! Каждый пехотинец тут как бельмо на глазу. Ишь, как повезло, не каждый день в морские сети идёт золотая рыбка! А принимая во внимание, что до курсанта, отправившегося на стажировку и одевшего не положенные, но модные и офицерские кашне, и офицерские хромачи и т. д. и т. п., поводов докопаться за несоответствие формы одежды Уставу было хоть отбавляй. Кроме всего, в этом славном портовом «закрытом»<sup>41</sup> городе только одна центральная улица – Ленинская, которую не обойти, без встречи с караулившем свою добычу патрулём.

На дореволюционных зданиях можно было, в местах смываемой частыми здесь дождями побелки, видеть старое её название «Светланская».<sup>42</sup>

С одной стороны – залив, с другой – сопка, на которой, подобно ласточкиным гнёздам, стоят жилые дома, по вечерам своими огнями так напоминающие прибывающим кораблям Сан-Франциско! Так что деться-то особенно некуда. Видишь, стоит впереди патруль. Но как ни крути, а рано или поздно в эту сторону идти придётся – вопрос лишь времени. Да и «чужеземные» курсанты особо никуда далеко не дёргались по незнакомому городу, перемещаясь в основном по простому маршруту «вокзал – фуникулёр – вокзал». Идешь себе

<sup>39</sup> Дальневосточный военный округ

<sup>40</sup> Что, ж! Всё это – следствие исторического Январского Пленума ЦК КПСС, с которого фактически и началась политика горбачевской перестройки как демократизации общественно-политической жизни в СССР! Дискредитировалась отечественная пропаганда, но открывался безраздельно клапан канала западной пропаганды, призванной взорвать не только «старорежимные» советские устои и порядки, но и гораздо большее...

<sup>41</sup> В советские времена город считался «закрытым». Это означало, что для въезда в него необходимо было иметь специальное разрешение.

<sup>42</sup> Носившая сие имя с 1873 года – дабы увековечить известный фрегат «Светлана», на котором тогда посетил Владивосток Великий князь Алексей Александрович.

мимо морского патруля, как мышь мимо удава, а вдруг пронесёт!.. В этот раз не пронесло. Но слава богу, мир не без добрых людей! Недолго мучился в камере гауптвахты при комендатуре, да ещё и ни какой бумажной «сопроводилочки», никакого рапорта в училище! Спасибо капитану 3-го ранга! А может, он – переодетый пехотный «Штирлиц», запущенный в ихнее «маремановское гестапо», дабы освободить своих тайных «братьев по крови» и поганам? А? Слава богу, что рапорт не пошёл в училище! Ведь в училище, обычно, никто особо не вникал, за что кто задержан. Был один неизменный принцип: «Главное – не попадайся!» Это дело чести. Попался – опозорил не только себя, но и, что гораздо важнее, – осрамил честь своего подразделения, своего Училища. А за это – нет прощения, пока не смоешь потом в бесконечной веренице нарядов через день в течение месяца, не меньше!

Александр, не веря своему внезапному счастью, направился к выходу, застёгивая ремень. В коридоре гауптвахты по радио был слышен голос Горбачёва. Тот рассуждал о своём предложении полностью ликвидировать советские и американские ракеты средней дальности в Европе.

– Неплохо! Миру – мир, войны не будет! – усмехнулся Майер.

Курсант устремился на вокзал, где ночью должен был проходить его поезд и где был определён сбор для остальных стажёров, распущенных утром по городу. Сумерки опустились уже давно. Старые строения вокзала тускло освещались фонарями. Было почти пустынно.

– Плов из кукумарии<sup>43</sup>, – прочитал курсант надпись на окне давно закрытого кафетерия. В желудке урчало.

– Вот бы сейчас зарубать этот странный плов из какой-то там Куку-Марии! Или там кого ещё! Что за хрень такая?

Городской общепит пестрил диковинными для Майера названиями: «крабовое мясо, селёдка олюторская<sup>44</sup> копченая, икра ёжиков, кальмары сушёные, корюшка и многие-многие прочие морские диковинки, о которых «сибирский алмаатинец» Александр и не слышал никогда! «Ленинская» уперлась в другую революционную улицу имени «Двадцать пятого октября». Курсант свернул, приближаясь к вокзалу. Со стороны бухты «Золотой рог» дул холодный ветер, пробираясь промозглым холодом сквозь тонкую курсантскую шинель...

– Помогите! – вдруг раздался отчаянный девичий голос. Александр оглянулся в сторону, откуда, как ему казалось, этот крик доносился. Он увидел, как стройная фигурка девушки мелькнула в вокзальной лепной арке, за ней тенями двигались две фигуры в спортивных «петушках» на головах и в синюшных, с белыми кляксами штанах, напоминающих джинсы. Которые продавали некоторые из появившихся недавно, как подснежники после долгой зимы, многочисленных кооператоров<sup>45</sup>.

Эти типы, как и вообще многие советские граждане, были одеты словно братья-близнецы. На ногах красовались также одинаковые кроссовки, купленные явно у фарцовщиков (спекулянтов), которыми был наводнён сей портовый город. Вдоль бордюра дороги с погашенными фарами стоял жёлтый милицейский УАЗик.

– Помогите! – девушка отчаянно рванула дверцу на себя.

– Чего тебе? – недоуменно уставилось на неё прыщавое лицо в милицейской фуражке.

<sup>43</sup> морской огурец

<sup>44</sup> Олюторская сельдь – визитная карточка Дальнего Востока. Название произошло от места промысла, а точнее Олюторского залива, в котором рыбаки успешно добывали эту большую весом до 800–900 грамм селедку. Ее внешний вид и особые вкусовые качества привели к тому, что сформировался даже своеобразный «народный» бренд.

<sup>45</sup> Спасибо февральскому постановлению Совета Министров СССР «О создании кооперативов по производству товаров народного потребления»!

– Помогите! – повторила девушка, судорожно показывая на двигавшиеся за ней тени, которые теперь сбавили ход и любопытно, но без явного испуга наблюдали за происходящим из-под арки.

– Иди себе домой, не мешай, – ответил второй мент, вылезая наружу.

– Помогите, они ко мне пристают! – настаивала девушка.

– С чего ты это взяла?! Может, они просто хотят с тобой познакомиться! – рассудительно заявил прыщавый.

Девушка в недоумении и отчаянии тихо заплакала.

– Нет! Но я не хочу! Они ко мне пристают! Умоляю, помогите, вы же милиция!!!

– Послушай сюда, девица, тебя ограбили, изнасиловали? Что? Едем в участок заявление писать?

– Нет.

– Нет! Так вот, если что-то случится, тогда и обращайся. Заберём в участок, посидишь там до утра, свободный номер в обезьяннике найдётся. Там тебе будут ну очень рады! Напишешь заявление, а пока на нет и суда нет! Нам тут некогда с тобой нянчиться! – милиционер захлопнул дверь и кинул напарнику:

– Вот шалавы! Шляются тут по вокзалам, спасу нет! Они мужиков соблазняют, а мы спасай их тут ещё! Сиди себе дома и не рыпайся. Сучка не захочет, кобель не вскочет! – и, выпустив облако гари, УАЗик чинно покотился прочь...

– Ну чё ты бегаешь!? – морда из-под «петушка», которой явно жали щёки на подбородок, нагло выпятилась вперёд.

– От нас не убежишь! Всё равно сюда, на вокзал, к поезду вернёшься! Ну, куда ты денешься с подводной лодки-то?

Девушка изо всех сил рванулась вперёд. Но другой «петушок», внезапно выскочивший из-за угла сбоку, схватил её за волосы. Мимо, стараясь не глядеть в их сторону, стыдливо всунув голову в плечи, пробыстрил некий мужичонка...

– Чё уставился, пи...й мимо! Это – наша шалава, – выкрикнул тот, которому жали щёки, в сторону Александра, решительно двигавшегося им наперерез.

Александр шёл молча, оценивая обстановку. Рассматривая пристально девушку, словно пытаясь примерить к ней только что брошенное ругательство на предмет соответствия. Но как бы там ни было, она восклицала о помощи...

Резким прямым ударом в челюсть своим недюжинным кулаком, Александр вырубил щекастого, загнав назад в пасть едва не вырвавшееся очередное ругательство. Ткнувшись в стену спиной, тот несколько мгновений дрейфовал. Второй, выпустив девушку, сунул руку в карман. Блеснул нож... Разворачивавшемуся для очередного удара Александру нож двигался прямо в бок со спины. Девушка, до этого мгновения обмякшая в руках налётчика, истерично размахивая руками, обрушилась на голову «петушка», молотя и царапая все подряд, что только могло подпасть под её руку, практически зажмурившись. Слишком смело! Но это и спасло Александра. Руки подонка машинально дёрнулись вверх. Девушка вскрикнула отпрянув: по руке её побежала алая струйка крови. В тот же миг, Александр перехватил руку с ножом у запястья, другая его ладонь машинально поймала локоть «петушка», резкий рывок, и последний катался по асфальту с вывернутой рукой, жалостливо вопя и матерясь. Нож валялся рядом на снегу, отражая грустный фонарный свет...

Александр сперва услышал топот, а после увидел, что в их сторону бежали уже на помощь его однокашники, пришедшие на вокзал для сбора к назначенному времени, поблескивая бляхами на раскручиваемых в руках ремнях...

*(Да, получить медной бляхой по рожке – малоприятная перспектива! Но для подонка – сам «доктор прописал»! Верно говорят: «Если по тёмной улице будет идти военный, перейди на его сторону. Так безопасней!». Страшный этот портовый город! Ограбят,*

*побьют, изнасилуют, а будешь рыпаться – зарежут, сбросят с крыши и как зовут не спросят. Менты не вмешиваются: нечего шляться где попало! Сам виноват или сама шалава такая, раз изнасиловали. Так проще усыплять собственную совесть, причём не только ментам, но и педагогам, и власти. Например, если девочку-студентку кто изнасилует и та пожалуется, её же после и отчислят за «аморальное поведение». И все от неё отвернутся. Все скажут: «Сама виновата!», «Сучка не захочет, кобель не вскочит!», насильников оправдают, и последние сживут со свету бедную девочку, скинут с крыши либо так «отхороводят», что ей больше жаловаться и в страшном сне не захочется! Уроды моральные! Что скажешь про таких ещё. Стрелять надо без суда! Только вот кто должен их стрелять и кого именно?! В этом то и суть вопроса. Кто возьмёт на себя роль бога и в руки топор палача? По какому праву и по каким критериям? Да и в бога мы, атеисты, не верим, а вот в Советскую Власть, всё ещё так и не достигшую всех уголков «необъятной», просто обязаны верить и давить всех этих гадов с большевистским энтузиазмом!..)*

– Давай перевяжу, – Майер разодрал свой платок, – меня зовут Александр, – он вопрошительно, ожидая услышать имя спасённой им незнакомки в ответ, посмотрел прямо в бездонную синеву её глаз.

– Люба, – девушка опустила глаза, – спасибо вам! – стыдясь за то, что с ней едва не случилось, произнесла девушка.

*(Всем ведь известно, к порядочным не цепляются, порядочные, дескать, по улицам в темноте да по вокзалам одни не шляются...)*

– Это Вам спасибо! – улыбнулся широко Александр, – шинель бы мне попортили точно, если бы не Вы!

– Шутите!.. – девушка подняла на Александра свои всё ещё мокрые опухшие от слёз и отчаяния глаза и замолчала, отведя вдруг застекленевший взгляд в темное окно, где ничего не было видно, кроме тусклого отражения сидящих в зале ожидания...

## 1.18 (87.09.20) Обычный воскресный денек

### Сентябрь 1987 г. Ружомберок Плац

Утро. Воскресенье. «Воскресенье для солдата, что для лошади свадьба», – гласит известная солдатская присказка. Весь личный состав полка, включая и офицерский был выстроен, в воскресный день, по обыкновению, на плацу. Полк, уже употребивший «воскресную пайку» на завтрак, построен чуть позже обычного. Офицеры ротного звена оглядываются строго на своих солдат, некоторые приводят «в чувство» «распоясавшихся», покрикивают. Командир полка важно прогуливается возле штаба, кидает суровые косяки по сторонам. Суется офицеры управления. Это называется «армейский выходной»... Наконец раздалась команда.

– По-о-olk! Станови-и-ись! – протяжно завыл на весь плац начштаба, педантичный майор Карпов.

Полк застыл «смирно». Полкач по-царски, вразвалочку медленно приближается к трибуне, а навстречу ему уже летит маршем, долбя асфальт, начальник штаба, несет ему свою майорскую «честь», как бы придерживаемую ладонью у правого виска.

– Во-ольно! – полкач небрежно махнул рукой у козырька фуражки.

– Во-ольно! – зычно вторил ему майор Карпов, развернувшись лицом к полку.

Его рука лихо выписала в воздухе кривую от виска к ноге.

Вскоре офицеры отделились от солдатской массы и выстроились шеренгами возле трибуны. Полкач раздавал «ЦУ»<sup>46</sup>. Некоторые задачи, казалось, и за неделю не исполнить, однако многие сроки, как и полагается в армии, были назначены к утру следующего дня, т. е. к понедельнику! После прохождения маршем мимо трибуны с принимающим «воскресный парад» командиром полка со свитой выслуживающихся перед ним офицеров управления, подразделения разошлись по казармам.

### Седьмая рота

– Комиссар! – Сидоренко прищурился в сторону Тимофеева. – Давай, строй роту в расположении! Работёнки сегодня хватит! – он бухнул на стол длиннющий список задач, как полученных от полкача и комбата, так и, ещё больше, своих собственных:

\* Переоборудовать курилку на улице.

\* Побелить бордюры и деревья вокруг казармы.

\* Подстричь траву на газонах.

\* Обновить наглядную агитацию последними новостями от Партии, Правительства и Минобороны.

\* Покрасить щит «Край, в котором ты служишь».

\* Тюль, флаги сдать в КБО.

\* Достать: гвозди, латекс, охру, гуашь.

\* Сделать стул (мой).

\* Проверить матбазу для занятий по боевой подготовке, ротные журналы.

\* Подшить новые газеты.

\* Зашить сапоги.

---

<sup>46</sup> Ценные указания и задачи

\* Провести смотр вещмешков, маркировку сбруи.

\* Проверить содержание тумбочек на предмет отсутствия «посторонних» предметов и наличия «рыльно-мыльных» принадлежностей.

\* Провести смотр повседневной формы на предмет соответствия уставу, наличия ниток-иглолок в пилотках и т. д.

\* Соответствие стрижек уставу и т. п.

Но сперва всё же необходимо было ещё провести воскресное спортивное состязание по бегу, а в завершение этого славного выходного, пряник – посещение полкового клуба, где должны были прокрутить какой-то старый фильм. Но содержание фильма в армии – это дело второстепенное. Главное – возможность на час уйти в иной мир, словно перенестись из этой опостылевшей армейской действительности!

– Давай, комиссар! Контролируй всё!

Но, не забывай, как там кто-то из классиков сказал, «подчинённые делаются небрежными, если их приучать к мелочной опеке, нужно давать им больше разумной свободы для инициативы!» Ладно. Будут проблемы – вызывай!

– Товарищ капитан, по-моему, очень большой перегруз. Я обещал бойцам сегодня немного свободного времени дать. Они просто отдохнуть хотят. Некоторым обещал в город сводить. Выходной всё же! Тут уж не до инициатив...

– Тимофеев! Ты смотрел мультик про крокодила Гену? – ротный, улыбнувшись, наполнил канцелярию своим густым баритоном.

– Ну да, – обескуражено ответил лейтенант.

– Помнишь, что там пела старуха Шапокляк? – он положил руку ему на плечо.

– Ну, так, а что? К чему это?

– А то, что «кто людям помогает, тот тратит время зря! Хорошими делами прославиться нельзя!» Ты меньше об этом думай. Про их отдых там и тому подобное. Солдат должен быть загружен по самое «не могу». И всё свободное время, какое ему дашь, он использует себе, да и тебе же, лейтенант, на вред! Запомни, «куда солдата не целуй, у него везде задница!» Чем больше солдата загружать работой, тем больше он будет тебя уважать и меньше у него будет времени на неуставную! Посмотришь ещё! Помянёшь мои слова!

Тимофеев молчал, полный несогласия с утверждениями капитана.

– Тимофеев, ну подумай, если освободить людей от труда, то что они станут делать?

– Думаю, люди смогут заниматься творчеством. Я вообще читал где-то, что в будущем работать не нужно будет, что изобретут какой-то аппарат, который позволит создавать что угодно при наличии сырья и информационной «матрицы». Люди смогут развлекаться, заниматься искусством, учиться.

– Это не при коммунизме ли, комиссар? – капитан рассмеялся. – Искусство, наука, творчество! Это всё не для каждого! Тот, кто рождён крутить гайку, не станет философом. Забери у него каторжную работу, которую он, в общем-то, ненавидит, и он превратится в бездельника. А безделье, комиссар, это страшная вещь! Тем более, здесь, в армии. Запомни, солдат – это такой субчик, что каждую минуту своего безделья он потратит на то, что бы придумать какую-то гадость. Самоволка, водка, неуставная, кража и т. п.

Тимофеев почесал репу:

– Я вас понял, товарищ старший лейтенант!

– Ну, так вот и молодец! Давай, занимайся подразделением!

И Тимофеев занялся...

*(Служба с первых дней показалась Тимофееву чрезвычайно интересной. Энергия его переполняла. Хотя ему было нелегко, некоторые солдаты были даже старше его, двадцатилетнего, на год-два. В своей работе он, очевидно, отчасти копировал своих училищных офицеров. Пытался всё взять наскоком, практически не проявляя гибкости. В столовой*

*замерял нормы солдатского довольствия, требуя от дежурного по столовой выдать всё в полном объёме, делал «шмоны» в расположении, изымал спиртное из солдатских заначек и заначек ротного старшины, которые тот иногда позволял приближённым бойцам в своей «священной обители» – каптёрке. Требовал соблюдения формы одежды каждым. Дневального, сошедшего с «тумбочки» или нарушившего другим способом правила несения службы, снимал с наряда. Считал, что любой его приказ должен быть исполнен беспрекословно, точно и в срок любым бойцом: и «старым», и «молодым», и узбеком, и русским. Молодой, ещё не «обстрелянный» офицер, видел перед собой только одну абсолютно объективную истину, отражающую образ, суть и правила настоящего советского военнослужащего, не зная ни ограничений, ни исключений. Словом, поступал так, как привык к тому в училище. Любил новшества. Усатый ротный поддерживал его в последнем и слегка раздражался, когда текущая «воспитательная работа» молодого «дикорастущего» офицера срывала его собственные планы по организации и проведению мероприятий по боевой и политической подготовке. Короче, очень скоро лейтенант Тимофеев был признан не только хорошим замполитом лучшей роты в полку, но и вообще лучшим среди замполитов рот полка.)*

## 1.19 (84.09.) Прошрое. Сампо

### Сентябрь 1984 г Учебный корпус

– Групп-п-па! Вольно! Садись! – замок так же сел, положил полевую сумку на стол и добавил, – товарищи курсанты, к самоподготовке приступить! Кому нужно в библиотеку, подходите к сержанту Иванову.

– Групп-п-п-а! Встать! Сми-р-но! – вдруг крикнул сержант, увидев входящего в класс препода по ППР.<sup>47</sup>

– Товарищи курсанты, для вас, как политработников, моя дисциплина является основной. Чтобы я тут ничего другого сегодня у вас не видел! Понято?

– Так точно, товарищ полковник!

Тимофеев, наконец, закончив с конспектами по ППР, вырвал лист для письма:

«...учусь, в целом, не плохо, но по огневой получил двойку. Это потому, что прицелы на тактике посбили. Автоматы вышли не пристрелянными. Всё наше отделение цели не поразило. Одни стреляют над мишенями, пули идут в землю. Другие – наоборот – стреляют в землю, пули – над мишенью. А у меня вообще своего автомата нет. Потому, что у меня гранатомёт. Каждый раз беру чужой. И нахожусь каждый раз в зависимости от прицельного устройства.

На тактике учили нас делать правильно маскировку. Мы сперва БТРы ветками завалили, как в кино. А препода нам навялял сперва, а потом объяснил, что это только в кино так маскируют дилетанты. Это вблизи тебе кажется, что ты замаскировался. А на расстоянии и сверху – отличная мишень в виде зелёной ярко очерченной кучи! А правильно маскировать нужно так, – ветки втыкаются на расстоянии около метра одна от другой, на большей площади. Вблизи вроде всё немного просвечивается, зато издалека не видно. Обычная роща и всё. Но если вокруг нет таких рощ, то маскировать под рощу – себе же дороже будет. Противник всё поймёт. Нужно маскироваться под условия местности, как хамелеон делает. А сверху – сетку нужно растянуть так, чтобы это было похоже больше на пологий холм, того же цвета, что и всё вокруг. А мы до этого просто накинули сетку и всё! Кажется тебе, с двух метров, что замаскировались.

А ещё у нас была обкатка танками во всех положениях. И псих-полосы городского типа: лабиринты, канализация, развалины и полевого типа: китайские галереи, дзот с ямой и фанерой, бьющей сверху, когда туда залезаешь. Ещё отрабатывали наступление с боевой стрельбой, от гранатомёта весь день в ушах после стрельб звенело. А в остальном, в полях сейчас всё как в лагере. До обеда трудишься, после обеда – спишь. Ещё бы не мошка!..»

– Та-а-а-к! Шаталов! Встать! Товарищи курсанты, увижу, кто ещё будет спать, имейте ввиду, мне тут нужны фамилии для трудового воспитания! Одна фамилия уже имеется! Ещё три нужно, так что старайтесь! – замо́к, сам, едва было, задремав, потёр красное лицо и скомандовал.

– Групп-п-па! Встать! Сесть! Встать! Комплекс вольных упражнений...

Кровь, разогнавшись по венам, слегка взбодрила всех.

Тимофеев только усмехнулся, ему уже довелось накануне пройти такой «воспитательный курс трудотерапии», куда бы с огромным удовольствием бы попал любой второкурсник. И он продолжил письмо.

---

<sup>47</sup> Партполитработе

«...Наши курсанты, то есть мы, помогают местным СМУ, заводам, даже метро строили! Гражданские, видите ли, взяли «соцобязательства», а военные выполняй в выходные дни, когда гражданские балдеют! А ещё как-то у нас тут была «трудотерапия» в местном экспериментальном хоз-ве. Горы овса. Вот мы его ворочали то на какой-то конвейер, то в какие-то фантастические агрегаты. Один вообще гудел как самолёт, сушилка, вроде. Ну, там нам самим понравилось работать! Накормили нас там гражданские на высшем уровне. Сметана, борщ, молоко. И т. д. Наболтались со студентками. Студенты, увидев нас, сразу как-то «самоликвидировались». Смешно даже! Насмотрелись мы, как руководство в колхозе мечется с работягами. Уговаривает их, те матом на них. Даже не верится, что на начальника можно так вот орать! Эх, не жалею я ни на миг, что поступил в ВУ! На гражданке – бардак! На гражданке – жуть. Да и люди хилые, слабые. Студенты, работяги. Гнилые какие-то, сопляки. Наш замок говорит, что нас с ними и близко не сравнить. Когда наш курс заступает работать, все очень довольны. Это заметно. А мы халтурить не привыкли. Всё делаем быстро, слаженно и качественно! Особенно когда к нам добром и кормят по-человечески!..

Отдельная история – с «шишками». Когда приезжает «шишка», его водят везде, показывают то, чего мы никогда не видели даже. Неужели он не видит, что это всё перед его приездом сделали? Что до его приезда здесь ничего не было! – Если краска свежа, к примеру, значит, ещё вчера здесь было всё ободрано. А особая чистота и новый блеск тренажёров и аппаратуры говорит лишь о их «неприкосновенности» для курсанта. Неужели это сложно понимать, будучи проверяющим? – Если случится мне, когда-нибудь стать «шишкой», я поступлю иначе, я не похвалю, а вздую за это!..»

– Товарищ сержант! Что за богадельню Вы тут развели? Сонное царство! – в аудиторию вошёл препод по тактике.

Замок подскочил, выпучив сонные глаза, зло зыркнул в сторону отрывающихся от парт курсантских голов.

– Групп-п-п-а сми-р-р-но!

– Всё убрать к чёртовой матери! ППР! Посидели потрындели разошлись! Тактика – основа всего! Что бы кроме тактики я ничего тут не видел! И не спать!..

Однако, через примерно полчаса в аудиторию вошёл командир роты, и вскоре вся рота уже шагала по плацу. Что ж, начиналась очередная парадная подготовка к параду в ознаменование годовщины Великого Октября. Особая дата для училища, названного в его честь! Курсантские шеренги одна за другой тупо стучали подошвами сапог по растрескавшемуся асфальту плаца, гремя подковами... Что ж, не зря занятия на плацу именовали «хождение по мукам»...

Наконец, день сгорел. Роты топали на «вечерней прогулке».

– Рота, запе-вай!

Звонкие голоса запевал, пробирая до глубины души, затанули, Рота дружно подхватила:

«Степь изможденная пеплом черна.  
Ночь и зловещая ждет тишина.  
Там, за курганом, где день догорал,  
Чьим-то мечом я, пронзенный, лежал.  
Ворон седой не клевал мне глаза,  
Ветру ночному беду рассказал,  
Ветер проститься со мной прилетел,  
Скорбную песню печально запел.  
Пел он о том, что в далекой дали  
Волны русские в землю легли,

В битве кровавой последней своей  
Жен защитили и малых детей.  
Пел он и плакал: «Спи крепко, браток.  
Я, как и ты, на земле одинок.  
Песни мои никому не нужны —  
Все в них напевы чужой стороны.  
Спи и прощай. Много дел у меня.  
Я навсегда свой покой разменял.  
Нет мне судьбы, но до смерти молю  
Господа Бога да матушку Русь.»  
Степь изможденная пеплом черна.  
Ночь и зловещая ждет тишина.  
Там, за курганом, где день догорал,  
Чьим-то мечом я, пронзенный, лежал».

*Русская народная*

## 1.20 (87.09.23) «Кружка чая»

### Сентябрь 1987 г. Ружомберок

Однажды Альяр, изрядно уставший, едва переступив порог КПШ по направлению к общаге, столкнулся лицом к лицу, или точнее сказать лицом к спине, с юной женщиной, катящей перед собой коляску. Ребёнок хватал руками за спицы колёс, а мама бесконца наклонялась, отрывая маленькие пальчики ребёнка от металлических прутьев. При этом её мини-юбка задиралась так, что у Альяра пробежали мурашки по всему телу, увеличивая его размеры в неприличном месте, что сковывало его дальнейшее непринуждённое движение. Он сбавил ход.

– Привет! Что, у кого-то тут шаловливые ручки? Настоящий мужчина растёт!? – он улыбнулся поравнявшись.

– Салют! – приветливо улыбнулась женщина... – А можете занести коляску в подъезд? – спросила она.

– С удовольствием! – радостно отозвался Альяр...

\* \* \*

С тех пор они уже часто узнавали друг друга на улице. Здоровались. Как-то раз Альяр, снова увидев гуляющую с ребёнком маму, сам вызвался занести коляску.

– Заходите, налью чая. О вас ведь, о холостяках, некому позаботиться! – предложила задорным голосом, в ответ на услугу, юная женщина, было бы вернее сказать – девушка, а ещё точнее – девятнадцатилетняя девчонка!

– С удовольствием! – облизнулся Альяр.

– Только не обольщайтесь, это будет действительно только чай! – она мило, с ехидцей в голосе, улыбнулась, подняв вверх указательный палец.

– А мы и не обольщаемся. Мы обольщаем! – отшутился Альяр. На что девушка звонко рассмеялась, тем самым дав ещё больше аргументов молодому человеку в надежде на «благополучный» исход дела!

В тот вечер они засиделись до неприличия поздно, увлечённо паясь в телевизионный ящик, где шла только что новорождённая программа «Взгляд». Вещал Владислав Листьев... Правда свой взгляд Альяр чаще переводил на Ирину. Её плотно облегающие джинсы, образующие притягательный просвет между стройных обворожительных ножек, не дающих ему покоя. Порой он просто не мог без конфуза подняться с кресла. От того то он практически и не поднимался...

После этого, он стал время от времени навещать в эту квартиру, имея условный стук в дверь: «два длинных, два коротких». В те дни, когда он точно знал, что её муж где-нибудь в наряде или в полях, ему приятно было повеселить эту девчонку своими шутками и анекдотами, которыми была набита его голова так плотно, как пчёлами улей. Он был остроумен и обаятелен. И всё же это была лишь, хоть и законспирированная, но дружба. При всех стараниях Альяра, так и не перераставшая в нечто большее. Каким бы «плодом» не казался доступным, всё же он всё ещё оставался недоступен для жадных Хашимовских зубов.

«Ничего, нет такой женщины, которую нельзя завалить на лопатки, это всего лишь вопрос времени», – думал он, охотно играя роль «просто друга».

Ведь эта «простая дружба» была с одной оговоркой, что была она между мужчиной и женщиной, а значит, наполненная обоюдно флюидами, в той или иной мере, осознанно или

на уровне подсознания. Что, кто-то всё ещё верит в возможность такой вот чистой и светлой дружбы?.. А что, у вас есть основания не верить?..

## 1.21 (84.10.) Прошлое. Зарядка

### Октябрь 84 г. Новосибирское ВВПОУ 20 рота

Ночь. Погашен свет, только горит дежурное освещение. Каждый лежит и «плавает» в своём. В мечтах, грёзах, воспоминаниях о доме, о безвозмездно канувших в бездну днях детства, беззаботности, свободы. Ночь. Отбой! Какое приятное сердцу слово! Ты предоставлен сам себе. Окунаешься в другой мир, волшебный мир грёз и сновидений!..

– 201-я группа подъём! Строиться в две шеренги в расположении! – неожиданный крик старшины сотряс казарму.

«Что это? Казалось, только сомкнули веки!..»

Старшина вывел на середину строя понуренного курсанта.

– Товарищи курсанты! Я же предупреждал, по проходу 1 час после отбоя никто не ходит!..

И тут понеслось и поехало.

– Сынки! У вас ещё мамкины пирожки из попы не вышли!..

И так 2–3 часа. Подобное случалось часто. И уже на следующий день курсант Максим Шаталов – темнокожий хохол, получив посылку из дома, взялся ночью жевать в одиночку щербет под одеялом... Последствия были в точности те же. Но, на этот раз, пока Макс, как его звали в народе, давился, поедая килограмм щербета, рота, давясь слюной и ненавистью к Максиму, матерясь, отжималась от пола.

Ночь. Погашен свет, только горит дежурное освещение.

Борется со сном дневальный «на тумбочке». Без задних ног сопит измученная рота...

И вот – очередное холодное осеннее сибирское утро.

– Рота подъём! – чёрные окна, раскиданное бельё, резкий свет в глаза, топот, вопль дежурного по роте отзывается эхом в воплях дневальных.

– Подъём!.. Подъём!.. Подъём!.. – им вторят замкомвзвода и командиры отделений. – Первый взвод подъём!.. Третий взвод подъём!.. Первое отделение подъём! Второе отделение подъём!.. Подъём... подъём... подъём!.. – расположение роты превращается в разрывающий уши ад! Какое противное слово этот «подъём». Спящий мозг тщетно пытается сориентироваться в пространстве, руки судорожно хватают портянки, сапоги, сердце выпрыгивает куда-то, словно спешит за сорок пять секунд<sup>48</sup> встать в строй вперёд тела, во избежание наказания.

– Строиться на зарядку форма одежды голый торс! – холодный воздух покрывал гусиной кожей тела. Сквозь туман, мглу и морось пробивались лучи фонарей.

– Бегом-м-м... – м-м-марш! – огромные роты, ритмично стуча сапогами, исчезали в темноте близлежащего леса... Бесконечный топот сапог, паром дышащие лёгкие, скользкий снег на погружённой во мрак дороге. Лес, замёрзшие хрустящие лужи под сапогами, бугры, спотыкания, шум падений, ледяной звон, ругань, крики, немое молчание. Остановка, перестроевание, противная команда «упор лёжа принять», тающий под ещё тёплыми ладонями снег, мокрый озноб, чужие сапоги перед носом, команды. Мокрые ледяные холодные руки, снова скользкая бугристая от траков БМП звенящая обледенелая дорога...

---

<sup>48</sup> Кто-то даже принялся оспаривать легитимность такого скоростного подъёма. И уже к концу второго курса этот норматив был официально увеличен до одной минуты, к величайшей радости курсантов! При том, что для отбоя так и оставалось сорок пять секунд.

– Стоп! Садись! – треск штанов в голених, волокущиеся сапоги, ноющие икры, голени, руки, цепляющиеся за снег, – и снова хруст и треск льда, снега, мелькание сапог... И снова – стоп!

– Вспышка слева! – неожиданно заорал старшина.

Рота кинулась врассыпную, попадала на землю.

Мягкий под грудью снег, забивающийся в рукава, покрасневшие, опухшие от мороза руки, ползущие по снегу тела... Снова скользкая бугристая дорога, стук сапог...

– Ро-о-та-а стой! Первая, третья, пятая и так далее шеренги!.. Садись!..

Далее, стоящие шеренги садились на плечи сидящим, и рота, укоротившаяся в 2 раза в длину, огромными силуэтами великанов, проступающих сквозь рассветную мглу, двинулась вглубь леса. Главное было не оступиться, ведь в темноте приходилось двигаться почти наощупь.

Бегали в темноте, по лесу, грязи, лужам, льду. Оббегать грязь и лужи, нарушая равнение строго категорически запрещалось. Сержанты гнали пинками отстающих, наказывали из-за одного целую учебную группу.

Как-то зябким сибирским утром, уже почти в конце зарядки, рота, дыша паром, не выполнила команду старшины: «бегом марш», а побрела шагом. Тут же последовала новая команда.

– Рота-а-а-а-а! бего-о-о-о-ом-м ... м-марш!

Рота по-прежнему брела шагом. Лицо старшины побагровело, зам ком взводá и командиры отделений, окрысившись, пытались заставить бежать своих подчинённых, но рота по-прежнему шла шагом.

Старшина не дрогнувшим голосом снова подал команду.

– Рота-а-а-а-а-а! Стой!

Рота послушно замерла.

– Первая шеренга! Выйти из строя! – первая шеренга покорно отошла в сторону.

– Рота-а-а-а-а! Бего-о-ом-м м-марш! – но рота снова двинулась угрюмо шагом, выражая внутренний молчаливый мятежный восторг коллективного единодушия.

– Рота-а-а-а! Стой! – продолжал невозмутимо старшина. Его голос только на миг обнажил волнение. – Вторая шеренга! В сторону! – ещё четыре курсанта отделились от колонны.

Теперь Тимофеев оказался среди очередных направляющих – теперь уже в шеренге, ставшей первой.

Снова последовала команда: «Рота-а-а-а! Бегом-м-м м-м-марш!»

Тимофеев и вся новая направляющая шеренга сделали шаг вперёд, далее вся рота, шеренга за шеренгой, снова молча побрела, всем своим видом демонстрируя смесь мятежного возбуждения, страха перед возможными последствиями, неуклонной решимости идти до конца и по-прежнему относительной управляемости и организованности. Последовала прежняя команда.

– Рота-а-а-а! Стой!.. – и она была молча выполнена, и вскоре снова четыре курсанта, включая Тимофеева, молча покинули строй, словно на эшафот, молча с обречённой покорностью выходили они. На этом всё закончилось. Последовала последняя в это утро команда в лесу.

– Рота-а-а-а-а! Шагом-м-м м-м-марш!

Теперь до самой казармы рота, дыша паром мятежа, шла шагом. Три шеренги следовали отдельно. Все понимали, что это они теперь «козлы отпущения» или, как говорили, «крайние».

И вот уже в казарме, вся рота поливалась холодной водой из-под кранов в умывальнике. Натягивались нитки в расположении, по которым выравнивались в шеренгу спинки кроватей, полосы на одеялах от первой кровати до последней, тумбочки, табуретки. Распо-

ложение кипело как стройка в пятилетку за два дня. И только несколько «крайних» угрюмо стояло перед канцелярией... Они ловили на себе сочувствующие взгляды товарищей, выражавшие сочувствие и облегчение, облегчение от того, что эта утренняя «рулетка» пронеслась мимо них.

– Ну, всё! Получите вы теперь «мапупу<sup>49</sup>» по полной! – говорили товарищи.

До и после занятий каждого из них, как полагается, «вздрючили» по партийной линии, дав понять, что это для них – последний «залёт», после которого им не видать ни партии, ни выпуска как своих ушей! После обеда, вместо самоподготовки, их вывели на улицу. Теперь им предстояло повторить утренний маршрут (по 8 км) несколько раз. Первый круг бежали легко во главе с весёлым командиром отделения, надувавшим для важности щёки. Вторые восемь километров бежали с зам ком взвода, вытягивавшим пренебрежительно челюсть вперёд. Третий круг – с десятижильным старшиной-десантником, четвёртый – с важничающим командиром взвода, и вот последний, пятый – с самим командиром роты! Он косился на них, измождённых, с солевыми полосами на лицах, вороньим взглядом, словно ждал, когда уже будет можно выклевывать их впавшие в почерневшие глазницы, но всё ещё упрямые глаза...

– Не дошло через голову – дойдет через ноги! – многократно повторял он. – Курсант должен стрелять как ковбой и бегать как его лошадь!

И на этом всё ещё не закончилось. Они ещё долго искупали свою вину в нарядах, ещё долго оставались первыми кандидатами в самые трудные наряды и на самые трудные работы... Дабы не повадно другим было!

---

<sup>49</sup> Мапула – наказание. жарг.

## 1.22 (87.09.24) «Грабово»

### Сентябрь 1987 г. Ружомберок

День за днём сгорали в суете, а по вечерам, если везло придти в общагу пораньше – около девяти вечера, было слишком грустно сидеть при тусклом унылом свете в общежитской комнате. Тогда, нарыв в карманах несколько десятков крон, молодые офицеры обычно отправлялись в те запрещённые сухим законом «злачные места». Так было и в тот день...

Владислав, Александр и Альяр шли, подгоняемые лёгким накрапыванием дождя, сменяя время от времени шаг на бег.

Альяр, на правах старшего товарища, знакомил зелёных летёх с местными «злачными местами». Под ногами влажно блестели камни мостовой, уличные фонари тускло освещали черепичные крыши словацких домиков. Впереди, в четырёх километрах от города – тихий интэротель «Грабово». Маленький отель – ресторан у подножия небольшого горнолыжного курорта, утопающий среди соснового леса. Среди сказочных сосен, подступивших к нему со всех сторон, он кажется притягательным островком цивилизации.

Александр, при виде всего этого горного великолепия, покрытого сосновым лесом, погружился в давние воспоминания своей алма-атинской юности, курсантской юности. Горы. Крутые спуски. Тот отпуск, после второго курса. Тогда они с одноклассниками ходили в поход на поразительное своим великолепием Большое Алма-Атинское озеро. Они долго шли по огромной чёрной старой трубе, как по дороге, ведущей до самого озера. Эту трубу, говорят, привезли ажно из далёкой Италии в годы прошедшей войны для водоснабжения. В том походе была и Маринка... Что ж, безбашенная юность тогда взяла своё!..

\* \* \*

Подруга милая моя,  
Мне слышится твоё дыхание.  
Твой взгляд сердитый помню я  
И наше первое лобзанье.  
А помнишь рокот горных вод,  
крутые спуски, камни, травы,  
и неба безмятежный свод,  
и наши нежные забавы?  
Потом два года словно сон:  
Рассветы, будни и закаты,  
Фужеров новогодних звон,  
И радость встреч, и боль утраты.  
И вот я снова пред тобой.  
твои алеющие щёки:  
«тебя простила я, родной,  
не высохли любви истоки».  
Луна. В квартире стихли звуки.  
Лишь ты и я сидим как в сне.  
Я с болью жду момент разлуки,  
Тебя целую в тишине.

А в бесконечности бездонной  
Надежды, грёзы и мечты.  
целую я в ночи бессонной  
Твои незримые черты.

*Автор В. Земша 1985 г.*

Но это всё уже в прошлом. А теперь, открывшийся маленький отель «Грабово», утопающий среди соснового леса. Среди сказочных сосен, подступивших к нему со всех сторон, был притягательным островком цивилизации. Стеклопанельные двери ресторана Грабово, небольшой холл, крутые ступеньки вниз, в бар. Специфический запах. Ритмические пьянящие звуки невиданных ранее видеоклипов. Мягкие кресла. Глухие шторы. Здесь не ярко, но всё со вкусом, цивилизованно, по-европейски. И голова слегка кружится. Сюда иногда прибывали туристические автобусы с советскими туристами. Советских туристов гиды держали в «ежовых рукавицах». Шаг влево, шаг вправо – расстрел на месте!

– Не забывайте, товарищи, вы находитесь в и-интероте-еле! За границей Советского Союза! Ни с кем не общаться. Никуда самостоятельно не ходить!

Все сопровождающие группы сами прошли уже не раз инструктаж со стороны «компетентных органов» и видели во всех вокруг потенциальных шпионов. Даже на шляющихся здесь «по гражданам» советских офицеров смотрели они подозрительно. Что ж, наверное, не без оснований на то! Кто знает! Стали бы без причины «органы» так беспокоиться на сей счёт! Не бывает же «дыма без огня»!

– Привет, девчонки! Вы откуда? – радостно воскликнул лейтенант в модной джинсовой куртке в сторону выходящих из автобуса туристок.

Как было приятно слышать родную речь! Лицезреть этих милых девушек, говорящих на родном языке!

– Ой! Вы по-русски говорите?! – удивлённо и радостно воскликнули те. *(Кто тогда только мог бы предположить, что пройдёт немного времени, и люди будут радоваться тому, что вокруг них нет русских!)*

– Конечно!

– Мы же советские офицеры!

– Служим здесь! – радостно и бойко ответили ребята.

– Да-а-а? Ой, как интересно-о! – девушки обступили модных красивых парней, называющих себя офицерами.

– Как романтично! Такие красавцы, рослые, крепкие, модные. Да ещё и офицеры! Боже! Это фантастика какая-то! – девчонки поплыли как шоколад на солнце...

– Можем показать вам город!

– Всё, что хотите!

– Мы – почти местные аборигены уже! – хорохорились лейтенанты.

– Правда?

– Вот здорово!..

– Это что ещё такое?! – неожиданно нарисовалась старшая автобуса, она же гид, – что это вы, девочки, себе позволяете?! Вы забыли, наверное, где вы сейчас находитесь?! Это – и-и-интер-отэ-э-эль!!!! – последнее было сказано таким тоном, словно это было что-то, например, «это супер секретная база!!!»

– Я категорически запрещаю вам покидать ваши гостиничные номера, и с кем бы то ни было общаться! А кто нарушит правила поведения за границей, пеняйте на себя! – она пробуравила девчонок пристальным взглядом из-под очков, потом перевела его в сторону парней, как на досадную плесень на хлебе, поправила оправу на переносице и удалилась.

Девчонки потухли, замолкли и быстренько рассосались, опустив головы и не смотря в глаза недоумённым «защитникам Отечества».

*(Отель находился на достойном, для пешехода, расстоянии от города. Поэтому попавшие сюда туристы чувствовали себя как на «подводной лодке»: деваться-то было некуда. Но, как правило, советские туристы были на редкость неприспособлены и они активно гуляли по хвойным аллеям, собирали шишки и были абсолютно счастливы! Советская традиция вечерних прогулок по местным «Бродвеям» – на людей посмотреть и себя показать – работала и здесь. Сразу можно было определить советских людей, т. к. местные использовали улицу исключительно для перемещения с одного пункта в другой. Да и то, чаще на своих «Шкодовках» или советских «Жигулях», которые в экспортном исполнении уже заполнили страны «Варшавского Договора», но сейчас начинали свой обратный путь на Родину благодаря, скупающим этот дефицитный в Союзе, порой почти «антикварный» металлолом, советским офицерам. Которые потом, как истинно «крутые парни», бороздили на нём просторы СССР от СТО к СТО.<sup>50</sup>)*

– Я так и знал, так и знал, что придёт очкастое палево и всё накроется медным тазом! – воскликнул, сокрушаясь Тимофеев.

– Ты это про гида?

– Про неё!

– Мырра пучеглазая! Во, туловище! – досадовал ему в унисон Хашимов. – Это и-интертэ-э-эль! Во закрутила! Облико морале, тоже мне!

– А давай забьем на неё, да заберёмся к девчонкам в окно! Как в училище делали! К девчонкам в общагу не приходилось лазить? А? – Альяр хлопнул по плечу расстроенного в конец товарища.

– Да, не! Щас самое время вытягивать колонну на хауз. Я знаю, чем это кончится! – отпрянул Тимофеев, словно его обдали холодной водой.

– Чем?

– Полным палевом! Вот тогда нам и придёт полный пипец! Вот явится сейчас кто-нибудь из штаба и сдадут нас ему, а тот порвёт нас дневальным на тряпочки. Будет нам «япона мать»!

– Да, ну! Чё, побаиваешься, что ли? – Хашимов хлопнул младшего товарища по плечу.

– Не побаиваюсь я! Знаю!

– Я в любом случае не пойду, что-то нет вдохновения на новые подвиги, – Майер так же не питал энтузиазма...

– Ты чё, Майер, товарищей вздумал бросить в трудную минуту!? – Хашимов посмотрел из-под «хамелеонов». – Да бросьте вы! Идём! – Хашимов, очевидно, сам загорелся своей идеей и не собирался быстро ретироваться. Но их «светскую беседу» прервал автомобильный гул. По извилистой дороге, обступленной с одной стороны лесом, с другой кустарником, вверх к отелю летел зелёный штабной УАЗик.

– О, ёшкин кот!

– Мать мая жэншына!

– Япона мать! Делаем ноги! – лейтенанты ломанулись в кустарник, едва прикрывая себя от бьющих по лицу упрямых прутьев, которые словно были на стороне этой очкастой сопровождающей группы. УАЗик остановился. Из него выпрыгнул подполковник Полунин.

Майер уставился на Тимофеева:

– Ёшкин кот! Откуда ты знал про это? А? Во бы он щас вдул бы нам, как зябликам!

Тимофеев лишь молча наблюдал за тем, как парторг поправил португению и скрылся внутри заведения.

<sup>50</sup> Станции Технического Обслуживания.

– Мать моя!.. Ты знал! От ку-у-уда? – Альяр пихнул Тимофеева локтем.

– Да бог его знает! Так. Чуйка была.

– Да ладно! Какая такая «чуйка»?

– Соснил... Так годится?

– Со... что? – съехидничал Хашимов.

– Со что-о-о! – передразнил друга Тимофеев. – Соснил! А не то, что ты подумал! – все трое прыснули от смеха. – Сон дурной приснился намедни. Ферштейн?

– Сны у тебя Тимофеев, какие-то бякостные! Мне такая хрэнь нэ снится. Ночью Полунина snyть... вмэсто бабы какой!..

Все снова прыснули от смеха.

– Мне часто бред неопиcуемый снится. Небылицы какие-то. Чаще забываю потом, о чём. Вроде, первые минуты, как проснёшься, ещё нечто помнишь, а потом сон – как песок сквозь пальцы утекает. И ни черта не остаётся. Другой раз помню, что что-то прикольное снилось. А чёрта с два перескажешь. А бывает, что и что-то дельное приснится, из реальной жизни. Типа вот про это. Пока эта мымра в очках не появилась, я думал, что опять ерунду соснил. Но как она девок застрашала, да ты лезть в окно предложил, я сразу понял, что этот сценарий я где-то уже видел и пахнет жареным!

– Ну, ты блин, кудесник какой-то! – Майер был ошеломлён услышанным.

Всю остальную дорогу шли молча. Лишь проходя под линией высоковольтной передачи, Майер заговорил.

– Я вот слышал, что у нас в Казахстане, как-то в дождливую погоду один капитан шёл на БТРе под линией электропередачи. Он сверху сидел, в люке. Там метра два-три до проводов ещё было. Так его так шандарахнуло молнией от проводов! Хорошо был в шлемофоне. Думали убило, но он выжил, а потом с ним тоже странные вещи стали происходить. Не помню, какие именно. Просто очень странные.

– Да, мать мая жэншына! И я про молнии что-то подобное читал, – Хашимов поёжился, подняв голову в небо.

Друзей явно расколбасило на «неопознанные явления» и чудеса...

Тимофеев лишь пожал плечами, втянул голову, чувствуя над собой мощную силу электричества, бурным потоком бегущую по проводам – толстым алюминиевым канатам, издавая мощное поле, наполняющее всё пространство вокруг трескучим гулом.

– Давай-ка быстренько перейдём этот опасный участок!

## 1.23 (08.02.) Прошлое. Барак

### Февраль 1985 г. Новосибирское ВВПОУ Полигон

*Комиссары, комиссары, молодые,  
В чёрных кожаных тужурках.  
Под Мадридом вы стояли  
И под Курском.  
В танках заживо горели...  
Споём, споём,  
Теперь, в восьмидесятых,  
О них, ребята...*

*Из песни «Комиссары»*

БМП<sup>51</sup> с металлическим грохотом траков рванули по заснеженной целине в надвигающиеся сумерки. Курсанты сидели в темноте десантных отсеков, согнутые в три погибели, дыша парами солянки, вызывавшей тошноту и пряча замёрзшие носы в мех «шубенок». Под ногами лежали лыжи, вещмешки, каждый был словно запутан снаряжением, ремнями от противогазов и ОЗКа. Ноги зажимали оружие. Всё это беспощадно тряслось, словно кто-то пытался взбить себе в чревах рычащих машин некий коктейль из курсантов, валенок, лыж, снаряжения, оружия и прочего и прочего...

Находясь внутри машин, было вообще сложно понять, где ты и куда тебя везут.

Вдруг всё затихло. От командира отделения прозвучала команда к спешиванию. Задние пузатые люки, исполняя, по совместительству роль топливных баков, наполненных солянойкой, со скрежетом отворились, и курсанты спеша стали вываливаться на снег, стуча оружием о броню, выбрасывая, торчащие пиками лыжи и палки...

Атака. Рёв БМП сзади. Обмороженные курсанты на лыжах, превозмогая самих себя в борьбе с глубокой снежной целиной, цепью шли в «бой». Звучали соответствующие команды. Скрипел, искрился сухой от мороза снег. Бил в лицо нещадный сибирский ветер, поднимая белой вьюгой снежную пургу вокруг. Пригорок, ещё один. Наконец, замелькали цели впереди. Огонь! Сухой треск автоматов наполнил пространство вокруг. Тимофеев остановился, встал на одно колено, положил на плечо гранатомет. Отыскал цель в сетке прицела... Разрывающий уши адской болью ухнула «шайтан-труба»<sup>52</sup> взметнув сзади столб из газов и снега. Выстрел светящимся реактивным хвостом полетел в сторону цели. Чирк, и,

---

<sup>51</sup> БМП-1 (Боевая Машина Пехоты-1) – первая советская серийная боевая бронированная водоплавающая гусеничная машина, принятая на вооружение СА в 1966 году, предназначенная для транспортировки личного состава к переднему краю, повышения его мобильности, вооружённости и защищённости на поле боя и совместных действий с танками в бою. Вооружение БМП-1 включает 73-мм гладкоствольное орудие 2А28 «Гром», спаренный пулемёт 7,62-мм ПКТ и противотанковый управляемый ракетный комплекс 9М14М «Малютка», также в десантном отделении крепится и перевозится Зенитно-ракетный комплекс 9К32 «Стрела-2». Листы лобовой брони корпуса БМП-1 выдерживают поражение осколками снарядов полевой артиллерии, бронебойными пулями стрелкового оружия и крупнокалиберных 12,7 мм пулеметов. Однако опыт войны в Афганистане показал, что бронекорпус БМП-1 не выдерживает попаданий 12,7-мм пуль в бортовую проекцию машины. А попадание противотанковой гранаты, как правило, вызывало воспламенение машины с последующим взрывом боекомплекта. В передней части корпуса БМП-1 слева по ходу размещено отделение управления и силовое отделение справа, в средней части – боевое отделение с одноместной башней кругового вращения. В кормовой части машины находится десантное отделение для восьми стрелков, размещенных вдоль бортов, которые могут выходить из машины через кормовой двухстворчатый люк. В целом же БМП-1 для своего времени была непревзойдённой машиной, долгое время оставшейся единственной в своём роде – её зарубежные аналоги появились лишь к середине 70-х годов.

<sup>52</sup> Представители Средней Азии называли так гранатомёт РПГ-7

пробив сетку мишени, он срикошетил огненным факелом вверх. Тимофеев потянул руку за зелёным хвостом следующего выстрела, торчащего рогом из подсумка за спиной...<sup>53</sup>

И вот кончилось всё. Барак. «За бортом» минус 40 по Цельсию. Ночная темнота наполнила барак. Валенки ступали по влажному от подтаявшего снега полу. Огни редких факелов, словно в тумане от испарений и дыма тускло освещали трёхэтажные нары, с валенками, бушлатами, полушубками, под которыми угадывались хозяева этих вещей, изрядно уставшие и намёрзшиеся за день. Копоть от печек-«буржук» размалёвывала лица, наполняла лёгкие, коптила белую кожу полушубков. Баян со всхлипами рожал «лезгинку». В середине круга, как птицы, кружились два представителя кавказских кровей курсанты-лезгины. Далее, в тёмном углу копотного барака, душу щипали переборы струн, лился негромко чистый молодой голос. Остальные задумчиво слушали.

– Батальон! Строиться!

– Батальон! Строиться на вечернюю проверку!

– Строиться на вечернюю проверку! – крики лиц суточного наряда прервали эту «самодеятельность»...

– За отличную стрельбу из гранатомёта во время батальонных тактических занятий с боевой стрельбой, курсанту Тимофееву объявляется благодарность и внеочередное увольнение!<sup>54</sup> – объявил комбат по завершении «вечерней поверки».

– Служу Советскому Союзу! – щёки курсанта горели, то ли от гордости, то ли просто кровь, разогретая в тепле барака, прихлынула к намёрзнувшему за день участкам кожи...

За стенами слышалась чья-то стрельба. Светлячки пуль пронзали ночной мрак стрельбища...

\* \* \*

Зимы холодной дуновенье  
И трепет пламенных сердец.  
ещё порыв, ещё мгновенье  
и зимней тактике – конец!!!

*Автор В. Земша 1987 г.*

Чумазы курсанты спали на нарах в темноте барака под треск копящих воздух «буржук». Зато тепло! «До ветру» на трескучий мороз выходить не спешили, каждый терпел до предела. Посмеивались на сей счёт, что выходить нужно только вдвоём, дабы второй ломом сразу же отбивал замерзающее...

Вдруг, в глубине дымного барака, возможно от действия этого печного угара, где-то раздался чей-то бред. Это, видимо, курсант Володя Талаев бредил. Он часто бредил. И к этому уже давно привыкли, несущие ночное дежурство дневальные. Над ним не редко подшучивали по этому поводу, но в этот раз было нечто совершенно неординарное. Курсанты роты, один за другим, просыпались, будили друг друга, некоторым пришлось в голову даже записывать эту белиберду. Тогда этот бред впечатлил многих связностью сюжета, смысл которого расценивался не иначе, как забавная бессмыслица. Однако с позиций дня сегодняш-

<sup>53</sup> «В 80-х годах в распоряжении курсантов была вся гамма стрелкового оружия, состоящего на вооружении армии: АК-74, РПК, ПК, РПП-7, АГС-17, ДШК, и техника: БТР-60ПБ, БТР-70, БМП-1. В конце 80-х начали поступать БМП-2. Впрочем, в училищном парке сохранились и такие реликвии, как БТР-152. Их иронично называли «крокодилами». – *Из курсантских воспоминаний.*

<sup>54</sup> Интересно, как будто существовали «очередные» увольнения!

него, вероятно, что-то было в нём вешее. А мож, это лишь так кажется? Короче, ночь, в роте спит только один человек: Володя Талаев, известный своим талантом бредить. И так, Володя бредит, остальные возбужденно записывают.

– Посмеёмся утром! – думает каждый.

– ... Ну всё, хватит, поднимаю чёрное знамя анархии... Начнём наш мятеж с кафедры бронетанковой техники... раздолбаем там всё к чёртовой матери, потом выводим танки на плац, всех берём под прицел, берём штаб и поворачиваем пушки на «булдырь» (чайная). Пару залпов и «булдырь» наш! Куда жратву девать будем? Дурачок! Сожрём! А потом уничтожим «слонов», а то обурели, всё трубят и трубят (в то время 1 курс репетировал игру на горне по армейскому распорядку). Сержантов всех загоним на баржу и в Обское море!.. Сейчас связь наладим... Телефонистка мать твою, п... б... где ты есть?! Эй, ты, заберись на штаб, сбросишь кирпич. Если убьёшь человек 5–6 – ничего, зато орден «Сутулова» получишь... (последовала долгая пауза...) ... Собаки! Мой мятеж на корню загубили! Если вы не взорвёте ГСМ..! Ну танки-то, танки-то заправим в бою! Не дай бог, ГСМ не взорвете! Патроны нам нужны, конечно, короче, раздашь по 2 ящика патронов. Гранаты все мне – я поеду потом рыбу глушить ... Приказы мои не обсуждать! Ты в армии или не в армии! О, Серёга, ты припёрся! Диктатором, сказано, будешь, а я советником. Сейчас время такое, диктатора – раз, и на корень, а советник... – он приказ исполнял... Кого это ты привел? Прессу на ... прессу! Пресс конференции сегодня не будет! Гони их к ... Пошли, Козлы! Я ж тебе говорил, должна быть авиация., чем наших с воздуха поддерживать?! ... Вот такие дела! Не удалось, а как было бы чётко! И сержантов... и чёрное знамя... Прощайте, братья-мятежники! Отпускаю вас на все 4 стороны. А сам поеду куда-нибудь в джунгли Бразилии. Пишите по адресу: «Рио... главпочтамт, до востребования». Сколько товарищей полегло! Об этом нельзя не сказать. Да, погибли товарищи, погибли. Да! А ты, Серёга, наверное, поедешь со мной. Нельзя мне туда одному ехать. А то я опять что-нибудь натворю и сгину в этих джунглях. Перевернём на ... Всю Южную Америку! Там мысль у меня появилась. Знаю на примете одно племя, сделаем диктатуру сперва там. Это, правда, не в училище. Там живут почти что обезьяны. Но и обезьянами надо уметь командовать! Пора нам собираться! Посидим на дорожку». Вскоре он замолчал, на этот раз – до утра...

Содержание сна уже на другой день было на столе у особиста, который ломал себе голову над этакой дребеденью с «вооружённым мятежом»! (*Не зреет ли тут заговор против Советской-то власти у него под самым носом!?*) Но, так ничего и не вынюхал, кроме «диагноза на лицо». Что ж, «шизо косит наши ряды», – решил он.

\* \* \*

В небе уставшем закат догорал.  
Сумрак ночной над землёю лежал.  
Танки на плац выползали тайком.  
В небе зловещим запахло костром.  
Всех под прицелом держать я велел.  
Грозно свинцовую песню запел.  
Штаб задохнулся, престол задрожал.  
Буйный костёр чёрный мрак разорвал!  
Старую власть плотно в баржи забить!  
Рыб ими будем сегодня кормить.  
Будет броня наших танков сильна.  
Кровь победителя крепче вина!

Залпы орудий булдырь потрясли.  
Знамя мятежное вилось в пыли,  
Роты слонов. Что трубят и трубят,  
Танками смяты, казармы горят.  
Орден «сутулова» дам я тому,  
Кто кирпичём уничтожит толпу...  
Мир старый я потрясти захотел,  
И гсм, вдруг, на воздух взлетел!  
Мир на ушах! Пресса ломится в зал.  
Я её мягко подальше послал!  
Страшно диктатору стало сейчас,  
Лучше советником буду у вас!  
Сволочь – измена подкралась змеёй.  
Гибнут товарищи рядом со мной.  
Сломано знамя, задушена власть.  
Жаль, диктатура измене сдалась!..  
...пыльной дороге не видно конца  
ой, вы мятежные наши сердца,  
Небо затянуто мглой грозовой,  
Мы позабыли про сон и покой.  
В джунглях Бразилии счастье наидём,  
Чёрный мятежный свой флаг вознесём.  
Пусть обезьяний живёт там народ.  
Но подчиняться заставлю я сброд!..  
...в небе усталом закат догорал,  
Ветер с дорожною пылью играл.  
Выли шакалы на нашем пути  
Боже! Как долго ещё нам идти!

*Автор В. Земша 1985 г. Новосибирск ВВПОУ*

Однако, танки ещё на самом деле выползут через несколько лет в центре Москвы и сокрушат «старую власть»!..

## 1.24 (87.03) Прошлое. «Весёлые ключи»<sup>55</sup>. Войсковая стажировка

### Март 1987 г. Приморье. Барано-Оренбургское. 7 км от границы с Китаем Канцелярия роты

*«...в части солдаты в основном нерусские. Русским языком не владеют. А спрос с командиров прежний. Вот и проходится на занятиях им диктовать тексты. А что творят! Полное хулиганство в тетрадах. А в головах? – Кто туда заглянет! Ротный у нас с Афгана. В повседневной жизни флегматичный, а на службе пинками гонит толпу на улицу, если те мешают.*

*В казарме изо рта идёт пар. Встречаются вши. Крысы. Снега нет. Деревьев – тоже. Одни голые сопки, как в Забайкалье. Офицеры-холостяки живут ужасно. Им дают квартиры на три-четыре человека, которые больше напоминают берлоги. Мусорка прямо на балконе. Приходят раз в неделю бойцы – весь мусор выносят. Горячей воды нет, батареи не греют. Греются электротенами, которые кидают на кирпичи по середине комнаты, зато с жильём нет вопросов – сколько угодно, но никто не хочет брать большие квартиры – зимой не обогреешь...»* – Майер сидел в канцелярии и писал письмо.

– Сашка, ты знаешь, почему наш полк так называли в народе «Весёлые Ключи»? – спросил только что вошедший в канцелярию его роты гость – курсант Кадышкин. Посмотрел на Майера, держа небрежно зубами сигарету, взял лежащую тут бархотку и принялся полировать глянец и без того сияющих сапог.

– Не-а, и почему? – Майер поднял брови, отложил письмо.

Кадышкин радостно бросил бархотку, затыкнулся глубоко, закатив глаза и сморщив лоб, как бы думая. Выпустил обильную струю дыма.

– Говорят, раньше полк стоял в сопках, пока эти вот казармы не отстроили. Представь себе картину. Вечер. Сопка в кострах. Полк готовит ужин. Бойцы живут чуть ли не в землянках. Все грязные, оборванные, вечно голодные. Говорят, солдаты порой практически грабили свои же машины с хлебом. Прикинь, те порой даже до их же столовой не доходили! Били дичь, фазанов. Этим в основном и питались. В целом, говорят, жили весело, бурели помалу, ни какого тебе лишнего долбания мозгов. Никакой тебе строевой! А когда отстроили казармы и все переселились, потеряли миномётную батарею, окопавшуюся в землянке за овражком. Те устроились там весело и жили, забив на всё и всех! Прикинь! Короче, веселуха была! А может, и брешут всё!

– Ну, нихрена себе! Ну, «Весёлые»-то понятно, а «Ключи» почему?

Кадышкин задумался.

---

<sup>55</sup> 702 мотострелковый полк 266 мотострелковой дивизии, штаб которой находился в поселке Сергеевка Приморского края. Полк дислоцировался в поселке Барано-Оренбургское, недалеко от поселка Пограничный. В офицерской среде полк имел свое другое название – «Веселые Ключи». По своему боевому предназначению полк взаимодействовал с 13 укрепленным районом, штаб которого дислоцировался в поселке Пограничный. 5 Армия (штаб дислоцировался в г. Уссурийске) на то время, очевидно, была по своему составу в мирное время самой большой в мире (кроме воюющей в Афганистане 40 Армии). Основной костяк Армии составляли пять мотострелковых дивизий и пять укрепленных районов. Кроме этого, в состав Армии входили соединения и части классического армейского комплекта. Укрепленные районы стояли (с юга на север): 4 УР в Краскино, 20 УР в Барабаше, 15 УР в Ново-Георгиевке, 13 УР в Пограничном и 5 УР в Поповке. Все они прикрывали государственную границу СССР на направлениях, доступных для наступления пехоты и танков противника со стороны Китая.

– А чёрт его поймёшь!

– А может, всё проще, может там источник воды какой-то был. Ключ. Может весело журчал тот ключ, а, как думаешь?! Задумывался над таким вариантом, а?

– Да чё ты ко мне прицепился, я по чём купил, по том и продаю. Бес его знает! – Кадышкин раздражённо взял бархотку и продолжил усердно полировку сапог.

– А-а-а! Товарищ Кадышкин! А ты знаешь, почему Барано-Оренбургское так называется? – теперь Майер взялся в свою очередь блеснуть перед сокурсником недавно полученными знаниями от лейтенанта Пак – молодого взводного своей роты.

– Валяй! – Кадышкин даже не повернул головы, продолжая чтиво.

– «Барано-Оренбургское» так называется от того, что раньше, когда жил здесь граф Гродеков, поселенцы с Оренбурга зверски изнасиловали его дочь. Говорят, что у вокзальной площади посёлка Пограничный, до сих пор камнями выложены изображения львов, терзающих девушку. Граф обозвал оренбуржцев «баранами» и выслал на место современной «Барановки». Избрав самое дрянное место и запретив выезжать.

– М-м-м-д-а-а, всё? ... А теперь слушай правильную версию, – Кадышкин посмотрел из-под бровей на Майера с чувством превосходства, – местный губернатор распорядился прибывшим оренбургским казакам поселиться отдельной станицей, а те поселились в крестьянской деревне Барановской, которая так называлась в честь прежнего губернатора Баранова. А когда новый губернатор прибыл с проверкой, то увидел такое дело, махнул рукой и сказал: «Бараны вы оренбургские!» Так и стало село Барано-Оренбургским.

– Всего лишь ещё одна версия! – развёл руки Майер.

– Ну что, курсанты, всё сапожки пиндорасите!? – в канцелярию вальяжно вошёл взводный лейтенант Ин.

Прослужа здесь уже аж целый год, он чувствовал себя на высоте положения, высоко неся авторитет «бывалого служаки» перед курсантами-стажёрами!

– Ага, – Кадышкин выпрямился, протянул бархотку вошедшему, – что, завидуешь моей бархотке? Так держи! Но, получив полный «игнор» в ответ, он запихал её себе в карман, посмотрел ещё раз сзади на каблуки собственных сапог.

– Сапожки твои блестят уже и так как яйца у кота. А ты, товарищ курсант, сходи в туалет и посмотри что там. Срач полный!

– Товарищ лейтенант, мне что, самому мыть что ли?

Дневальные говорят, что это не мужская работа.

– Не мужская работ-а-а!? – лейтенант усмехнулся. – Хо-ро-шо-о! Чему вас там, в училище учат? А? Ну, ничего-о, я щас вам преподам ценнейшее учебно-методическое занятие, «мадэин Весёлые Ключи», по теме: «Как заставить «айсберга»<sup>56</sup> помыть пол», да и вообще подчиняться приказам и распоряжением командиров и начальников.

Курсанты переглянулись. Кадышкин затушил сигарету.

– Ну, давайте, рассказывайте, – он незаметно для себя самого случайно перешёл на «Вы».

Всё же офицерская форма давала о себе знать, действуя на курсантское зашоренное подсознание, как на «собак Павлова»...

– «Кормление дерьмом» называется. Слышал когда? Всё предельно просто, – начал своё «занятие» Пак, – итак, привязывается «айсберг» к трубе в туалете, берётся палка, мажется в дерьме, том самом, которое он убирать не хочет, и ... либо он моет – либо ест... Будьте спокойны. Занятие очень эффективное, доходит до мозгов порой с полуслова, обычно достаточно только дать «айсбергу» понять, что ты настроен решительно и у него нет выбора. Ведь тут уж лучше для него стать «бабой» со шваброй, чем «гавноедом»! Поверьте, мак-

<sup>56</sup> азербайджанца

симум два сеанса – и любой «урюк» моет пол без малейшего упоминания о «не мужской работе!» А то: «хоть убейте, работать не буду!»

– Фу, какая мерзость! А Вы это сами сочинили, или и впрямь уже пробовал? – переходя с «Вы» на «ты» и обратно, поморщился Кадышкин.

– Ещё бы! Здесь, никто особо ни с кем не церемонится. Ведь труд сделал из обезьяны человека. А эти вот работать не хотят, так нельзя же позволить им обратно в обезьян превратиться! Ты вообще видел их в бане? Некоторые прям аж шерстью покрыты! Ключьями, как у диких зверей! Дети гор!

– Видел... А занятие это крутое, только не по-человечески всё это! Да и не верю я. Сочиняете вы всё! Чувствуешь, порой, что засунул бы головой какого-нибудь урюка в унитаз, но ведь не засунешь же. Вот и рождаются небылицы! Хоть помечтать!..

Пак только пожал плечами.

– Не веришь, курсант, не надо. Да ни что на них человеческое не действует, соответственно и методы такие придумываются... Не человеческие? А не вам судить. Ублюдка главное – сломать. А не сломаешь ты, сломают тебя. Тогда туши в казарме свет и бросай гранату! Такой будет беспредел! И неуставнуха и всё прочее! Вот тогда и будет нарушение прав всех и вся, окрая этих ублюдков! И будет у вас одно «ЧП» на другом! И они тогда сами будут молодых, из числа славян, да и корейцев тех же, на очке дерьмом кормить! Да чё тут, они это и так ежедневно делают! Тут либо ты их, либо они! Вот и всё! А вы сами навечно взводными останетесь, до пенсии, да ещё в дыре, типа этой вот!

– И нахрена только всё это нужно! Служили бы каждый в своей Республике. И пусть бы их мамки за ними сами бы их дерьмо и выносили. Чё о них руки-то марать? Об дерьмото это?

– Знаешь что, жираф большой! Ему там видней!.. Наше дело маленькое... А потом, что в Азербайджане у нас одни азербайджанцы живут?.. То-то и оно! – лейтенант взял не слишком свежую газету со стола, стряхнул крошки хлеба, повертел в руках.

14-16 февраля 1987 г. в Москве состоялся международный форум «За безъядерный мир, за выживание человечества»<sup>57</sup> – было написано в заляпанный жирными пятнами от банки с тушёной статье.

– Видите. Говорят, войны не будет. Безъядерный мир во всём мире! С Америкой мы теперь друзья. Никому Армия больше не нужна. Бойцы служить не хотят. Не считают это нужным. Оттого-то весь этот бардак и идёт. Хоть мы тут и пытаемся что-то собрать до кучи, а оно как песок сквозь пальцы усачивается. Горбачёв просит от нас «творчество масс»! Вот мы ему и выдаём наше творчество. Кто как хочет, тот так и др...т!

– Не верю я в это.

– Во что именно?

– В дружбу с Америкой.

– Чё так? Вон смотри и Маргарита Тэтчер прикатила щас в Союз. Катается там везде с нашим Мишкой. По телеку в прямом эфире выступает. Говорит, что думала раньше, что здесь одни медведи дикие по улицам бродют, а здесь тоже люди! Такие же! Прикинь, пропаганда была и у них! А щас всё. Мир, дружба, жвачка, творчество масс, опять же!

– А ты прояви своё творчество тоже, подай своё «рацпредложение» в центр «научно-технического творчества молодёжи»!<sup>58</sup> Надеюсь, оно там будет оценено по заслугам!

---

<sup>57</sup> На этот форум со всего мира собрались выдающиеся ученые, политики, религиозные деятели, писатели, артисты, художники, промышленники, военные, врачи, экологи, различные общественные деятели – Грэм Грин, Питер Устинов, Клаудиа Кардинале, Грегори Пек, Фридрих Дюрренматт, академики Сахаров и Лихачев, Чингиз Айтматов, Норман Мейлер и многие другие. Перед участниками форума выступил с речью Михаил Сергеевич Горбачев.

<sup>58</sup> 13 марта – принято постановление Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ N 321 «Об образовании единой общегосударственной системы научно-технического творчества молодежи (НТТМ). В соответствии с этим постановле-

– Какое ещё «рацпредложение»? – прищурился Пак.

– Да я про твоё кормление дерьмом!

– Ух ты, куда замахнулся! Но я человек скромный, чужое за своё не стану выдавать!

Да и вряд ли эти гражданские шляпы это смогут оценить! А вам вот тут пригодится! Так что держайте, курсанты, такому вам в училище вашем уж точно не научат. А здесь – реальная жизнь. Такая, какая она и есть! А не сможешь заставить бойца даже очко драить, то на кой ты здесь такой тогда нужен? Тогда они и в бой за тобой также не пойдут! Ясно!? Это вам не институт благородных девиц!

Хошь, чтоб уважали! Должны бояться!

## Казарма

– Ну! Вашу мать, чурбаны, а ну шевелите булками! – зычно рявкнул во всю глотку уса-тый двадцатилетний капитан-командир роты и поддал грузными войлочными даль-невосточными сапогами пинков отстающим солдатам, неуклюже и лениво шевелящим тол-стыми задами в ватных штанах на выходе из казармы. У Александра неприятно пробежали мурашки по спине. Он так же непроизвольно дёрнулся к выходу под воздействием команды грозного офицера.

– Давай курсант, не спи. Строй роту! – буркнул капитан и по-товарищески хлопнул Александра по плечу...

Тот аж вздрогнул.

– Странные здесь офицеры. Совсем не такие, как в училище, – шепнул на улице Алек-сандр своему товарищу, курсанту Кадышкину, выводившему свою роту так же на батальон-ное построение.

– Эт точно! Твой вот, говорят, три ранения в Афгане получил. Награды какие-то имеет. Может, поэтому такой нервный. Орёт себе, затрецины развешивает налево и направо, в выражениях не стесняется.

– Зато в училище они только об Уставе себе и думают. Высокомерные слишком. «Белая кость»! А в войсках вот, простые, грубые, «рабоче-крестьянские», в челюсть двинуть могут, ежели что не так.

– И не заносятся ...

– Батальо-о-он станови-и-ись! Равня-я-ясь! Смирно! – начальник штаба старательно отпечатал три шага по направлению к комбату, чей новенький, ещё не выцветший бушлат, перетянутый портупеей, положительно выделялся своей чистотой на общем фоне ватников цвета грязной соломы весной на полувыжженном поле. Что ж, последнее – лучшая маски-ровка на здешней местности!

– Товарищ майор, батальон для убытия на занятия по огневой подготовке построен ...

Александр задумался. Всё происходящее не представляло особого интереса. Хотелось одного. Скорее двинуться хоть куда-нибудь. А лучше туда, где тепло и поближе к кухне.

Но, судя по всему, этому сбыться было не суждено. Путь лежал в заснеженные холми-стые просторы полигона. Практически на сутки! И тут неожиданно:

– Товарищ курсант, остаётесь в полку. Вот этого солдата отведёте в санчасть, – ротный ткнул пальцем в сторону чёрного, как котелок после полевого выхода солдата, с прижатой грязной тряпкой к лицу, которую он держал какими-то горбатыми, воспалённо-грязными пальцами.

---

нием началось создание при райкомах комсомола центров НТТМ, которые были, наряду с кооперативами, одной из первых легальных форм предпринимательства в СССР. В центрах НТТМ начинали свою деятельность многие будущие промышленные и финансовые магнаты России (так называемые «олигархи»), в том числе Михаил Борисович Ходорковский.

– Касимов, Ахметов, Прохоров! Ко мне! – крикнул он в сторону угрюмого строя, пристукивающего сапогами, словно пританцовывающего от мороза. – В распоряжение товарища курсанта. И-и-и смотррр-и-ите мне-е-е!!!! – он потряс в воздухе кулачищем, да так, что даже у Александра похолодело и в без того замёрзшем теле.

– Давай, курсант, вернешься из санчасти, берёшь бойцов и дуй в штаб полка. В распоряжение начштаба. Он скажет, что делать будете. Вопросы?

– Никак нет, – чётко ответил курсант Майер, взглянув недоуменно на нервное издёрганное, испещрённое красными морщинистыми бороздами лицо ротного, который оставался теперь один.

Видимо не слишком ценным дополнением считал он рядового курсанта или выбора всё равно не было! Ротный был уже как три месяца один офицер на всю роту.

*(Обычное дело – некомплект. Один взводный пошёл на повышение, другой – на замену, третьего никогда не существовало в природе, старшина-прапорщик, и тот сломал ногу и сейчас лежал в окружном госпитале. При том здесь, в войсках, не было никаких понятий там о каких-то материальных стимулах и компенсациях за внеурочную работу и не то что от зари до зари, но и даже после зари, практически бессменно – круглосуточно. За работу за пятерых. И тому подобное. Ну, один. Ну, совсем один. Ну и что! Кого колышет чужое горе, если не сказать ещё более смачно! Ну, в поле сейчас. Ну, в наряд завтра. Ну, ответственным по батальону на всю следующую ночь. Ну, получил 100 задач в полночь от комполка. Ну, не имеешь права подымать солдат после отбоя. Но завтра утром с тебя спросят за всё в полный рост! Хоть сам паши за всех и вся. И безо всяких там оправданий! Либо поднимай бойцов на собственный страх и риск. И, если что, получишь по «самые помидоры»! Да, в любом случае получишь. Как в прошлую войну, впереди – немец, позади – свой заградотряд. И впереди – смерть, и – сзади... А отдыхать офицеру также не положено! Ведь личный состав – не машина. Его не выключишь на свой перерыв, но солдат отдыхать должен вовремя, но не много, дабы дурью заниматься не стал. А, стало быть, рабочий день офицера здесь почти как на войне – идёт круглосуточно. Ведь даже ночью ответственный офицер должен охранять здоровый сон своего бойца от посягательств всяких там «неуставноориентированных» солдат.)*

Александр посмотрел вслед убывающему строю, гремящему оружием. Ротный шёл впереди, периодически выкрикивая команды, нервно подёргивая плечами. Он всё же обернулся и крикнул:

– Курсант, как освободишься, дуй на полигон. Жду!

## Санчасть

В санчасти пахло лизолом. Это так называли какую-то коричневую гадость, которой омывали унитазы для дезинфекции. Александра ударил в нос «запах воспоминаний», о том, как однажды в училище он попал в санчасть. Это было большое событие тогда!..

### Более раннее прошлое

Май 1985 г

### Новосибирское ВВПОУ

– Что с тобой, сынок, случилось? – улыбался ему начмед.

– Я с турника сорвался, «солнышко» делал, так сорвался, да в бетонный пол так и впился черепом... Руки были мокрые – я с умывальника шёл!.. Сперва память отшибло целиком. А потом вот – вернулась, вроде.

– Мда-а! Такие лбы Советской Армии нужны! – начмед продолжал улыбаться. – Череп цел! Удивительно! Да помажем зелёной и делов-то!

Майер, был окончательно разочарован в военной медицине при этих словах.

– И всё?

– Ну, хочешь, ещё послушаем легкие... – врач снял свой неотъемлемый для врачей «основной прибор», висящий прямо на шее.

– А вот тут у тебя, дружок, не всё хорошо... Бронхит! Мда-а-а!!! Так что вот по этому поводу госпитализируем!.. А лоб твой, мда-а... броня крепка и танки наши быстры! – он усмехнулся.

Такого нового поворота Александр уж точно не ожидал. Хотя и не сильно удивился этому. Ведь попасть в санчасть ему за два года сейчас удалось впервые!

*(Ведь обычно сержант на просьбу отпустить в санчасть всегда заявлял: «Сейчас у нас по плану марш-бросок! А я не доктор, освобождения от занятий дать не могу! Поэтому вперёд на марш-бросок! А когда вам в санчасть идти, меня не волнует. Я вас отпустить не могу! Всё, товарищ курсант! Встаньте в строй!»)*

*А после марш-броска, засасывали новые проблемы. Болезнь отступала сама собой. Хвала молодому организму и армейской закалке, самому лучшему лекарю всех времён и народов – стрессу!..)*

– Кстати, Майер! Будете у меня старшиной санчасти. А я уйду в отпуск. Согласны? – капитан-начмед улыбался, изучая его историю болезни.

– Так точно! – удивился рядовой Майер.

Да уж, этот день был полон сюрпризов!..

Да, с тех пор он помнил этот запах лизола. Лекарств. Целый месяц он тогда, рядовой, «командовал» санчастью...

## Март 1987 Барано-Оренбургское

– А что у тебя с лицом? – спросил Майер солдата.

– Крысы ночью покусали, – солдат убрал тряпку, демонстрируя укус.

– Япона мать!

Прошлой ночью Майер видел, как огромная крыса вскочила на стол в канцелярии, в которой они с Кадышкиным пытались мирно почивать, напившись-наевшись чая с хлебом. *(Чая, вскипяченного в трёхлитровой банке, при помощи самопального кипятильника и двух бритвенных лезвий, спичек и ниток. Крыса схватила полбулки недоеденного хлеба и исчезла в какой-то из вновь прогрызенных дыр. Всю ночь они затыкали уши от крысиной грызни. Крысы скреблись всюду. Казалось, они грызли самые барабанные перепонки! Солдаты подвязывали вещмешки к спинкам кроватей. Ибо всё, что оставалось на полу – было «даром божьим» для крысиного царства, существовавшего не то что параллельно человеку, вместе с ним и словно пытаясь полностью занять всё вокруг вместо него!)*

– Я ночью хлеб жевал. Крошки остались. Вот они и полезли. Я испугался, стал сгонять и вот... – пояснил солдат.

«Что-то с этим нужно делать! Почему никто с этим не борется?» – Александр думал про себя.

*(Он раньше читал про уникальные способности крыс и про крысиных «каинов» – братоубийц, т. е. «крысоедов». Где выживает только одна особь из десятка, запертых в бочке. Вот она-то и становится этим беспощадным крысиным монстром! М-да, уж. Тут бы самому каким-нибудь там ... едом не стать!)*

Александр был полон решимости биться с этими гадкими грызообразными чудищами как на войне без пощады и передыха!.. Только как? Вот в чём вопрос!

– Почему бы их не потравить? – логично спросил солдат.

– А действительно, а почему? Только нам с тобой, дружище, отравы-то взять неоткуда. Да, вроде, их и травили уж не раз, только их нечем не возьмёшь. Одни сдохнут, а на новых это уж не действует. Только злее лишь становятся. Умные твари. Мстить начинают! Вот и тебя, вишь, кусанула, наверняка от того, что мы тут им битого стекла насыпали!

– Да-а-а. Мы можем травить их своей пищей только. Параша полная! Может, не выдержат и сдохнут! Падлы поганые. Но пока только жиреют и плодятся. Скорее мы загнёмся от всего этого! Со всех полей сюда стекаются, как татаро-монголы, бессметными полчищами.

– Что тут у вас? – выглянула белокурая девушка в белом халатике.

– Люба? – челюсть радостно отпала на лице Александра. Его лицо выражало такое же безумие, как и тогда, после удара головой о бетонный пол! Он узнал ту самую девушку, спасённую недавно им на Владивостокском вокзале...

– Александр? Так, кажется!?! – Люба замерла на месте и резко поднесла ко рту руку, какбы пряча в неё свою улыбку радости...

– Так!.. Ну что, ж!.. Передаю в ваши надёжные руки!

Здесь у нас – очень серьёзный случай! Нужно что-то профилактическое ему от бешеных крыс. Сорок уколов в живот<sup>59</sup>, как от собак бешеных!..

## Девичьи зори

Начинало смеркаться. Но ещё не везде горел свет. Александр бежал, хрустя редкими островками снега, попадающимися на его пути. Мороз был не сильный. Но из его рта валили обильные клубы пара. Он был разгорячён и взволнован. В голове приятно крутились совершенно свежие воспоминания о том, как ещё совсем недавно они шли, сквозь сумеречную мглу. Взявшись за руки...

– Люба, я так рад, что мы снова встретились. Я этого никак не ожидал. Это судьба!

– Я тоже рада. Правда. Очень. Но вряд ли это судьба. Ты здесь, как там это называется, на стажировке? Ведь так? Уедешь и всё. Забудешь. Но за тот случай спасибо. Если бы не ты... – Люба замолчала. В её глазах светилась горячая симпатия к этому молодому человеку, но вопреки своим желаниям, под гнётом благопристойного воспитания, общественного мнения и холодного разума она усиленно сдерживала порывы своей души, готовые раскрыться навстречу тёплыми объятиями в этом холодном сумеречном мире, где среди множества чужих людей, она чувствовала себя такой маленькой и одинокой...

Всё здесь происходило очень скоротечно. Любовь с «первого взгляда». Именно любовь, как чувство, а не физическая близость, хотя и ей здесь было место не на «последнем ряду». Она хотела, чтобы он, как волшебный рыцарь пригрел её навсегда в этом океане совершенно чужих людей. Но как удержать интерес молодого мужчины, как его заморозить, да ещё за такой короткий промежуток знакомства!<sup>60</sup>

---

<sup>59</sup> Кстати, это миф. Уколов от бешенства и не сорок вовсе, а гораздо меньше, и совсем не в живот!..

<sup>60</sup> Можно дать такие рекомендации «слабой половине»: во время первого же знакомства вызовите к себе интерес. Помните, «вы – не такая как все!» Именно такую ищут все мужчины! Избегайте мест, где рискуете случайно встретить своих «бывших» и где ваш имидж может «хромать»! Мужчину оскорбляет, когда он осознаёт, что вон тот мужик, возможно интимно знаком с его избранницей. Последний смотрит с улыбочкой в таких случаях на новую пассию своей «бывшей». А если улыбочки поступают с разных сторон... Ни один мужчина не желает быть «звеном» в чьей-то очень длинной «цепи». Интересуйтесь вашим партнёром. Просто влюбитесь в него без памяти! (Вот для этого момента-то и поберегите свой сосуд страсти, который не стоит расплёскивать просто так). Путь к интимной близости должен быть, если не слишком долгим, то и не «Блиц-кригом». Правда, при этом, не стоит делать «холодный душ» вашему избраннику: не стоит высмеивать его намерения, не стоит его унижать и стыдить. Возжелайте его не менее страстно, чем и он вас, но продемонстрируйте

Курсант, согреваясь тёплыми воспоминаниями, шуршал по ночным сопкам, вглядываясь в мглу, пытаясь хоть что-то разглядеть под тусклым светом луны.

– Чёрт! – выругался Александр, отпрянув в сторону от куста, из-под которого что-то выпорхнуло.

Но из-за ночи невозможно было разобрать что именно.

«Наверное – чёртов фазан», – подумал Александр.

Их здесь не мало. Ему уже приходилось видеть в затрапезном холодильнике у лейтенантов-холостяков пару таких замороженных красавцев, припасённых для случая. Впрочем, именно по этой причине, фазаны значительно поубавили размеры своей популяции, истребляемые десятилетиями, которая раньше, говорят, было куда более многочисленной!

Александр всматривался в темноту. Надеясь увидеть где-то хоть какие-нибудь признаки жизни. Остатки батальона убыли на ночные стрельбы давным-давно. Александр, так увлекшийся Любашей, молоденькой хохлушкой из санчасти, с которой ранее уже успел познакомиться во «Владике», при известных обстоятельствах, совсем не смотрел на часы. Что теперь сказать ротному?! Этому задёрганному и запаренному ротному, который, возможно, на него, курсанта, рассчитывает?!

---

стойкость бастиона своего разума и воли! И чем труднее будет штурм, тем слаще и ценнее победа! Будьте способной на жертву ради возможности быть вместе! Дабы не разойтись, как в море корабли по разным жизненным путям! Недаром говорят, что жена должна идти за мужем, как нитка идёт за иголкой! Увы, это так! «С милым и в шалаше – рай»! Ставьте в приоритет комфорту, престижу, удобствам и своим привычкам возможность просто быть вместе. Вместе справиться с трудностями и делить маленькие жизненные радости! Будьте способны на безумные поступки ради вашей любви! Важно, чтобы любовь несла не разрушение, а созидание, при этом! Будьте «легкой на подъём». Искренне радуйтесь шансу быть вместе! (За что мы любим наших собак, простите, за сравнение!) Не будьте «как все». Мужчине, как доминирующему самцу, как хищнику по природе, нужен исключительный приз. Он ведь не шакал, чтобы подбирать объедки с чужого стола или питаться падалью! Поэтому следование поведению «большинства» – путь в никуда. Вы ведь не тренажёр для начинающих самцов, познающих этот мир методом проб и ошибок! Помните – вы самый главный приз для единственного в мире мужчины, за который он должен побороться! Женская же борьба за мужское внимание состоит в умении посылов мужчине «импульсов». Ведь самец более движим инстинктами! И «закрытая» женская особь остужает его пыл навсегда. Но не будьте легкодоступны и слишком наивны! И вот что, одежда играет огромную роль. Если хотите, это главный «айсстоппер», это – сигнал в общество. Одежда должна быть привлекательна, а точнее, вы должны быть в ней привлекательны. Но это – всегда «хождение по канату». Чуть «влево» – и вы превратитесь безнадежно в исключительно «сексуально привлекательный» объект и только. Соответственно таких озабоченных «лишь одним» ухажёров вы и будете к себе привлекать. Чуть «вправо» – и вы ханжа, серая мышь, мимо которой ваш шанс проскользнет и не заметит. Одежда – это как речь, как язык жестов. Это средство коммуникации! Одно из важнейших при том! Не знакомьтесь и не общайтесь, а тем более не «любите» просто так от скуки. Ведь детство закончилось, и друзья мужского пола должны остаться там же. Не кидайтесь публично с бурными объятиями приветствия при встрече «старого друга». Возможно, в эту минуту на вас смотрит ваша потенциальная «половина». После такого он, скорее всего, к вам не подойдет. Вы сразу «умрете» в его глазах. А кроме, если вы заводите знакомство «просто так», то вы, удовлетворяя хотя бы одну из своих потребностей, (общение, безопасность, секс и т. д.), перестаете быть «свободным радикалом». А истинная любовь – это комплекс всего этого. Не растрачивайте своей потенциал. Ведь душа и тело – не бездонные сосуды. Что в них останется? Откуда тогда брать «топливу» для будущего «огня души»? Каждый новый контакт забирает соки у «поля» любви. И от бывшего «чернозёма» остаётся лишь выжатый «глинозём». Что может взрасти на нём? Не будьте легкодоступны. То, что достигается легко, не ценится. Здесь, однако, не стоит перегибать, конечно, но так вы, как минимум, отсеете «спортсменов-охотников», хотя все мужчины, в той или иной мере, таковыми являются. Но останавливают они свой выбор только на тех, кто сумеет их заинтриговать. Разве ценен легкодоступный «б/у» товар в магазине? Каждый хочет получить нечто «эксклюзивное». (Женщин, при этом, часто устраивают «бу» мужчины, т. к. они борются в подсознании своём за «лучшего самца». А лучший самец это обычно – «бык производитель»... вот и тянутся женские ручки к безнадежным ловеласам...). Не пора ли пересмотреть свои инстинктивные ценности!? Ведь мы на сегодня – уже «думающие животные», а не первобытные дикари, совокупающиеся без разбора! Создавайте для себя и вокруг себя массу шансов для знакомств. Но не знакомьтесь до той поры, пока не проскочит «искорки» и осознание того, что это то, что вам нужно. Остерегайтесь пустых «искр-фейерверков». На утро после «похмельного синдрома» останется только пустота! Моделируйте свои отношения. Создавайте массу романтики вокруг своих завязывающихся отношений. Само по себе ничего не бывает. Без труда и цветы не цветут. Помните, что каждая неудача уменьшает дальнейшие шансы! Иногда даже одна промашка может иметь фатальный исход для вас в сознании общества, да и ваши комплексы могут не дать вам быть успешной далее! Но если «промах» и произошёл – не отчаивайтесь. Наберитесь терпения. И будьте осторожны! Не спешите пополнить свой арсенал новым опытом. Богатый опыт в этом вопросе, скорее, работает на минус, а не на плюс! Однако, наиболее частая женская классическая ошибка после первой неудачи – спешно их тиражировать! В таких случаях и говорят «по рукам пошла, бедняжка...». Не перебирайте. Не придирайтесь. И не будьте циничны. Иначе вскоре вы почувствуете себя как в богатом магазине духов, где, нанюхавшись, вам уже все запахи будут подобны «тройному одеколону» и ваш выбор безнадежно зайдёт в тупик).

– Где это грёбанное стрельбище? – задавал он себе неустанно этот вопрос. Ответа не было. Сбежав вниз по пологой голой сопке, покрытой одними кустарниками, он едва не грохнулся в какую-то яму, но удержался, схватившись абсолютно машинально за какие-то коренья. Александр посмотрел на небо. Звёзды. Яркие. Но не очень. В Родном Капчагае, под Алма-Атой, ночью звёзды куда ярче! Впереди светился «Пояс Ориона», знакомый с детства...

\* \* \*

*(Как-то давным-давно, зимним вечером, его мама показала ему, малолетнему пацану, пальцем в небо.*

*– Смотри, сынок, видишь во-он те три яркие звезды? Это созвездие называется пояс Ориона.*

*– А кто это, мам?*

*– Орион – сын бога Посейдона, по греческой мифологии. Если присмотришься, то увидишь его фигуру в тунике, пояс. На котором висит меч. А на Руси в старину эти три звезды называли «Девичьи зори». Говорят, что это были три сестры.*

*Они не общались с юношами и так и не вышли замуж, оставшись девушками. За это они и были прокляты и после смерти они превратились в эти три звезды.*

*– А почему? А кто их превратил? А я тоже стану звездой, если я не буду с девочками общаться?*

*– Не знаю сынок, какой звездой ты станешь, – мама только усмехнулась, – всё это мифы, сынок.*

*– А что такое «мифы», мама?*

*– Древние легенды.*

*– А что такое «легенды»?*

*– Это сказки, сынок. Сказки для взрослых.*

*– А-а-а!*

*– А вот девушки раньше гадали, выйдут они замуж или нет, глядя на эти звёзды.<sup>61)</sup>*

\* \* \*

Он сейчас, как и тогда, заморожено смотрел на это полное легенд и тайн небо.

Какая грандиознейшая бездна! «Чудовищная бездна. Гигантское вместилище неживой материи. Двигается, изменяется в пространстве и во времени. Рождается и гибнет. Какая идея заложена в это бесконечное движение? Какая его цель? Земная биосфера. Как появилась она в этом бездонном вместилище?»

\* \* \*

Далёки звёзды, времени не хватит.

Пожалуй, нам до них не долететь.

Коротка жизнь, и смерть всех нас охватит.

Не даст глазком на мир тот поглядеть.

---

<sup>61</sup> Если вечером 4 января девушка выходила из избы и видела перед собой эти звёзды, это значило, что ей ещё год оставаться девицей...

Людское время!  
Ты слабей пространства.  
Ты поддаёшься силе скоростей.  
Тебе не суждено туда прорваться!  
Не покоришь ты космоса морей!

*Автор В. Земша 1981 г.*

Он смотрел на эти яркие далёкие недосыгаемые звёзды. На тот же самый «Пояс Ориона» или «Девичьи зори».

«Я, правда, не девица, да сегодня не 4 января, но раз «Зори» впереди, продлится моё холостячество, мож, ещё год, по меньшей мере, а мож, сгину в этих сопках?! – усмехнулся Александр. – Вот бы ещё знать, на какую звезду мне держать свой маршрут!».

Только вот не могло небо ему помочь найти нужный путь... – «где это чёртово стрельбище?! Так можно и в Китай ушлёпать! До границы-то всего семь километров, не больше!»

Александр напряг в мозгах все возможные знания в области ориентирования на местности, но почти тщетно, как ему казалось. Он продолжал наматывать своими огромными бело-серыми войлочными дальневосточными сапогами километры. Тропу он в темноте потерял уже давно. И теперь пёр как лось напролом. Хрустя, наступая на периодически встречающиеся островки снега, который слабо удерживался на этих практически голых сопках даже в «разгар» (а точнее – «размороз») дальневосточной зимы. Куда-то, где, как ему мерещилось, могло бы быть (абсолютно гипотетически) пресловутое стрельбище. Где его подразделение выполняло «Упражнение Контрольных Стрельб» ночью. А он, олух Царя небесного, шлялся в это время по сопкам! Но что ж. Это стоило того! Ведь ему недавно только «стукнуло» 20 лет. Он молод. Но живёт как зверь за забором уж четвёртый год!

А Любаша была мила... Недотрога! Или хотела такой казаться, кто знает. Он брал осадой её бастион уже целых четыре часа! И хоть белый флаг капитуляции, казалось, был давно уже выброшен, наверное, ещё там, во Владике, ворота войскам никто открывать не спешил! Пока... Её божественные локоны! Огромные бездонно-синие глаза! Её нежные ручки тонули в его больших ладонях. Ну что эти женщины любят в этих страшных волосатых небритых тварях-мужчинах?! Другое дело – нежное женское тело, источающее тепло и уют. Вызывающее восторг и умиление. Это бастион, который для того и создан, что бы терпеть поражение! И где победитель получает ВСЁ! И кто может обвинить юношу в его мыслях, полных похоти?! Кто может его обвинить в том, что он в эту минуту мало думал про её утончённую натуру, её хрупкую душу!?

\* \* \*

Всё речи да речи... Молчи, фарисей!..  
Никто не поверит, имея понятие,  
Что дети рождаются от жарких речей,  
От жарких речей, а не жарких объятий.

Душа да душа!.. Замолчи ты, ханжа!  
Мы тоже святые, но разве же худо,  
Что к женам нас манит не только душа,  
А женского тела горячее чудо!..

*Автор В.Д.Фёдоров*

И всё же, всё «чудо» её горячего тела было наполнено искренним светом её души...

«Составляют ли и тело и душа единый и однородный предмет – так же не следует доискиваться, как того, одинаковы ли воск и вылепленная из него фигура»

*Аристотель*

Вскарабкавшись на очередную сопку и начав очередной спуск, Александр, не веря своим глазам, радостно увидел огоньки, которые вдруг засветились перед ним. Но это были уже не «Девичьи зори»!

«Мишени! – в тот же миг пронзило его мозг. – Но где же вышка?»<sup>62</sup>

Взяв чуть в сторону, Александр отчётливо увидел тусклое свечение окон вышки впереди.

«Есть армейская примета, если далеко впереди тебя светятся огни вышки, а рядом – мишени, это значит, что жизнь твоя висит на волоске!» – даже не успел и подумать Александр.

– Чёрт! – выругался он, бухнувшись на землю.

Вовремя! В тот же миг раздалась короткая очередь. Несколько трассеров, для обозначения направления стрельбы стреляющему, пронзили темноту в сторону Майера. Визг пуль над головой придавал притомившемуся курсанту, вяло бухающему своими бахилами по кустам, недюжинную силу и он с крейсерской скоростью пополз на брюхе в сторону. Укрываясь в естественных складках местности...

– У вас нэ будэт закурит? – солдат в местах прожженном бушлате вопросительно сузил глаза на вылезшего из темноты кустарников совершенно бешеного курсанта.

– Держи, – Александр положил на свою большую ладонь пачку «Астры»<sup>63</sup>. Протянул. Затем наклонился, тяжело дыша, и сплёвывая густую, тянущуюся, с металлическим привкусом крови, слюну, выходящую, казалось напрямую из легких. Самому курить не хотелось...

– Явился всё же, курсант! – ротный хлопнул его по спине шубенкой. – Где тебя черти носили? Давай, проводи стрельбы дальше. Командуй на огневом рубеже. Я пошёл на вышку.

Трассеры пронзали холодную тёмную бездну, очерченную буграми сопки, проступающими сквозь кромешный мрак на фоне звёздного неба... Пусть знают китаёзы! Наша Армия не дремлет. И даст решительный отпор китайским полчищам фанатиков. И даже китайская тактика «людских волн», не щадящая жизни своих солдат, кидающая сотни и тысячи китайских бойцов на верную смерть, пока у врага не кончатся боеприпасы, не поможет им. С боеприпасами у нас всё в порядке! Это то, что местным крысам не по зубам! А сами мы голодные, грязные, рваные и ужасно злые! Так что не суйтесь, китаёзы, а то поплатитесь не только жизнью, но и вашей рисовой пайкой! – Новые сухие очереди пронзили ночь...

---

<sup>62</sup> наблюдательный пункт управления стрельбами, находящийся в тылу «огневой директрисы»

<sup>63</sup> сигареты без фильтра, выдаваемые на «табачный паёк»

## 1.25 (86.02.) Прошлое. «Обломки шаттла»

### Февраль 1986 г. Новосибирское ВВПОУ Танкодром

*25 февраля 1986 г. в Москве открылся XXVII съезд КПСС (до 6 марта).*

*Он утвердил новую редакцию Программы КПСС и «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986-90 годы и на период до 2000 года» (курс на строительство коммунизма) и Устав партии.*

БМП пыхтели, проворачивая траки в снежных сугробах. Минус 42 градуса по Цельсию. Сибирская зима запасла много снега на своих бескрайних просторах! Впереди как катер прокладывал трассу танк, поднимая облако снежной пыли. Влад переключился на пониженную передачу и поддал оборотов, трасса шла в гору. Нос БМП задрался вверх настолько, что в щели триплекса возможно было разглядеть только небо. Ещё мгновение, ещё и всё, высота взята. Нос БМП резко упал вниз. В то же самое мгновение Владислав увидел толстенный ствол берёзы перед собой. В рубцах, с лохмотьями висящей коры. Штурвал влево... Зашкалено Тимофеев со всей силы даванул «главный фрикцион»... Тормоз... Поздно! Бронированный нос БМП врезался в могучее дерево. Раздался глухой звон в ушах. По инерции, шлемофон, в котором была, между прочим, его голова, врезался в металлический короб триплекса.

«Удачно врезался! Слегка рассёк бровь. Набил шишку и только. Могло быть и хуже!» – подумал курсант.

– Твою мать!...!! Раздался мат инструктора. Он, явно не разделяя оптимизма Влада, морщился, держа двумя руками голову...

Если бы он сидел сверху, как обычно, он непременно бы попытался заехать пару раз валенком по шлемофону (т. е. голове) ученика, если бы сам не слетел, конечно. Но из командирского отделения сзади, он только матерился. Машина заглохла. Да ещё и застряла в сугробе. Вытаскивать пришлось танком. Впрочем, танк то и делал, что вытаскивал застревающие, а точнее тонущие в глубоком февральском снегу Боевые Машины Пехоты!

Курсанты, отведив своё, отморожено пристукивали валенками под вышкой.

– Да уж, явно не для Сибири создана эта техника! А если сюда сунет нос там «Бундесвер» или «Янки». Могила! Вот он где главный рубеж обороны Родины! Кхе, кхе, кхе!.. – вытирая шубенкой воспалённый красный нос, произнёс замкомвзвода, посмеиваясь вытянутой вперёд челюстью...

Взвод грелся возле электрического тена в единственном теплом помещении танкодрома. Одни, отогревшись, веселились, других жестоко рубила «фаза» сна. Тимофеев, подложив лист на полевую сумку, продолжил писать ранее начатое письмо домой.

*«...Ну, всё! Я уже прошёл партсобрание роты, партбюро батальона по приёму в кандидаты в члены КПСС, и теперь, после результатов парт комиссии, я – коммунист! Можете меня поздравить! А недавно, на огневой, кидали из окопа имитационные осколочные гранаты. Я кинул, а найти не могу. Мороз был под тридцать. Снег глубокий, сыпучий, перепаханый, так что следы не найдёшь. Ни следов, ни чего. Гранату кинул, пробежался в атаку, вернулся, а найти не могу. Замок обозлился, говорит, мол, отпуска лишу. Тут я кинул ещё одну гранату, посмотреть, куда полетит, а вдруг... Все видели, куда она упала,*

*а найти опять не можем! Но всё же в этот раз вскоре нашли обе. Рядышком лежали! Всё обошлось, но наряд получил. А как-то приехали к нам на полигон студенты. В шубах. Дурачатся. Странно на них смотреть. С комфортом в автобусах приехали. В тире из автоматов пальнули и с впечатлением на всю жизнь уехали. У них там военная кафедра, тоже лейтенантов потом получают! Смешно даже!*

*Да, в прошлом году постановление о мерах по борьбе с алкоголизмом встречено болезненным смехом. Многие держались за головы, кривили улыбки. А я был рад, вспоминая, как многие мучились тогда, когда даже на работе ты не человек, если не пьёшь со всеми! Сейчас уже есть реальные сдвиги. Теперь с бутылкой никого не встретишь. Правда есть и перегибы, откровенная дурость. Когда одни дураки объявляют безалкогольные свадьбы, а другие там из чайников пьют коньяк!*

*Когда со стажера ехали на поезде, такой случай был. Пожилая проводница спросила проходившего по коридору поезда солдата-демпеля.*

*– Сынок, будь добр, помоги мне растопить камин, а то чай подавать пора.*

*– Да пошла ты, я тебе чё, душара что ли.*

*Вот так, как на службе себя ведут, так и в обществе. Мы тогда помогли проводнице. Воспитывать нужно молодых людей, прежде всего в их семьях и в обществе. Без помощи общества, армии одной с их воспитанием трудно будет справиться.*

*Завтра у нас семинар по эстетике. А сейчас – на танкодроме, на возведении. Мороз ниже сорока. Рано утром в парке отогревали технику горячей водой. Вёдрами целый час таскали. Вот так моя учёба...», – Тимофеев отложил письмо, задумался.*

*Достал из кармана фото. Фото Сонечки. Он провёл пальцем по её милому личику.*

*«Сонечка!» – Тимофеев произнёс про себя. Казалось, что даже само её имя согрело его промёрзшее тело. В последнем летнем отпуске он вызвался проводить её домой после встречи выпускников.*

## **Прошлое** **Август 1985 г. Хабаровск**

– Сладкие были арбузы, – Сонечка, отодвинула тарелку с маленькими корками от словно карликовых, дальневосточных «корейских» арбузиков, которые здесь были очень распространены и которые продавали исключительно сами корейцы<sup>64</sup>.

– А пошли на Амур! – неожиданно вдруг предложил Влад...

Они шли по летнему городу. Было жарко и влажно. Так часто бывает летом в Хабаровске. Недавно прошли жуткие ливни, затопившие низины, такие как «Амурский бульвар». Но сейчас вода уж ушла, оставив лишь следы сего бедствия сырыми стенами домов. Они поднялись выше, мимо «Интуриста», подошли к старому зданию из красного кирпича, принадлежавшее Хабаровскому краеведческому музею.

Тимофеев подошёл к огромной каменной черепахе, погладил по панцирю.

– А ты знаешь, что когда нашли эту черепаху, – видишь, тут вот стесана надпись, – япощки подняли международный скандал!

– Скандал? Из-за черепахи? – удивилась Сонечка.

– Из-за неё!

– Хм? – она лишь пожала плечами, зевнула.

---

<sup>64</sup> Те, из многочисленного местных корейцев, предки которых переселились на Дальний Восток Российской Империи ещё в далёком 18-м веке, получив Российское подданство. Они были трудолюбивы и законопослушны. Сохраняя свою национальную идентичность, они отлично интегрировались в российское общество, став полноправными его членами. До Великой Отечественной войны, в некоторых районах Дальнего Востока, они составляли до 90 % местного населения. Однако Сталин частично отселил их в Среднюю Азию...

Но молодой человек не замечал, что девушке эта тема была совершенно не интересна.

– Понимаешь, там что-то было, вроде, по-японски начертано. А япошки же всегда имели к нам территориальные притязания. Ну, тут-то их учёные и начали скандал раздувать, выстраивая теории о принадлежности к японцам чуть ли не всего нашего Дальнего Востока. Прикинь! Ну, наши-то чекисты с местными краеведами тут быстренько эту надпись-то и стесали.

– Хм! – Соня шаловливо посмотрела на юношу. – А ты всем девушкам такие вот байки рассказываешь? Или я первая?

– Знаешь, ты первая, – смутился юноша.

– Странный ты какой-то, другие что-то веселенькое девушкам рассказывают, а ты про звёзды, про историю, про черепах... это слишком серьёзно как-то, слишком много информации у меня за этот день получено! Аж голова лопается! – девушка обхватила руками голову и, сделав «бух» губами, развели ладони в стороны.

Они шли молча по пирсу вокруг «Ласточкиного гнезда». Где в детстве он лазил по огромным валунам. Где внизу о скалы бились тёмные амурские волны в окружении жутковатых бурных омутов, покрывавших своими зловеще колышущимися тёмными от своей бездонности пятнами поверхность воды. Он держал её нежные пальчики.

– Ну, скажи, наконец, что я тебе нравлюсь!

– Ты мне очень нравишься, – он смело притянул к себе девушку, провёл ладонью по щеке, всё ближе к шее, к мочке уха... Приблизил своё лицо так близко, что поцелуй мог сорваться с их уст в любое мгновение... Но она отстранилась.

– Но-но-но! Какой ты шустрый. Я вовсе не это имела ввиду!

Он, удерживая её, всё же, убрал руку с её шеи.

– Ты стал таким мужественным! Тебя трудно узнать! – она привстала на цыпочки. – Слушай! А ты выше меня на целую голову!

Тимофеев лишь пожал плечами.

– Мне раньше казалось, что ты маленького роста.

(Так обычно и случается. Вчерашние школьные «серые мышки» и «гадкие утята» взрослеют и превращаются в «белых лебедей».)

– Нет. С тех пор я почти не вырос. А ты вот стала ещё красивее. Хотя ты мне всегда нравилась.

– Правда? Да-а-а? Да-да! Я знаю. Верно! Я помню твою смешную записку!

– Помнишь!? Только тебе нравился Лозовик, а меня ты не замечала. Кстати, а где он сейчас?

– А-а! – махнула рукой Сонечка. – Он был тогда прикольным пацаном. Сейчас он, вроде, водилой где-то работает. На УПК<sup>65</sup> водительские права-то получил. Ну и вот. Не знаю точно. Мы не встречаемся больше. Давно уже не встречаемся!

– А он что в Рязанское ВДВ не поступил что ли?

– Не-а.

*(Так бывает. Вчерашние «разбитные пацаны», мало уделяющие внимания учёбе, по которым стонет полшколы девочек, в реальной жизни, оказываясь на более низкой социальной ступени, теряют свою привлекательность. Ибо, само время расставляет свои точки над «и».)*

Владислав остановился. Повернул лицо Сонечки к себе. Аккуратно убрал с её ушка нежный локон. Провёл снова пальцем по щеке. Не получив в этот раз отпора, смелая, аккуратно взял обеими ладонями её пылающее лицо. Прикоснулся губами бережно к её аккурат-

<sup>65</sup> Учебно-производственный комбинат. В период 9-10 классов, все школьники, в обязательном порядке, получали рабочие специальности.

ному носику, нежному подбородку, мягко касаясь пальцами мочек её маленьких ушек. Провёл ладонью по шее вниз. Почувствовав лёгкий трепет её тела и участившееся дыхание, он прикоснулся губами к её приоткрывшемуся рту. Она жадно подалась ему навстречу, и они забыли обо всём на свете...

– Я... тебя... люблю... – прошептал юноша.

– Я знаю, – кокетливо улыбнулась девушка, откинув голову набок.

– А ты?.. – он замер в ожидании.

– Да, наверное, – она пожала плечами, улыбнулась и обвила его за шею, притянув к себе для полного страсти поцелуя...

Тускло светили уличные фонари, вокруг которых роились насекомые. Молодым людям казалось, что всё мироздание в эту минуту вращалось только вокруг них двоих. Влад потянул Сонечку за руку, увлекая под густую сень деревьев. Теплый ночной ветерок всколыхнул её ситцевое платьице... А жадная до ласк рука курсанта ловко скользнула вниз, с трепетом, едва погрузив пальцы в персиковую мякоть...

\* \* \*

Твои глаза меня пленяют,  
Твои уста полны любви.  
И страстью сердце наполняют  
Твои прелестные черты.  
И в грёзы дальше погружаясь,  
Твоих волос волну любя.  
Я их дыханьем наслаждаюсь.  
И воспеваю я тебя!..  
Заката алости блистают.  
Манят любовный лунный свет.  
И с таин пелена спадает...  
И проклиная я рассвет!..

*Автор В. Земша 1984 г.*

## **Февраль 1986 г. Новосибирск**

Смеркалось. На БМП установили приборы ночного видения<sup>66</sup>.

– По машинам! – прозвучала команда. Очередная группа курсантов бросилась к БМП. Бежали, мандражируя внутри от волнения. Тяжело бухая валенками по глубоким сугробам.<sup>67</sup>

У Тимофеева обледенелые пальцы ног больно впивались в носок валенка. Вдобавок снег забивался внутрь сквозь дырку под пяткой, прикрытой наспех сложенным в несколько раз листом бумаги из старых конспектов по ППР. Схватившись бесчувственными полумороженными, в обледенелых коричневых армейских перчатках пальцами за звенящую стужей броню. (*Если схватить за неё голой рукой, та может крепко прихватиться морозом к коже.*) Тимофеев влез в отсек механика-водителя, задвинул люк. Начал в темноте на ощупь

---

<sup>66</sup> Что за дрянь! Разве можно в них что-то разглядеть! Все советские ночные приборы имели дохлые аккумуляторы, зарядка их занимала уйму времени и сил. Половина барахла. Они засвечивались от яркого света, были очень грубы и деликатны одновременно.

<sup>67</sup> Некоторые из тех, кто обладал ступнями 43-го и более размера, почему-то такого дефицитного для валенок, вынуждены были влезать в 42-й, 40-й, или даже в 39-й! Такие бежали, странно прихрамывая, как-то почти на цыпочках.

дрожащими бесчувственными пальцами вверх-вниз переключать тумблера, запускать бензонасос, маслонасос, и т. д. это тебе не Жигуль, где провернул ключ и – порядок!

– Кто придумал делать это всё по-отдельности! – подумал курсант, щёлкнув последним тумблером...

Сердце ёкнуло. Что-то зажужжало. И он начал дрожащими руками настраивать радиосвязь с вышкой. Время отщёлкивало секунды. Через полминуты должен прозвучать доклад о готовности! В нос ударило соляжкой... Двигатель запустился! Слава богу!

– Ни черта не видно! – подумал курсант, глядя в ночной прибор и покрываясь холодным потом.

– «Третий», доложить о готовности, я «вышка», приём!..

– «Вышка», я «третий», к движению готов, я «третий», приём!..

– Марш! – прозвучала команда.

Курсант Тимофеев нажал главный фрикцион (сцепление), переключил рычажок передачи, расположенный справа от штурвала, и, резко бросив педаль фрикциона, поддал щедро обороты. Машину рвануло по снегу. Траки замолотили по снежной целине. Машина развернулась почти на месте, обдав всё вокруг мощным облаком снежной пыли. Практически на ощупь определяя в прибор среди тёмно-зелёного фона вокруг светло-зелёные снежные трассы... Все движущиеся объекты в приборе расплывались, сопровождаясь ярко-зелёной паутиной линий. Яркие точки фонарей с вышки светлозелёными светящимися шлейфами «засвечивали» прибор ночного видения.

– Обороты! Обороты! – орал инструктор сквозь скрежущий рёв двигателя.

Вскоре прибор совсем сдох. Не в силах более что-то различать вокруг, Влад сдался, откатил в сторону люк, зафиксировал<sup>68</sup> его и высунулся наружу.

– Ладно, давай по-походному! – согласился солдат-инструктор.

Дальше следовали по-походному. Различая в кромешной мгле только контуры деревьев. Вдруг путь осветило что-то очень яркое сверху, выглянув из-за угрюмых макушек деревьев. Свечение словно наполнило пространство вокруг. Влад поднял голову. Какая огромная луна! Невероятное что-то! Машина уверенно рассекала ночную темноту сибирского леса без фар и прожекторов, как и положено при ночном вождении с приборами ночного видения. Тимофеев напряжённо всматривался в темень, которая уже и не была кромешной вовсе. Спасибо луне! Она здорово заменила вышедший из строя прибор каким-то чудесным образом... Но некогда рассматривать небо. Нервы напряжены до предела...

\* \* \*

Прозвучали последние доклады о выполнении учебных заданий, о показаниях спидометров и температуры масла в системах... всё по Уставу. Взвод был полностью построен и готовился, после завершающей преподавательской речи и разборок со стороны «замка» (замкомандира взвода), погрузиться в тёплое чрево БТР. БМП выстроились в отдельную колонну, ими управляли солдаты-инструкторы, они же механики-водители. Сопровождающий колонну танк уже ожидал в её голове. Гусеничная техника, в отличие от колёсного БТР, не могла передвигаться по цивилизованным дорогам, без ущерба для оных, поэтому их пути на этом расходились! Курсанты пристукивали валенками, желая разогнать хоть как-то застывшую в ногах кровь, которые уже теряли свою чувствительность от обморожений. Вытягиваясь в «стойке пингвина», они глядели мутными уставшими отмороженными взглядами

---

<sup>68</sup> Если люк не зафиксировать, то при любом значимом рывке, тяжёлая бронированная крышка поедет назад и отсечёт как ножницами голову с абсолютной лёгкостью, что, к сожалению, хоть и крайне редко, но иногда и случается с нерадивыми или невнимательными механиками – водителями, царствие им небесное!..

дами на своего препода, на уныло болтающуюся под фонарём брезентуху солдатской плащ-палатки с карманами для «наглядной агитации», где красным фломастером было аккуратно выведено «XXVII-й съезд КПСС»...<sup>69</sup>

Под прожекторами бугрился снег. Ярko горели созвездия.

– Смотрите! Туда! – вдруг раздался возглас одного из курсантов.

– Да это обломки Шаттла<sup>70</sup>! – пошутил другой, демонстрируя остроумие.

– Что это? – все заворожено смотрели на темное в звёздах небо.

Словно из-за тумана. (И это-то на безоблачном то небе!) Над макушками деревьев нависла огромная луна! Яркое небесное тело двигалось прямо на них. Окружённое большой светящейся сферой, оно остановилось. Рывок. Остановка. Снова рывок. Медленно, но в то же самое время как-то мощно... Все замерли. Это была не луна! Чёрт побери! Ни кто не верил своим глазам! Все словно оцепенели.

«Так вот то, что мне светило в пути!.. – подумал Влад. – Невероятно!..»

Шар развернулся, превратившись в полусферу. Всё это словно чудо снизошло на землю! Будто ожил фантастический фильм. И тут неожиданная команда:

– По места-а-ам!!! – прервала это шокирующее зрелище.

Препода явно не разделял любопытства своих учеников. От объекта отделились несколько шариков светло-красного цвета, разлетаясь по сторонам... Но люки БТРа захлопнулись. Замороженных курсантов обдал желанный горячий воздух от двигателей и машина двинулась в училище. Владислав, как вероятно, самый любопытный, привстал, приоткрыл боковой люк, взглянул в последний раз на небесное представление. В ту самую минуту яркий луч света сверху ослепил его на миг... Он свалился в горячее чрево машины под ругань «комотда» (командира отделения), плотно захлопнув люк. Голова болела, от яркой вспышки, глаза, казалось, были наполнены песком. Под горячим теплом двигателей лица курсантов словно распирало горячими потоками крови изнутри. Они распухали. Тела с дрожью, отдавали тёплому воздуху, напитавших их тела до самых костей, холод. Веки тяжелели. И курсанты вырубались, сваленные как попало друг на друга. Никто не обратил внимания на корчившегося Тимофеева, вдавливающего ладонями свои глаза. Руки, ноги в обледенелых бушлатах, валенки, противогазные сумки. До новых встреч, танкодром! На этот раз ты всех поразил своим великолепным небесным шоу! Испытывая жжение, Тимофеев, следуя общей тенденции, сомкнул всё более тяжелеющие веки. В глазах медленно плыла снежная бугристая трасса. Так бывает всегда, когда перед сомкнутыми глазами проплывают картинки пережитого за день. Перед глазами Тимофеева траки БМП монотонно молотили снег... Вдруг яркий луч прожектора снова ослепил его...

## Сон

Влад вглядывался в прибор ночного видения, слышен был стрекочущий лязг траков БМП по асфальту. Фонари ослепляли, создавая массу светло-зеленых шлейфовых полос. Нос машины был задран, как у катера. И семнадцатилетнему курсанту с трудом удавалось рассмотреть улицу, с толпами каких-то людей, которые кричали ему что-то. Невозможно было разобрать что именно. В шлемофоне сквозь треск радиопомех, прозвучал голос командира с вышки:

---

<sup>69</sup> На XXVII-м съезде КПСС в феврале 1986 года Михаил Горбачев впервые заявил о начале работы над планом поэтапного вывода советских войск из Афганистана.

<sup>70</sup> 28 января 1986 – катастрофа американского космического корабля «Челленджер», взорвавшегося на старте с семью астронавтами на борту. М.С. Горбачев выразил соболезнование американскому народу в связи с трагической гибелью шаттла. Советские ученые предложили назвать два кратера на Венере именами двух погибших американок – Кристы Макко-лифф и Джудит Резник.

– «Третий», доложить о выполнении задачи, я «вышка», приём!

Тимофеев почувствовал, как покрывается холодным потом его спина. Как «собака Павлова», он реагировал на голос преподавателя.

– «Вышка», двигаюсь в городе, потерял танкодром! Я «третий», приём!

– «Третий», ориентир – «белый дом», как поняли меня, я «вышка», приём.

– «Вышка», я «третий», вас не понял, какой белый дом?..

– Это приказ! Но! Что бы там ни было, оружия не применять, сынок! Это от меня тебе лично! Понято?

– Ника-а-ак, – «полная белиберда!» – подумал про себя курсант, а вслух ответил. – Так точно!

Гулкий удар камнем по броне поставил точку в этой радиобеседе. Следом посыпались один удар за другим. Каждый раз Влад нервно вздрагивал. В щель прибора он слабо различал фигуры каких-то молодых людей, довольно агрессивно настроенных. Он остановил машину, обдав стоящую толпу людей облаком чёрного выхлопного газа.

В эту же минуту запахло гарью. Машину явно подожгли!

– Чёрт! Уроды! Да кто вы там такие!?! Фашисты недобитые! Буржуи хреновы! – Влад рассвирепел.

БМП резко дёрнулась. Скрежеща гусеницами по асфальту, грозная машина развернулась почти на месте. Раздались вопли. Крики ужаса и ярости.

Сквозь прибор ночного видения прямо перед собой Влад увидел яркую зелёную вспышку горящего автобуса, лежащего на боку. В ту же минуту что-то снаружи накрыло прибор, видно накинули тент, и для курсанта наступила мгла. Лишь вонючая гарь наполняла корпус машины.

– Вылезай, сука! – орали снаружи.

– Врешь! Я вам щас задам! – Тимофеев поддал обороты и, ослеплённый, на полном ходу влетел прямо в горящий автобус. Яркая вспышка! И горячая волна обдала его...

...В следующую минуту он летел над городом. Это был большой город. Незнакомые улицы, шли отдельные группы людей. На крышах домов – так же сидели кучками люди. Некоторые смотрели на летящего над ними Тимофеева, но, к удивлению самого Тимофеева, их не сильно удивлял вид летающего человека.

Некоторые что-то кричали ему вслед. Влад опустил на крышу, которая напоминала собой жилую комнату. Люди внутри смотрели телевизор. Шёл какой-то балет. Наверное, «Лебединое озеро». Влад оттолкнулся от пола, расслабил тело и стал снова медленно подниматься вверх.

– Горбачёв отстранён от обязанностей по состоянию здоровья! – произнёс мужчина в летах, сидя в кресле.

– Он очень серьезно болен? – спросила его балерина, танцующая в телевизоре.

– Очень больна страна, которой он управляет. Близится крах. Крах всего!

– Товарищ Пуго, но ведь у нас перестройка! – балерина хлопала глазами из телевизора, – ведь у нас расцвет демократии! Ведь это он, тот самый, который и совершил перестройку!

– Милая наивная девушка! – пожилой человек, которого балерина называла Пуго, привстал, – перестройку совершил не он! И то, что вы называете громким словом «демократия», фикция, граничащая с анархией и беззаконием! Страна, огромная страна уже дышит на ладан!..

Тимофеев, плавая, как в невесомости, попытался заговорить, но на него никто не обращал никакого внимания.

Человек, который именовался Пугой, достал из стола пистолет...

Влад вылетел на улицу и услышал за спиной выстрел...

«Вместо тепла – зелень стекла, Вместо огня – дым, из сетки календаря выхвачен день, – громко звучала песня, – Красное солнце сгорает дотла. День догорает с ним. На пылающий город падает тень. Перемен! – требуют наши сердца. Перемен! – требуют наши глаза. В нашем смехе и в наших слезах, И в пульсации ве-е-ен: «Переме-е-ен! Мы ждем пе-ре-мен!»

– Если бы Ленин был жив! Может и не пришлось бы ничего перестраивать?! – негромко спросил кто-то из соседнего окна.

– Слава богу! Слава богу! Ну, наконец-то отстранили «меченного»! – причитала какая-то бабка на улице.

– Это Андропов начал перестройку. И то оттого, что вся страна этого хотела. Все были недовольны и понимали, что дальше так жить нельзя! – выступал какой-то мужчина.

– Вы арестовали Главу нашего государства! А он дал нам свободу! – перечил ему мужчина с бородкой в очках, – вы хотите лишить нас свободы!

– Свобода, любезнейший, это... да собственно, а что такое свобода?! От чего свободу!? Он продуктов на полках магазинов, от крыши над головой, от порядка на улицах? От чего, любезный?

– Он дал вам, неблагодарным, свободу. Он вас просил об инициативе и творчестве. Он давал вам возможность брать столько свободы, сколько вы сможете унести!

– Да! Точно! И вы, стоящие у «кормушки», этим пользовались! Тащили каждый столько, сколько кто мог заграбастать! Только вот обычные честные люди остались нищими! Перестройкой, уважаемый, нужно управлять. Людями нужно управлять. Представьте себе, придёт ваш начальник сейчас на работу, и скажет подчинённым, – «делайте что хотите, вы, товарищи, свободны отныне! Хотите – работайте, хотите – спите. Гребите, кто сколько хочет! Кто и как может, а я пошёл!» – что тогда будет?!

– Да вы просто коммуняка! Вы все, коммуняки – фашисты! Красно-коричневые! – рыжеватая бородка нервно затряслась...

Тимофеева покорила последняя фраза, он попытался возразить, но его язык словно прилип к небу. Лишь нечленораздельный шёпот. Рыжебородый посмотрел на него.

– А-а-а! Подслушиваешь!? И ты – коммуняка-а-а!? Кругом вы! Не вздохнуть без вас ни пё...ть, – он стал пихать Тимофеева своим скрюченным длинным костлявым пальцем в бок, – ... давай, вылезай! Хорош дрыхнуть!

\* \* \*

– Тимофеев! Подъём! Хорош «массу топить»<sup>71</sup>! Мы уже в училище! – комод пихал Тимофеева в бок автоматом...

---

<sup>71</sup> Спать

## 1.26 (87.09.29) «Долина роз»

### Сентябрь 1987 г. д. Ликавка, близ г. Ружомберок Полигон, развалины старого замка

– Таварыш лэтенант! Хотыте, мы Вас тоже сфотографируем!?! – рядовой Загиров показал пальцем на маленькую каменную площадку за спиной, ловко балансируя по стене полуразрушенного замка, расположенного напротив полкового полигона, примерно в километре от Ружомберка, в маленькой деревне с чудным именем Ликавка.

– Меня? Я... – Тимофеев замаялся. Его явно пробирала дрожь от одной мысли пройти по этой узкой стене, шириной всего в четыре кирпича, с выбоинами. Остатки крепостной стены замка возвышались на вершине горы. С одной из сторон был обрыв. Высоченные сосны внизу смотрели на него своими косматыми пиками, словно ухмыляясь. Почувствовав, видно, нерешительность офицера, Загиров посмотрел на него, не моргая, с едва ехидным прищуром.

– Бойтесь, что ли? – Загиров перекинулся взглядом с сержантом Ахмедовым.

– Это ещё почему? Сфотографируюсь! С удовольствием! – Тимофеев покраснел, но, собравшись духом, и совершенно не желая опозориться, решительно стал продвигаться по стене, стараясь не смотреть вниз. Его взгляд был прикован лишь к этой площадке впереди.

– Отлично, товарищ лейтенант! – Загиров сделал пару снимков, всем видом выражая уважение лейтенанту, решившемуся на опасную «фотосессию».

– Товарищ лейтенант, пойдёмте, там есть родник! – предложил Ахмедов, потрясая пустой флягой.

Для этих горцев, аварца Ахмедова и чеченца Загирова, высота была обычным явлением, привычным, видимо, с раннего детства, они не снимали перед ней шляпу, не кланялись ей, лишь выражали сдержанное восхищение, не более, чем резвому объезженному жеребцу.

Тимофеев попытался подняться, но почувствовал, что его зад буквально прирос к камню. Ноги, ставшие словно ватными, отказывались подниматься.

«Зря я сел, – подумал лейтенант, – теперь не встану».

Проблема вокруг противно кружила голову, притягивая к себе, словно магнит. Теперь, будучи не в силах встать, он мог карабкаться только лишь на четвереньках, ища опору на четыре точки.

– Товарищ лейтенант! Пойдёмте?! – уже вопросительно повторил Ахмедов.

– Красотища-а! – воскликнул бодро Тимофеев, подняв руки вверх. – Я ещё посижу здесь... давайте, сержант, что замерли?! Идите, стройте роту! Живо! – добавил он суровым тоном, не терпящим сомнений. Когда Загиров с Ахмедовым исчезли с поля зрения, Тимофеев медленно оторвал зад от камня. Стараясь не смотреть вниз, он медленно делал шаг за шагом дрожащими ногами. Пот проступил у него от волнения. «Спокойствие! Только спокойствие!» – бубнил он себе под нос. Да уж, путь назад оказался куда сложнее!

– Тимофеев! Да-ну! У тебя, братишка, что, крыша совсем съехала набекрень? Ты что как обезьяна по стенам лазишь? Бойцам дурной пример подаёшь? – вдруг появился ротный...

– Да вот, окрестностями люблюсь! – лицо Тимофеева могло бы покраснеть, но оно и без того было багровым...

Он сделал последний шаг и спрыгнул со стены.

– Знаешь, с этой площадки, наверно, где ты только что стоял, говорят, бог весть сколько лет назад, некий герцог замочил из лука свою сбежавшую невесту. Вон там, по той долине она бежала от него.

– Зачем бежала-то?

– А бог её знает! Замуж, видно, не хотела. Граф, видно, был ещё тот супчик! Видно не молодой уже был, да падкий на юных девиц, как и многие другие стареющие графы, да и не только графы... Когда мужик стареет, он боится, что вот, всё, скоро уже на «пол шестого», так нужно, пока не пробил час, оторваться по полной! Так вот, она не по своей воле за него выходила, видимо. А кто тогда по своей-то воле выходил замуж? Либо из-за денег, либо из-за имени, либо из-за юного тела! Это тебе не как сейчас, когда всё по любви, как правило. Тогда многие девицы сами за толстые старые кошельки выскакивали! Продавались, по сути! Даже пресловутые рыцари, которые, как дамы думают, дрались на турнирах за них, а на деле, просто дрались за титулы, честь, социальный статус. Женщины же всегда были лишь призом победителю, но не целью турнира, как дамы сегодня наивно полагают! Кто тогда спрашивал даму, согласна ли она! Так, всего лишь безмолвный приз на волю победителя! Где уж тут любовь! Мужчины бьются и сейчас, только в приз им так откровенно женщин не предлагают. Ведь сегодня женщина имеет равные права с мужчиной. Хотя, женщина была призом для мужчин и тогда, и где-то сейчас им и остаётся. Только уже добровольным, по любви или по расчёту. Просто менее цинично, или на Западе, наоборот, даже более цинично. Но всё же и тогда некоторые женщины, как и сейчас, всё же хотели любить! Только тогда редко кто имел права на такую роскошь, как брак по любви.<sup>72</sup>

---

<sup>72</sup> Брак обуславливается классовым положением сторон, и, поэтому, всегда бывает браком по расчёту. Этот брак по расчёту... довольно часто обращается в самую грубую проституцию. Иногда обеих сторон, а гораздо чаще жены, которая отличается от обычной куртизанки только тем, что отдаёт своё тело не так, как наёмная работница свой труд, оплачиваемый поштучно, а раз навсегда продаёт его в рабство. И ко всем бракам по расчёту относятся слова Фурье: «Как в грамматике два отрицания составляют утверждение, так и в брачной морали две проституции составляют одну добродетель». Половая любовь может стать правилом в отношениях к женщине и действительно становится им только среди угнетённых классов... Здесь нет никакой собственности... здесь нет поэтому никаких побудительных поводов для установления господства мужчин... Крупная промышленность оторвала женщину от дома, отправила её на рынок труда и на фабрику, довольно часто превращая её в кормилицу семьи. В пролетарском жилище лишились всякой почвы последние остатки господства мужа, кроме разве некоторой грубости в обращении с женой... Если женщина выполняет свои частные обязанности по обслуживанию семьи, она остаётся вне общественного производства и не может ничего заработать, а если она хочет участвовать в общественном труде и иметь самостоятельный заработок, то она не в состоянии выполнять семейные обязанности... Первой предпосылкой освобождения женщины является возвращение всего женского пола к общественному производству... Половой свободы, присущей групповому браку, всё более и более лишаются женщины, но не мужчины. И действительно, групповой брак фактически существует для мужчин и по настоящее время. То, что со стороны женщин считается преступлением и влечёт за собой тяжёлые правовые и общественные последствия, для мужчин считается чем-то почётным или, в худшем случае, незначительным моральным пятном, которое носят с удовольствием... Среди женщин проституция развращает только тех несчастных, которые становятся её жертвами, да и их далеко не в той степени, как это обычно полагают. Зато всей мужской половине человеческого рода она придаёт низменный характер... С превращением средств производства в общественную собственность... домашнее хозяйство превратится в общественную отрасль труда. Уход за детьми и их воспитание станут общественным делом. Общество будет одинаково заботиться обо всех детях, будут ли они брачными или внебрачными. Благодаря этому отпадёт беспокойство о «последствиях», которое в настоящее время составляет самый общественный момент, – моральный и экономический, – мешающий девушке, не задумываясь, отдаться любимому мужчине. Не будет ли это достаточной причиной для постепенного возникновения более свободных половых отношений, а вместе с тем и более снисходительного подхода общественного мнения к девичьей и к женской стыдливости?.. В древности... если же любовные связи действительно возникали между свободными гражданами и гражданками, то только как нарушение супружеской верности... Современная половая любовь существенно отличается от простого полового влечения, от эроса древних... Мы можем теперь предположить о формах отношений между полами после предстоящего уничтожения капиталистического производства... Но что придёт на смену? Это определится, когда вырастит новое поколение мужчин, которым никогда в жизни не придётся покупать женщину за деньги или за другие социальные средства власти, и поколение женщин, которым никогда не придётся ни отдаваться мужчине из-за каких-либо других побуждений, кроме подлинной любви, ни отказываться от близости с любимым мужчиной из боязни экономических последствий. Когда эти люди появятся, они отбросят ко всем чертям то, что согласно нынешним представлениям им полагается делать. Они будут знать сами, как им поступать и сами выработают соответственно этому своё общественное мнение о поступках каждого в отдельности, – и точка... До средних веков не могло быть и речи об индивидуальной половой любви. Само собой разумеется, что физическая красота, дружеские отношения, одинаковые склонности и т. п. побуждали у людей различного

– Так-то вот! – продолжал ротный. – А долина та была вся сплошь засажена красными розами. Герцог понял, что ему её уже не догнать. Взял лук, стрелу. Бац! И вот, лежит она в розовом поле. Метким стрелком был герцог!

– Так граф-то был или герцог?

– А чёрт его знает! Важно другое-то, что был он отличником боевой подготовки! Про его же политическую подготовку, извини комиссар, я толком ничего не знаю, – ротный расмеялся.

– Так вот. В груди стрела. А на её черенке – красный бутон. Подцепила цветок, прикинь, пока летела.

– Да уж. Печальная история! Красные розы. Кровь. Любовь. Ненависть.

– А ты думал, почему герб Ружомберка – роза, пробитая стрелой?

– Да не задумывался я.

– Всегда, комиссар, задумываться нужно. Всегда! Особенно, когда такие дурацкие поступки совершаешь. А то ведь, могла сейчас новая драма разыграться тут. Жутко представить себе, какой мог бы стать тогда герб города! Вместо стрелы – сосна. А вместо розы – советский лейтенант на сосне, на радость местной контре! – ротный засмеялся в усы.

– А как название города переводится, знаешь? – продолжал он.

– Долина Роз?

– Точно! Так что готовься, комиссар, с «манами»<sup>73</sup> политзанятие проводить! Про историю города. А заодно инструктаж по технике безопасности... чтоб по стенам больше никто не лазил! Ясно? – ротный поднял вверх указательный палец. И так посмотрел чёрными глазами на лейтенанта, что у того екнуло в груди. Тимофеев оглянулся. Посмотрел на замок, на стены, на площадку. Удивительно, что когда-то именно здесь и разыгралась эта драма, если верить передаваемой из уст в уста легенде. Он прочувствовал её, можно сказать, собственным задом. Не романтично звучит. Зато правдиво.

\* \* \*

Пообедавшая рота лежала на травке, сыто отрыгиваясь солдатским хавчиком. Некоторые продолжали вытирать травой свои пустые котелки. Урсулов, с группой земляков, что-то упоённо завывал на узбекском. Чеченец Загиров что-то молча рассматривал вдалеке в гранатомётный прицел...

– Хараша шайтан-труба!

*(Кто бы тогда мог и подумать, что спустя несколько лет, тот самый Загиров вероятно будет расстреливать из такой вот «Шайтан-трубы», таких же вот, как и он сейчас, мальчишек, отдающих свой воинский долг Родине на срочной службе...)*

Сержант Ахмедов, сбив пилотку на затылок, жевал соломинку, наблюдая за происходящим, словно пастух...

Старший лейтенант Сидоренко убыл к комбату. Старослужащие солдаты – Садыков, Рахманов и Зайцев снисходительно улыбались в адрес замполита. Они были старше и чувствовали себя на правах «покровителей» этому зелёному лейтенанту, подсказывая ему некоторые нюансы, важные, как казалось этим матёрым «дедушкам», отсчитывающим свои последние армейские деньки до Приказа.

---

пола стремление к половой связи... но от этого до современной половой любви ещё бесконечно далеко... Та скромная доля супружеской любви, которую знает современность, – не субъективная склонность, а объективная обязанность, не основа брака, а дополнение к нему. (Из работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».)

<sup>73</sup> так ротный «нежно» именвал бойцов

– Вы, товарищ лейтенант, пока тут суть да дело, лучше спортивные соревнования проведите, точно вам говорю, – предложил тоном покровителя Зайцев, – а то народ заскучал...

– У меня и мячик есть! – Рахманов сдвинул пилотку на нос, закинув голову назад.

– Мы вам, таварыш лейтенант, дурного нэ предложым! – присоединился к уговорам Садыков.

– Ладно, играйте пока до политзанятия! Только чтобы всё как положено было! – согласился лейтенант.

– Классно! Будет всё как нада!

– Погнали!

– Слоны, подъём! – солдаты радостно раскачивающимися походками направились в сторону лениво прохлаждающихся бойцов. Рахманов с важным видом вертел в руке мяч...

Тимофеев посмотрел им вслед, подложил полевую сумку под конспект, подбирая подходящий материал для очередного политзанятия. Он наткнулся глазами на свои прошлогодние курсантские вольные записи о борьбе Партии с хищениями госсобственности<sup>74</sup>: «а может про это так же «подковать политическое сознание» бойцов, помимо истории города и техники безопасности?» – озадачил он сам себя.

«Что ж, очень важная и интересная тема. Хоть и прошло уже полтора года, но актуальность не утрачена», – подумал Тимофеев и написал: «Тема политзанятия: «Борьба партии с хищениями госсобственности», – затем, вспомнив наказ ротного, почесал затылок и добавил. – Тема № 2 «История города Ружомберка», – снова задумался, и дописал: тема № 3 «Соблюдение мер безопасности»... Неподалёку слышались глухие удары по мячу, возбуждённые крики бойцов, увлечённых игрой в волейбол...

---

<sup>74</sup> Из выступления ст. сов-ка юстиции тов. Чистякова на Пленуме московского горкома. ...В настоящее время развернулась борьба с хищениями госсобственности... Вскрыта «золотая жила»... Ущерб – миллиарды рублей... В Узбекистане Министерство Хлопковой промышленности полностью находится «под колпаком»... Вскрыты липовые герои труда. Дважды герои, которым ставились бронзовые бюсты. Ряд Секретарей обкомов взяты «за горло». Миллионы рублей присвоены. Некоторые из них сами «перекрыли себе клапан» до расследования. В Ростове вскрыта группа, отправлявшая дальневосточные консервы на экспорт частным путём. Ущерб – миллионы. И ряд других случаев хищений народного добра... В Афгане органы власти по экспорту поставляли контрреволюции посылки, за что приговорены к высшей мере наказания местной властью... Партия на деле проводит принципы, принятые съездом по борьбе с нетрудовыми доходами, для соблюдения социалистической законности...

## 1.27 (86.02.) Прошлое. «Приказано забыть!»

### Февраль 1986 г. Новосибирское ВВПОУ Расположение 20-й роты после ночного вождения

Канцелярия роты. Встроенный из ДСП шкаф на всю стену, стол, стул, кровать ротного, бюст Ильича, портрет министра обороны Соколова и генсека Горбачева.

– Товарищи курсанты! Что вы видели сегодня над танкодромом? – препод с внимательным прищуром, но почти по-доброму всматривался в распухшие от мороза после ночного вождения лица курсантов.

– Товарищ подполковник, а что это было? Может, инопланетяне?! – неуверенно произнёс кто-то. Командир роты, майор, сидел на столе канцелярии, усмехаясь как-то в нос.

– Короче, слушайте, ребята, меня внимательно! – подполковник сделал паузу, – вы сегодня ничего ТАКОГО не видели! Вы меня поняли?

– Но почему, товарищ подполковник? Мы же видели! – как-то обиженно, раздосадовано, почти по-детски, произнёс кто-то из строя.

Подполковник резко развернулся на голос.

– Ты что, курсант, комсомолец, что ли? Не тупи! Я повторяю. Вы ничего не видели ТАКОГО! Если хотите получить объяснение, то вот, получайте – это был самый обычный «метеозонд». Мы уже связались с Академом<sup>75</sup> и нам подтвердили компетентные лица. Но! – он поднял палец вверх, – если будете распространять нездоровые слухи по училищу... – тут он замолчал, как бы выбирая, что же будет тогда.

– Короче, вы меня поняли?.. Не слышу!

– Так точно, товарищ подполковник!..

Курсанты в недоумении вышли из канцелярии.

– А что такое «метеозонд»?

– А чёрт его знает!

– А почему мы не должны говорить?

– А ты у него спроси!

– У кого?

– Спроси у полковника! Полковнику всегда известно всё!

С тех пор так и повелось, видимо, на каждый сложный вопрос давать такой ответ: «А вы спросите у полковника!»

Но, так или иначе, курсанты ещё с неделю пошептались, да и в действительности забыли про происшествие. Будто и небыло ничего. Будто кто-то умышленно стёр эту небесную картинку в их мозгах. Странно всё это! Очень странно! Кого из участников «дива» Влад не спрашивал после, те лишь вяло и неохотно пожимали плечами, – то ли да, а то ли и нет. Мутно как-то всё. Ну, не идиот же он, что бы выдумать это всё! А вы как думаете?..

Но о чём бы ни думали Вы, курсант же всегда думает о своей девушке. Далёкой или близкой, существующей или вымышленной. Так и он, курсант Тимофеев, не думал более об этом происшествии на танкодроме. Его голова была полностью наполнена амурными переживаниями, навеваемыми тёплыми воспоминаниями прошлого, так нужными в этом сибирском краю. В памяти был амурский пирс вокруг «Ласточкиного гнезда», тёплый ночной ветерок, густая сень деревьев, страстные Сонечкины глаза под тусклым светом уличных фонарей...

<sup>75</sup> Новосибирский Академгородок

\* \* \*

Как сильно я тебе люблю.  
Твой милый образ вспоминаю,  
Его в душе боготворю,  
И дни разлуки проклиная.  
Свою любовь храню в себе,  
Твои слова: «люблю, наверно».  
Простой я смертный на земле,  
но чувство свято, несомненно.  
Никто, поверь, моя родная,  
меня не сможет ослепить,  
Твой нежный взгляд я воспеваю,  
И мне его не позабыть!

*Автор В. Земша 1986 г.*

В ту ночь Влад, впрочем как и другие, отрубился, едва коснувшись щекой подушки. Дежурное освещение ярко било со стороны ружейной комнаты, освещая как днём, кровати у коридора. Бродили дневальные, с тряпками и вёдрами, намывая полы после «пришельцев с танкодрома». Но ничто не могло помешать их мертвецкому сну. Тимофеев потёр свои покрасневшие глаза. «Окулисту бы показаться, – подумал он, – а то так глаза болят, что такие вот кошмарики даже соснил». Однако, как и многие другие, он боялся медиков за их способность «забраковать» по здоровью любого, да и всё на что была способна училищная санчасть, это на зелёнку, да тетрациклин, розовыми таблетками которого она щедро кормила своих пациентов так, что каждый здесь побывавший вскоре мог смело считать себя «нехилым врачом», ибо как и кого лечить, всем давно уж было ясно, как день божий. Впрочем, ещё вчера, на первых курсах, и эту медпомощь получить было весьма сложно, ибо, чтобы попасть в санчасть, нужно было ещё заработать особое благоволение «замка» и «комода», что было делом не из лёгких, особенно для таких ерепенистых, как Тимофеев. Благо уже шёл третий курс! Но всё же! Тимофеев положил на глаза мокрое вафельное полотенце. Так казалось было легче, и словно полетел в пропасть, дёрнулся от испуга падения, разбудив себя на миг, и снова продолжил падение в лабиринты сна...

## Сон Тимофеева

Тимофеев оказался в солнечном городе. Вокруг били фонтаны. Налитые яблоки оттягивали ветви яблонь. Два человека буйно праздновали что-то. Явно друзья.

– Нурсултан! Ты мой друг!

– Борис, я так же дорожу нашей дружбой!

Борис весело пошатывался на ногах. Влад потянулся за яблоком, но ветка отломалась и рухнула вниз.

– Ты кто? – человек, которого называли Борисом, налитыми алкоголем глазами уставился на Влада.

– Курсант Тимофеев! – бодро отрапортовал Влад, узнавая в лице напротив знакомое лицо новоиспечённого кандидата в члены Политбюро, которое он сам клеил на днях в ленинской комнате где-то в самом низу доски среди множества других портретов. Скандальный такой кандидат в члены Политбюро. Вечно он с Горбачёвым спорит. И всё делает не так, как

другие. Например, в обычной очереди за колбасой постоять любит, призывает за отказ от привилегий, и всякое тому подобное. Как там его фамилия?! Влад напряг память, перебирая заученные фамилии кандидатов в члены Политбюро. Алиев, Воротников, Соломенков... Громыко... Лигачёв... Зайков... Кунаев... Шеварнадзе... стыдно, но концовка Тимофееву не шла на ум. Стыдно для коммуниста, да ещё и будущего политработника! Тимофееву казалось, что после той оказии на танкодроме он забыл многое, не то, что бы стёрлось всё совсем, но как-то всё перемешалось.словно весь мир в памяти его головы подробиился на маленькие кусочки, и лежит винегретом в его мозгу, выстраиваясь, время от времени в причудливый калейдоскоп событий и фактов, теряя, при этом, его отдельные реалистичные детали, но открывая новые, доселе затемнённые ирреалистичные ракурсы.

– Ты что здесь делаешь?

– Нахожусь в увольнении! – первое, что пришло на ум, отрапортовал курсант Тимофеев.

– Маладе-е-ец! А паспорт есть? – произнёс последний по списку член Политбюро, дыша парами алкоголя.

«Странно, – подумал Тимофеев, – в стране «Сухой Закон», а он... может, не поэтому ли Горбачёв его недолюбливает?.. Может он «залетел» на пьянке?..» – думал он наивно, – «тогда как то легко отделался. Другие вон, на водке из партии повывлетали, да сидят по дырам с «волчьими билетами» вместо партийных. Полный пипец жизни, карьере, мечтам и всему-всему. Практически, люди в социальной коме. А этот...»

– Паспорт, сынок, есть? – член Политбюро снова обдал курсанта парами алкоголя.

– Паспорта нет. Ведь я курсант. Вот – военный билет! – Влад похлопал себя по груди, пытаясь нащупать документы во внутренних нагрудных карманах. – Вот!

Кандидат в члены Политбюро взял документ в красной корочке, и размашисто написал: «Объявляю благодарность! Президент Российской Федерации...». И это прямо на первой странице!

– Мой брат спешит куда-то? – сузил чёрные глаза его собеседник. – Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь!

Влад, сунув военный билет назад в нагрудный карман, поплыл снова вверх, куда-то в кроны пирамидальных тополей. «Высокие» собеседники внизу не обращали на него ни какого внимания.

– Борис! Мишка – дурак. Его американцы купили за дёшево. Интересно только, он и сам верит в то, что говорит? Но главное то, что при нём мы стали богаче, – говорил какой-то появившийся неясно откуда толстяк. Шлёпая губами, он напоминал Гайдаровского «мальчиша-плохиша».

– Ну-у-у. Да-а-а. М-м-м. И-и-и-и что? Я не должен с ним бороться м-м-м?.. Его время закончилось, а на-а-ше только начина-а-ется! М-м-м... – кандидат в члены политбюро замычал и уставился на толстяка.

– Мы взяли то, что можно было взять! Но нужно помнить, его убрать с дороги мы сможем не раньше, чем через полгода, когда мы доведём народ до революционной ситуации, как Вова Ленин учил! – толстяк громко закашлял, поперхнувшись. И продолжил.

– Когда народу будет уже нечего терять кроме своих цепей. Народ его уже ненавидит. И это хорошо!.. Мы это используем. Он своё уже отработал.

– Только вот что американцы скажут?

– А Америка нас поддержит!.. Я ж говорю, для них он уже «отработанный ресурс». Его миссия истекает. Теперь наш выход на политическую сцену.

– Ладно, иди! Мы с Нурсултаном щас... – он размашисто взмахнул рукой, пошатываясь.

Когда толстяк удалился, Кандидат в члены Политбюро наполнил свой бокал, подошёл ближе к товарищу, с казахским «прищуром» глаз, и почти шёпотом заговорил:

– Дурачье! Уберём Мишку прям щас, и нам конец. Голодный народ всё у нас отберёт! Хорошо, если ещё не порешат!

– Сіздікі жөн<sup>76</sup>

Он сделал длинную паузу... И добавил:

– Бізбен бірге түстікке<sup>77</sup>.

– Ықыласпен! Ықыласпен!..<sup>78</sup>

Влад, услышав тарабарщину, потерял интерес и прилёг на невесть откуда появившуюся кровать. Декорации вокруг сменились как-то незаметно...

\* \* \*

– Говорила я тебе, Мишенька, Бориску пороть надо было, пока поперёк лавки лежал, – услышал Тимофеев женский голос рядом, – а ты только: «Борис, ты не прав!» И только! Это всё не без его рук дело! Он по-восточному хитёр! Гораздо хитрее других! А теперь ты будешь его же и просить спасти нас... А эти старые пни повелись! Их, маразматиков-путчистов, теперь же и пересажают всех до единого, или, того хуже перебьют! И ведь и наша жизнь на волоске. Как карта ляжет, так и будет. Ведь мы здесь и повлиять-то ни на что не в силах. Остаётся только ждать и надеяться на милость этих гэкэчепистов. Да и Бориске я не доверяю. Любые инсценировки возможны.

Тимофеев увидел лежащую рядом с собой женщину в годах, с мокрым полотенцем на голове.

На тумбочке лежала ветка кипариса и ракушка.

– Миша! Что теперь? Я боюсь! Подай валидол...

Влад повертел вокруг головой, привстал, ища глазами Мишу.

– Да вот, он, валидол, Мишенька. Не там ищешь.

Влад перестал крутить головой и посмотрел на себя в неподалёку висевшее зеркало.

Увидев себя, Влад заорал:

– Что с моим лицом! Что с моей головой!

И, прикрыв ладонью большое пятно на лбу, подскочил с кровати.

«Наверное, обжёг, когда горел в БМП, – пришло первое ему на ум, – а эта странная женщина!.. На кого-то она мне похожа!?» – Влад вылетел из комнаты прямо в окно...

Исчезли кипарисы за окном. Вокруг снова были пятиэтажные коробки домов...

– Нужно создавать отряды самообороны! Нужно раздать всем на площади оружие! – кричал толстяк, похожий на мальчиша– плохиша, подгоняя грузовики, гружённые «Калашами»<sup>79</sup>...

---

<sup>76</sup> Вы правы. Каз.

<sup>77</sup> Оставайтесь, пожалуйста, на обед

<sup>78</sup> Мой друг! С удовольствием!

<sup>79</sup> Автоматы Калашникова

## 1.28 (84.) Прошлое. Люба. Детство

### 1984 г. Бердичев. Украина

– Любка, почему дома не убрано? – Буркнул усатый мужчина в военной форме с эмблемами танкиста шестнадцатилетней девочке, едва отворив дверь.

– Я только что пришла из школы, ещё не успела, – Люба, понуриив голову, поспешила куда-то юркнуть подальше от отчима.

– Костя, сынок, ты проголодался? Мой руки, пойдем на кухню! – он ласково погладил по голове десятилетнего мальчика, который вошёл в дом вместе с отцом.

Глаза мальчика радостно блестели. На щеках был здоровый румянец.

– Любка! Накрывай на стол! – крикнул отец в комнату, куда юркнула девочка. И, вдобавок, буркнул себе под нос. – Что за оторва растёт! Ни какого порядка в доме. Полная беспоточь, – и про себя подумал, – «только и может, что огрызаться. Здоровая уже девка вымахала, а проку в доме никакого. Одни убытки и разорение для семейного бюджета. Шмотки то всё круче и круче покупай, а отдачи-то ни какой».

*(Этот усатый мужчина слыл вокруг как добропорядочный семьянин. Положительный в быту, заботливый муж, хороший служака. Любе было меньше года, когда он женился на её матери. Все вокруг смотрели на него с должным уважением, за сей подвиг. Ведь не каждый способен на такую жертву. Взять в жёны женщину с «привеском». Но Валентин был не из тех, кого останавливают такие мелкие препятствия. Он и сам гордился собой и своим «благородным» поступком. Дочка была хоть и не родная, но он с должной отцу заботой относился к девочке. Покупал ей всё, что нужно, купаясь в лучах благодарности своей любимой супруги. Из девочки он решил вырастить дочь, за которую он смог бы гордиться. Поведение, которое в обществе могло бы принести ему ещё большее почтение. Будучи человеком отчасти – успешным, отчасти – тщеславным и даже несколько эгоистичным, он мало интересовался внутренним содержанием людей, его окружающих. Хоть Валентин сразу и не был Любе плохим отцом, но только до той поры, пока не появился его собственный сын, её брат, на рождениии которого он категорически настоял. Итак, через пять лет, когда на свет появился его собственный сын, Валентин назвал его Костей, в честь своего отца, или, в обиходе, Костяем. Появление на свет маленькой собственной генетической копии, изменило Валентина. По крайней мере, открыло в нём неведомые ранее для него самого свойства. Он не мог более любить своих двоих детей на равных. Сын получал больше внимания и не только от того, что он был младшим. Разумность и рассудительность, свойственные Валентину раньше в его отношениях с его приёмной дочкой, сменялись порой полным безрассудством и чрезмерностью в отношениях с сыном. Ранее «вредный для здоровья» шоколад, теперь покупался практически в неограниченных объёмах. «Вредные» для психики ребёнка взрослые посиделки, от которых всегда отстранялась Люба, теперь проходили всегда в присутствии Кости, который никогда не оставался дома один...*

– Не можем же мы оставить малыша одного, – говаривал он жене.

– Почему одного. Люба может за ним присмотреть, – отвечала супруга порой.

– Оставить Костю на кого, на Любку!? Да ты в своём уме?! Она сама ещё ребёнок! И при том совершенно безответственный!

На самом деле, он просто слишком гордился своим сыном, что нельзя было сказать о дочери. А так же тем фактом, что он вот не «бракодел». Сын, как-никак у него! Да ещё и его копия! Отец делал тайные подарки и угощения сыну: «Кушай, сынок, яблочко. Это тебе лично, с Любкой не делись!»

*Братишка, конечно, любил свою сестру. Делился украдкой от отца. Но каково ей это было осознавать! Любка же всегда была «безответственным ребёнком», когда это было выгодно отчиму, и «довольно взрослой девицей» во всех остальных случаях. Он никогда так и не загордился падчерицей. Тем паче, что она всегда, так или иначе, напоминала ему и окружающим лицо того, кто «сорвал его плод первым». Так что с собой в люди её брали редко. Зато дома по хозяйству, да в образе няньки для брата, которого она, в общем-то, несмотря ни на что, любила, ей доставалось по полной.*

*Брат же, несмотря ни на что, любил и уважал свою сестру. Которая, во многом, являлась для него достойным объектом для подражания. Он иногда порывался её защищать и часто был не против ей помочь. Но порой эти поползновения пресекались отцом.*

*– Сынок. Пойди. Помоги сестре! – говорила иногда мать.*

*– Не мужское это дело, – вмешивался отец, – да и вообще, мы собираемся на рыбалку. Нам некогда!*

*К приёмной дочери отец был совершенно беспристрастен. Строг и требователен. А сыну потакал во всём. Понимал ли он сам того!? Может да, а скорее даже и нет. Ибо шло это из глубины его мужского животного начала. С которым он, неразумный самец-«гомосапиенса» справиться был не в силах. Недаром в природе новый вожак стаи, например, обезьян – самец убивает всех детёнышей предшественников! Природа! Против неё не попрёшь! В этом смысле он, Валентин, был ещё очень прекрасным отцом, в сравнении со своими дикими предками, по неоднозначной версии Дарвина!..*

*(Просто он вообще слабо понимал, что означает понятие «воспитывать ребёнка». Его также никто никогда не воспитывал. И он лишь тупо копировал известную ему модель обращения родителей и детей, когда дети растут подобно овощам на грядке. Одеты? Накормлены? – Ну, и, слава Богу! Единственное, о чём он ещё помнил, так это о необходимых для подростков контроле и запретах. Но едва ли был способен, на какие бы то ни было воспитательные беседы, обмен жизненным опытом. Дочь он готов был бы вообще сплавить, куда подальше, едва ли понимая, насколько это сложно для юной незрелой девочки, жить вне дома. Как ей сложно сохраниться самой и сохранить свою невинность, не озлобиться на мир, не очерстветь, не замкнуться или не пойти по рукам! Что может быть лучше, в особенности для девочки, чем жить в родительском доме до самого момента замужества, которое чем быстрее случится, тем лучше. Тем меньше ей придётся падать, совершать ошибок и пополнять совершенно нелестную для девушки коллекцию «бывших», «нагуливаясь». Истоющая свой «сосуд» любви, наполняя его цинизмом и прожжённой. Не стоит девушкам «нагуливаться». Ибо многие загуливаются и после не в силах выпутаться из этих пут грязи. Что ценнее имеют девушки, кроме своей юности и чести? Так к чему это растрчивать впустую? Так что чем раньше случится брак по любви, тем лучше. И не стоит этому препятствовать!)*

Итак, при всём низком педагогическом уровне родителей, в доме благодаря отчиму, господствовал принцип «двойных стандартов» в отношении детей. Мать расстраивало всё это. Но она была не в силах изменить положение дел значительным образом. В общем-то, с другой стороны, никто её дочь вовсе не третировал. Просто растил в допустимых рамках строгости. Строгости и требовательности, значение и смысл которых можно было легко обосновать и оправдать безусловной пользой для самой же девочки. То есть, вменить в вину было толком-то и нечего. Заставить же растить в столь же спартанских стандартах своего младшего сына она не могла, да и не хотела. Ведь его она любила не меньше, но, как младшего, даже немножко больше первого ребёнка. Так обычно случается. Ведь с годами в людях просыпаются родительские инстинкты гораздо более сильно. Поэтому большинство старших по возрасту родителей относятся к своим младшим чадам более снисходительно.

Итак, Люба накрыла на стол. Отец с братом сели. Люба – тоже. Ели, молча пережёвывая пищу. Отец прихлёбывал борщ, с легким свистом подсасывая горячий красный ароматный бульон из ложки, с сочным причавкиванием пережёвывая покрасневшую «лапшу» от листьев варёной капусты и мягкую разваренную свекольную «стружку».

– Любка, послушай. Дочка нашего зампотеха<sup>80</sup> выучилась на фельдшерицу, получила прапорщицкие пагоны и укатила на Дальний Восток. Там платят больше, да и перспективы более радужные. А, что думаешь? Мож и тебе об этом подумать? – он снова отхлебнул, положил ложку, достал рукой аппетитное ребро из тарелки, жадно снял зубами ароматное разваристое мясо, откусил душистый зубчик чеснока...

– Любка! Подай хлеб! И чё молчишь? Это была бы для тебя отличная возможность! Куда тебя ещё пристроить-то, в ум не возьму! – продолжал он полным ртом.

Костя смотрел выпученными глазами полными удивления то на отца, то на сестру, лениво ковыряясь ложкой в тарелке.

– Я не знаю, – наконец вымолвила Люба, – мо-о-жно, как скажешь.

Ей было всё равно куда уехать и с чем и кем связать свою жизнь. Перспектива быть подальше от семьи, её менее расстраивала, а скорее даже и радовала. По крайней мере, это был в действительности её шанс на собственное место под солнцем, не зависящим от её отчима. Валентин же просто мечтал снять с себя поскорее кандалы, мешающие ему, наконец, почувствовать себя свободным от лишних обязательств. Да и лишнее пространство в довольно тесной квартире так же никогда не помешало бы!

– Ну, вот и славненько! Любаша, не забудь убрать со стола! – сытый отчим, удовлетворённый согласием падчерицы, опрокинул в завершение стакан тёмного наваристого компота, выплюнул сливовую косточку, потянулся, поковырялся в зубах, погладил живот и вышел из кухни, сыто отрыгивая обильную мясо-чесночную смесь из самых глубин своей грешной души...

---

<sup>80</sup> замкомандира по технический, а вовсе не по «потешной» части

## 1.29 (87.10.10.) «Забава»

### Октябрь 1987 г. Ружомберок Забава в д. Ликавка

Словацкая Забава. Некая местная диковинка. В отличие от традиционных в Союзе танцев и дискотек, словацкая Забава начинаясь с первыми сумерками, завершалась ближе к рассвету. Здесь продавали нагретое вино в горячих бутылках. Белое и красное. Местная молодёжь «зажигала» весело до полуночи под современные популярные мелодии, а после переходила на местные фольклорные танцы, больше напоминающие какие-то «польки-бабочки».

Лейтенанты, облаченные в «гражданку», всё равно угадывались на общем фоне, выделяясь своей избыточной «джинсовостью».

*(«Гражданка» – некий набор одежды, позволявший военным сливаться с населением, своего рода «масхалат», обычно служила кое-какой маскировкой лишь для самих военных, гражданские же, обычно, легко угадывали происхождение их обладателей. Так как эти одежды нередко были неудачно подобраны или не отражали местные традиции и актуальные веяния современных мод. «Гражданка» нередко «занималась» военными друг у друга. Даже те из них, кто слыл в прошлом, на гражданской, в своей округе модником, в конкретном месте, да спустя время, мог уже смотреться как полный лох. А здесь, в стране «социалистического изобилия», лейтенанты выбирали исключительно те вещи, которые казались им дефицитными в Союзе. «Варёнки», «кроссы» и тому подобное, ну не лохи же они, покупать там всякие чмошные костюмчики, типа тех, школьных, кои донашивали до дыр от безысходности многие советские парни! Оттого-то здесь и выглядели наши летёхи ну слишком уж модно, слишком уж «по-современному», выделяясь на фоне более скромно одетых словаков.)*

В этот вечер в их комнату заглянул сосед почти такой же зелёный, чуток старше, двадцатидвухлетний лейтенант Мамука.

– Братцы, а валим на Забаву в Ликавку прям щас?!

– А давай! – те не заставили себя долго уговаривать...

В «забавном» помещении было весьма забавно и вполне весело. Толпы словацкой молодёжи. Офицеры в «гражданке» нерешительно озирались по сторонам.

– Наших, вроде, нет больше, кроме нас, – Майер внимательно обвёл взглядом вокруг.

– Слушайте, вообще странно как-то, что женатики с нами на забавы не ходят! – вдруг произнёс Тимофеев.

– Не то слово, они вообще с холостяками не общаются, – поддержал Майер.

– Всэ, пока в общаге живут, нормальные, а как толка жоны приезжают, то всо! – Мамука развёл руками.

*(Действительно, женатые предпочитали не общаться с холостяками. Это было словно негласное правило здесь. Видимо, мужья боялись за своих жён. Да и сами чувствовали себя дискомфортно в такой ситуации, когда на фоне остывающей страсти между супругами, вдруг, появляется молодой и совершенно свободный соперник, который, по определению, всегда становится объектом повышенного внимания со стороны всего женского окружения. Самым же неинтересным местом здесь всегда становится женатый мужчина. Как может он, «инертный», конкурировать со «свободным радикалом»? Будучи не свободным, он не интересен даже для лёгкого флирта, ни другим женищинам, не желающим оспаривать статус его жены, ни его собственной жене, подсознательно более увлекаю-*

*щейся скрытым флиртом, порой даже не замечая того, с вдруг появившемся в её покоех холостяком. Такова природа! А кроме, мало ли здесь злых языков, мгновенно разносящих, раздутую до состояния слона, новость, ведь и глаз здесь так же не мало, чтобы не подметить малейший проступок. Так что женатики тут были отдельно, холостяки – отдельно.)*

Наши герои здесь в этот раз были единственные «советские представители». А вокруг – толпы словацкой молодёжи. А главное – милые девушки с пушистыми пружинистыми начёсами волос! Владислав приблизился к одной из них и, одновременно с лёгким кивком головы, протянул руку, приглашая её на танец. Она, поколебавшись несколько секунд, положила свои хрупкие холодные пальчики в его широкую тёплую ладонь. Они прошли вглубь зала. Владислав аккуратно прикоснулся к её талии.

– Влад... – лейтенант уловил нотки удивления во взгляде девушки и пояснил, – это моё имя, меня зовут Влад, – лейтенант млел, обволакиваемый её нежным запахом, дурманящем его разум.

– Мирослава, – ответила девушка, и лёгкий румянец проступил на её щеках.

Он нежно и бережно «танцевал» девушку, как хрустальный сосуд, с упоением, снова и снова, говорил ей что-то на ушко, она лишь мягко улыбалась ему в ответ...

– Всетко, я иду до домов, – по окончании третьего подряд «медляка» девушка как-то вдруг обмякла, выскользая из его рук.

– Могу ли я тебя проводить? – спросил полный романтики Тимофеев.

– Нэ можна! – это звучало как полный облом!

Тимофеев лишь удивлённо поднял брови.

– Прэпачь, нэ можна. Так, – отрезала девушка и, как бы извиняясь, пожала плечами.

– Почему «так»?

– Так. Ты добри хлопчик, але ты рус! Нэ можна, – девушка опустила глаза, как бы стыдясь собственных слов, и растворилась в толпе подруг. Стоявшие неподалёку словацкие парни ехидно улыбались лейтенанту.

– Мы что, прокажённые, что ли? – задал Тимофеев вопрос, непонятно кому именно адресуя, – или они с нашим парторгом заодно?

– Тимофеев! Держи стакан шире! – Мамука вылез из толкучки словаков, где у стойки, напоминающей толкучливый гардероб, продавали спиртное. В руках он держал мокрую горячую бутылку вина, в которой плавало что-то наподобие чайнок. Они разлили горячее вино по стаканам.

– Ну, за всё хорошее!

Тёплые волны алкоголя бежали по молодым жилам. Всюду шло веселье, на которое лейтенанты взирали как бы со стороны.

– Чужие мы здесь. До чего чужи-и-е! – Тимофеев допил стакан до конца, – пошли до «домов»<sup>81</sup>!

– Чё так? – удивился Майер.

– Прикинь, чё она мне сказала! Ты, мол, ничего, но не могу с тобой встречаться «але ты рус»!

– Нэ лубят местные бабы нас, русов! – Мамука зевнул и продекламировал. – А ты ушла, лубви нэ понымая, обиду в сэрдце затая, так пуст тэбя ... того... собака злая, а нэ такой арёл, как Я!

– Да, пошли они все ... «до домов»... ёшкин кот!.. – Майер взял тёплую бутылку с вином и разлил по стаканам...

---

<sup>81</sup> на словацкий манер

Едва они, разочарованные «обломной» забавой, да разогретые горячим словацким вином, пришли в общагу, как на пороге появился Васька прапорщик. Его куртка была порезана. На руке – кровь.

– Васька, кто это тэбя так? – вытянул губы Мамука.

– Вьетнамцы, суки, порезали! – зло сплюнул Васька. – В общагу ходил к ним. Хотел часы купить.

– Что-о-о! Наших бьют?! – хмельная кровь ударила в головы горячим лейтенантам.

Через несколько минут, они, раззадориваясь на ходу, вчетвером шли на целую общагу вьетнамцев войной. Войной благородной, по их пониманию, ибо это было актом возмездия, кровной мести, за совершенные бесчинства по отношению к их сослуживцу.

Они помнили опыт подобных разборок в период своей курсантской юности...

## Прошлое НВВПОУ

Тимофеев тогда был в увольнении «за отличную стрельбу из гранатомёта во время батальонных учений с боевой стрельбой». Дело шло к вечеру. Он ждал на остановке свой автобус, спеша в родное училище на вечернюю проверку. Тут появился патлатый блатной тип из соседней общаги.

– Чё, курсант, офицером будешь, да-а?

– Ну, буду, и что?

– Будешь солдат гонять? Мать твою! – выругался он.

– Рот закрой! – Тимофеев сжал челюсти.

Патлатый махнул рукой. Тут же появилось ещё несколько, потирая кулаки...

На поверку Тимофеев тогда опоздал... хорошо вообще живой вернулся. В роте однокашники думали не долго. План возмездия родился не то что быстро, а очень быстро. Дело всё в том, что на эту гражданскую общагу свой «зуб» сам старшина уже давно имел.

«Боевая операция» была совершена очень организованно под командованием старшины, силами добровольцев. Даже на КПП никто ничего не заподозрил, выпустил организованно топающее подразделение, с песнями промаршировавшее по Академу к самому «логову». Злополучная общага была окружена силами двух взводов, два других с разных сторон вломились в общагу в поисках обидчиков и... «Пусть паскуды хреновы, знают, что значит Наших бить!»...

## Октябрь 1987 г. Ружомберок

Лейтенанты приблизились к «логову неприятеля». Тимофеев высадил пинком входную дверь в длинное барачное помещение двухэтажной постройки, являющейся местом компактного коллективного проживания десятка, если не сотен, выходцев далёкого тёплого Вьетнама.

Лейтенанты ворвались внутрь... Однако, словно по команде, все двери в комнаты на первом этаже захлопнулись. А толпа мелких щуплых загорелых обитателей, некоторые с палками, нерешительно кучковались на лестничной клетке, ведущей на второй этаж. При приближении рослых русских парней, они вставляли в смешные угрожающие стойки, однако вскоре же, ретируясь, пятились вверх по ступеням, подобно стае бандерлогов из мультика про Маугли.

Немного пошумев на первом этаже, удовлетворившись наведённым в общаге «шухером», наши «герои-мстители» вывалились на улицу. Однако тут их ждал сюрприз. Эти

выходцы «далёкого тёплого Вьетнама», ещё хранили в себе память тех далёких дней американской агрессии и выработанного чувства коллективизма, как залога выживания.

Из открытых окон второго этажа на лейтенантов обрушился шквал из пустых бутылок. Они было стали подымать их и швырять назад...

– Бросьте! Бежим! – крикнул кто-то из них, более резонный, в этой неразберихе.

Из-за угла дома вдогонку вылетела толпа вооружённых палками вьетнамцев. Хлопцы кинулись наутёк, перепрыгивая лихо препятствия на пути.

– Я так ещё никогда в жизни ещё не бегал! – признался Майер, тяжело переводя дыхание, когда коротконогая стая вьетнамцев отстала, изрыгая яростные проклятия вслед и тряся палками...

– А я подумал уже, что всё, хана нам пришла, – Тимофеев сплюнул.

– Эх, Васка-Васка! – Мамука хлопнул прапорщика Ваську по спине. – Всё равно мы... а! – он махнул рукой, не найдя нужных слов, что бы выразить своё разочарование от случившегося...

Да, уж! Такое вот совершенно неразумное ребячество. Ребячество, граничащее с серьёзным проступком, если не шагом к преступлению закона, способным повлечь слишком серьёзные последствия, не совместимые с обликом коммуниста, советского офицера, да и просто нормального современного человека, с другой-то стороны, как кто-то обязательно скажет. А с одной из сторон, где находились наши герои, им был всё же не ведом иной способ обуздания буйных нравов неразумных «Хазар»!.. Лишь чувство коллективной ответственности друг за друга, толкнуло их на этот безрассудный поступок. Им было жаль одного, что это тебе не училище, не подымешь роту «на бой праведный». Кто тут рассудит, где же она абсолютная истина? Да нет её, попросту. Тут уж с какой стороны посмотреть, что важнее, постоять за сотоварища, что бы и как там ни было, следуя инстинкту сохранения и выживании «своего» социума, либо, следуя принципам эгоистической «объективности», не вмешиваться в «чужие дела», по восстановлению «статус-кво». Но если ты этого не станешь делать, что же завтра может случиться с тобой самим? Что, если никто из «своих» не вступится за тебя? Но часто так и бывает. Ибо, дабы не вмешиваться, эгоисты предпочитают найти поводы, что бы лучше обвинить вас, типа, «он сам был виноват», или что-то в этом роде... Но сколько людей, столько и мнений и каждый оправдывает именно свой поступок или даже проступок, а порой и подлое малодушие и даже преступление.

## 1.30 (87.10.10.) Самосожжение

### Сентябрь 1987 г. Ружомберок Офицерская общага

*Прага, я не могу на твоём не споткнуться пороге:  
Здесь брусчатка, как реквием, скорбно звучит под ногой...  
Чешский мальчик горел, а у нас проступали ожоги,  
Будто Ян – это я, это я, а не кто-то другой...*

*Поэт Ольга Бешенковская (1947–2006)*

После «обломной» забавы и шального «штурма» вьетнамского общежития, лейтенанты спали в обнимку как обычно со своими дорогими перьевыми подушками, заботливо выданными им КЭЧем<sup>82</sup>.

### Сон Тимофеева

Тимофеев шагал по городу, опьянённый всем тем, что его окружало!

«Dvadsať rokov a je rogučík», – эта ранее отпущенная ему фраза благозвонно отстукивалась в его черепе, наполняя оный гордостью за себя, такого юного, но уже «целого поручика». Такая интерпретация его лейтенантского звания на «белогвардейский манер» ему даже льстила. Тем паче, что они, советские офицеры 80-х, где-то подсознательно отождествляли себя с дореволюционными белыми офицерами... Зимний воздух наполнял легкие бодрящей свежестью. Было безумно хорошо и юная плоть словно хотела выскочить наружу из лейтенанта, придавая его походке подпружиненность.

Увидев уже знакомую «реставрацию», Тимофеев зашёл внутрь заведения, приятно наполненного уже знакомым запахом свежего пива, копчёного сыра и чем-то ещё, трудно определимым, но вполне приятным. За чистыми столами, накрытыми белоснежными скатертями, оживлённо и громко разговаривали разные люди. Едва ли он хотел пива, которое если и пил, то делал это исключительно машинально, или за компанию, сейчас он скорее желал просто чего-то перекусить. И вскоре ему принесли кнедлики из теста с пареными кусочками говядины, залитые коричневым соусом и бокал пенистого ароматного пива. Тимофеев не любил эти самые «кнедлики», напоминающие просто куски белого пареного хлеба без корочки. Но они сытно набивали голодный лейтенантский желудок. Он ел почти не чувствуя вкуса. Вскоре тарелка была пуста. Последним кусочком кнедлика, наколотого на вилку, Тимофеев аккуратно вымакал остатки ароматного коричневого соуса в тарелке, который любил лишь с голодухи, положил в рот. Рука машинально потянулась за привычным компотом, но, отхлебнув горького ароматного пива вместо, лейтенант поморщился.

– Nelíbí československé pivo?<sup>83</sup> – услышал он сзади.

Обернулся. Это был светловолосый юноша.

– Na, vezmite si ju<sup>84</sup>, – он протянул ему какой-то свёрток.

– Pošlite mi ju domov, onde Pošta.

Тимофеев обернулся и, увидев вдали почтамт, всё понял,

<sup>82</sup> Квартирно-эксплуатационной частью

<sup>83</sup> не нравится чехословацкое пиво?

<sup>84</sup> возьмите это

– Ты кцеш, чтобы я все эти твои паперы отправил почтой?

– Tak, áno.

– А чё, ты сам не можешь? Что это ещё за бред?

– Nemohu, moje guse jsou zaprázdňené, – молодой человек поставил на мостовую пластиковую бутылку, от которой несло бензином.

– Чего-о-о-о? А-а-а-а, руки, говоришь, заняты? Так, что ли?

Молодой человек кивнул головой, взял пластиковую бутылку, и неторопливо посеял на середину площади, вдруг остановился, показал Тимофееву фигу, и облил себя.

– Во, больной! – Тимофеев повертел в руках бумажки, сунутые парнем, хотел выбросить, но, не найдя мусорки по близости, сунул в полевую сумку. В следующий момент бегущий по мостовой к тротуару факел человеческой фигуры привлёк его внимание.

– Во, чёрт! Точно больной! – Тимофеев кинулся факелу наперерез, снимая на ходу шинель.

Прохожие глазели на происходящее, оцепенев от ужаса. Парень пытался сбить с себя пламя, размахивал руками, затем, споткнувшись или потеряв сознание, рухнул. Тимофеев кинулся к нему. Каждое движение давалось с трудом, словно пространства вокруг было наполнено гелем, и, накинув на него свою шинель, он сбил пламя. Из-под шинели валил густой едкий дым, запах палёного человеческого тела противно проникал в ноздри. Обгоревшая одежда паренька приварилась к его коже, представлявшей кровавое месиво. Парень тяжело дышал.

– Тебе больно? Зачем ты это сделал? – Тимофеев стоял перед ним, опустившись на колено. Парень молча смотрел на советского лейтенанта.

– Сколько тебе рокив? – Тимофеев хотел машинально взять парня за кисть, но, поняв, что доставит ему этим боль, одернул руку.

– Dvadsať, – паренёк буквально выдохнул и, скривившись, заплакал.

– Двадцать!? Яки и мне! А яко севилаш? – спросил Тимофеев его имя.

– Jan, Jan Palach,

– Держись, Ян! Але всё будет добре!

Вокруг суетились люди, уже был слышен рёв сигналов скорой помощи.

– Nechcem, Nechcem umriet'. Nechcem, aby na niekoho iného zomrel, – хриплым, полным отчаяния в голосе выговорил мальчишка.

– Держись! Только не умирай! Псих ты сумасшедший! Точно больной на голову! Вот чёрт!

Тимофеева оттеснили люди в белых халатах и всё вокруг наполнилось людьми, которые потащили корчащегося от боли юношу как крест по площади, что-то скандируя... Юноша пытался им возразить, но его никто не слышал...

Раздался странный сухой треск сирены...

Тимофеев подскочил с кровати и стукнул разрывающийся в своей истерике будильник...

«Ну и соснил!» – Тимофеев вытер лоб.

## 1.31 (87.07.) Прошлое. Свободный билет

### Июль 1987 г. ТуркВО<sup>85</sup> Алма-Ата Выпуск АВОКУ<sup>86</sup>

– Почём дыни? – лейтенант-выпускник Алма-Атинского Высшего Военного Общевоинского Училища Александр Майер с наслаждением втянул в себя божественный аромат, наполнявший проспект Абая<sup>87</sup>.

Продавец высунулся из-за «дынной» горы.

– Выбирай, командир! Договоримся! – немолодой казах, со знанием дела, стал вытаскивать жёлтые с трещинами овалы узбекских<sup>88</sup> дынь, проверяя их спелость на ощупь.

Первая офицерская покупка! Александр сунул в карман парадного галифе сдачу, бросил в сетку две жёлтые красавицы. Неплохой подарок из солнечной Алма-Аты!..

Александр, голубоглазый крепкого телосложения алмаатинец, здесь не сильно выделялся своей славянской внешностью. Такого вида как он «коренных алмаатинцев» сейчас, в восьмидесятые, здесь большинство. Что скажешь, старый русский казачий город-крепость «Верный», переименованные позднее в «Отца Яблок» – «Алма-Ату»<sup>89</sup>, притягивал к себе многие годы Советской Властью людей со всей «необъятной»!..

<sup>85</sup> Туркестанский Военный Округ

<sup>86</sup> Алма-Атинское высшее общевоинское командное училище имени Маршала Советского Союза И.С. Конева, в шутку именуемое в «народе» «школой красных батыров».

<sup>87</sup> Абай Кунанбаев (1845–1904 гг.) казахский поэт, философ, композитор, просветитель, мыслитель, общественный деятель, основоположник казахской письменной литературы и её первый классик, реформатор культуры в духе сближения с русской и европейской культурой. Автор широко известных «Слов Назидания». Вот некоторые выдержки: «Слово Второе: В детстве я не раз слышал о том, как казахи, увидев узбеков, смеялись над ними: «Ах вы, широкополье, с непонятной трескотнёй, вместо человеческой речи. Вы не оставите на дороге даже охапки перегнившего камыша!.. Потому и имя вам «сарт», что означает громкий треск». Смеялись казахи и над ногами – татарами. «Эй татары, боитесь вы верблюда, верхом на скакуне устаёте, отдыхаете, когда идёте пешком...». Смеялись и над русскими. «Рыжие делают всё, что им взбрёт на ум. Увидев в бескрайней степи юрты, спешат к ним, сломя голову, и верят всему, что им скажут. Просили даже показать «узун-кулак», а попробуй увидеть глазами, как о тебе узнали на другом конце степи...». Я радостно и гордо смеялся. «О, аллах, – думал я в восторге, – никто, оказывается, не сравнится с моим великим народом». Теперь я вижу, что нет растения, которое не выращивал бы сарт... Когда же пришли русские, сарты опять опередили нас, переняв у русских их мастерство... Смотрю на татар... Умеют татары трудиться в поте лица, знают, как нажить богатство и как жить в роскоши. Даже самых избранных наших богачей они выгоняют из дома: «Наш пол сверкает здесь не для того, чтобы ты, казах, наследил на нем грязными сапогами!» О русских же и говорить нечего. Мы не можем сравниться даже с их прислугой. Куда же исчезло наше хвастовство, гордость за свой род, чувство превосходства над нашими соседями? Где мой радостный смех? Слово Третье. ... Великие мудрецы давно заметили: каждый лентяй труслив и безволен; безвольный же человек всегда хвастлив; хвастливый кроме трусливости ещё и глуп; а глупый всегда невежествен и бесчестен. А бесчестный побирается у лентяя, ненасытен, необуздан, бездарен, не желает добра окружающим... Слово двадцать четвёртое. ... Неужто нам суждено вечно быть на ножах друг с другом?.. Или, может быть, настанет день, когда казахи научатся приумножать свои стада честным путём и усвоят искусство и ремесла других народов, когда они овладеют знаниями? Не верится в это, когда видишь, как двести человек зарятся на сто голов скота, и знаешь, что они не успокоятся, пока не уничтожат друг друга. Слово двадцать пятое. ... Нужно овладеть русским языком. У русского народа разум и богатство, развитая наука и высокая культура. Изучение русского языка, учёба в русских школах, овладение русской наукой помогут нам перенять все лучшие качества этого народа, ибо он раньше других разгадал тайны природы... Знать русский язык – значит открыть глаза на мир. Знание чужого языка и культуры делает человека равноправным с этим народом... Русская наука и культура – ключ к осмыслению мира, и, приобретя его, можно намного облегчить жизнь нашего народа... (1894 г.)»

<sup>88</sup> Как уже не первый век повелось, большая часть фруктов и овощей в Казахстан, как и прочих товаров, поступало из более тёплого и благоприятного для сельского хозяйства Узбекистана, славившемся своими древними земледельческими и ремесленными традициями, в отличие от скотоводческих традиций в Казахстане.

<sup>89</sup> В позднее Средневековье в этом районе существовала стоянка тюркских и монгольских кочевников. 4 февраля 1854 года русским правительством было принято решение построить на левом берегу реки, именуемой ныне Малая Алматинка, военное укрепление Заилийское, позднее Верное. 11 апреля 1867 года город Верный стал центром Семиреченской области в составе Туркестанского генерал-губернаторства. 13 июля 1867 г. было учреждено Семиреченское казачье войско. А в 1918

В годы прошедшей войны именно сюда были вывезены многие и многие предприятия из Западных регионов СССР, именно здесь нашли приют многие и многие советские граждане. Они бежали сюда сами, скрываясь от ужасов войны. Кто-то, впоследствии, вернулся в свои родные пенаты, после их освобождения. А кто-то встретил здесь свою судьбу, нашёл здесь свой новый дом навсегда... В период Второй Мировой, в Казахстан было так же выселено множество неблагонадёжных граждан, в том числе немецких семей из западных регионов СССР... По правде, смею предположить, что очень многие советские граждане, убегающие от наступающих фашистских полчищ под бомбёжками и обстрелами, сами бы мечтали быть «депортированными» сюда! Так что некоторым «депортированным», при всём этом негативе, всё же где-то и повезло, если среди двух зол и представляется разглядеть всё же некое благо!.. Ведь что с ними могло бы быть, если бы не... Правда, вряд ли они это примут, ведь история не терпит «сослагательных»! А несчастье таковым и остаётся, невзирая ни на какие «могло бы быть и хуже!..»

Но предки Майера появились в этом гостеприимном городе задолго до этого!<sup>90</sup>

Дедушка Александра Майера по отцовской линии – немецкий коммунист, переехал в Советскую Россию в революционные годы. Он активно боролся с российской «контрреволюцией» и басмачами Средней Азии... Его же бабушка, к тому моменту, можно сказать, была уже давно в Казахстане «местной аборигенкой» не в одном поколении... Его же дедушка по линии матери был из числа немецких военнопленных, после освобождения из лагерей оставшийся в стране не столько по идеологическим соображениям, сколько по воле и зову сердца – любви к русской медсестре из Сибири, решившейся на такой непростой в то время шаг, последовав из Сибири в степи Казахстана, за поверженным бывшим «фашистским оккупантом», после его освобождения, результатом чего и явилась на свет мама Александра... Что ж, тут можно было бы написать не один траги-роман, впрочем, от большего, со счастливым «хэппи-эндом»! Ведь вот он, Александр Майер – достойный потомок своих достойных предков. Стоит тут, блестя золотом офицерских пагон, и ослепляя своей лучезарной улыбкой тёплые, утопающие в листве тополей и цветении роз алма-атинские улицы, обрамленные журчащими арыками, несущими прохладу гор, украшенные восторженными всплесками переливающихся на солнце струй алма-атинских фонтанов.

---

году в Верном была установлена советская власть. Город с областью вошли в состав Туркестанской автономии в составе РСФСР. 5 февраля 1921 года было решено переименовать Верный в Алма-Ату по старинному названию местности: Алматы – «Яблонево». 3 апреля 1927 года из Кызылорды в Алма-Ату перенесена столица Казахской АССР в составе РСФСР.

<sup>90</sup> Первые появления немцев на Руси отмечаются ещё в IX веке. К концу XII века в русских городах уже оседали немецкие купцы, ремесленники, воины, лекари и учёные. Значительное число немцев переселилось в Московское государство в период правления великих князей Ивана III и Василия III – в XV–XVI вв. В период правления Ивана IV Грозного доля немцев в населении городов стала настолько существенной, что во многих из них появились кварталы компактного проживания немецкой диаспоры. Около 90 % немцев России в XVIII–XIX вв. составляют так называемые колонисты. В XVIII же веке по приглашению Екатерины II (манифест от 4 декабря 1762 года) началось переселение немецких крестьян на свободные земли Поволжья и позже Северного Причерноморья – многие из этих крестьянских семей оставались в местах своего первоначального компактного проживания на протяжении более чем полутора столетий, сохраняя немецкий язык. Первая волна миграции, направленная в район Поволжья, прибыла в основном из земель Райнлад, Гессен и Пфальц. Следующий поток эмиграции был вызван манифестом императора Александра I 1804 года. Этот поток колонистов был направлен в район Причерноморья и Кавказа и состоял большей частью из жителей Швабии, в меньшей степени жителей Восточной и Западной Пруссии, Баварии, Мекленбурга, Саксонии, Эльзаса и Бадена, Швейцарии, а также немецких жителей Польши. Наконец, в 1920-е гг. немецкая диаспора в СССР пополнилась некоторым количеством немецких коммунистов, перебравшихся в единственное в мире социалистическое государство. Первые немцы появились на территории современной Республики Казахстан ещё в конце XIX века, когда они начали принимать активное участие во внутрисоветском миграционном движении на многоземельные восточные и южные окраины империи. По данным переписи 1926 года, в Сибири и на Дальнем Востоке проживало 81 тыс. (главным образом в Омском округе – 34,6 тыс., и в Славгородском округе – 31,7 тыс.), в Казахстане – 51 тыс. немцев. С началом Великой Отечественной войны, летом – осенью 1941 года, в Казахстан были депортированы немцы с Украины, из России и Закавказья. Клеймо депортированного, нелегитимного народа, несмотря на то, что около трети немцев, проживающих в Казахстане, были потомками добровольных переселенцев конца XIX века, сохранялось над ними ещё долгое время. Отчасти поэтому в 1979 году провалилась попытка создания Немецкой автономии в Казахстане.

Вход в здание касс «Аэрофлота» был практически заблокирован возбуждённой толпой людей, желающих куда-то улететь, хотя бы в конце этого летнего месяца. Александр, в крепкие руки которого впились ручки от сетки, оттягиваемые двумя увесистыми дынями, быстро оценил обстановку. Сегодня продавали билеты только на месяц вперёд! И никаких вариантов! И тут же принял единственно возможное решение: обогнув здание касс, Александр вытер со лба пот, стекавший из-под фуражки, нашёл маленькую дверцу «заднего хода», потянул липкую ручку на себя. Ему открылся тёмный длинный коридор.

– Где здесь начальник? – Александр решительно посмотрел на случайно проходившую девушку с бронзовой бархатистой кожей, с яркими, слегка раскосыми глазами в обрамлении ресниц-опахал. Красавица! Чудный плод смешения славянской и восточной кровей! Яркое солнце, пробивавшееся из окна кабинета, указанного девицей, сверкнуло на его сапогах сияющим глянецом. Средних лет мужчина оторвал глаза от каких-то бумажек, грудой наваленных на его стол.

– Я слушаю!?! – вопросительно взглянул он на Александра...

«Миша-меченный» внимательно изучал собеседников со стены: «Больше творчества, товарищи! Больше инициативы!...»

\* \* \*

45-го размера сапоги Александра уверенно цокали по горячему асфальту алма-атинской центральной площади, время от времени встречая таких же, как и он молодых красавцев офицеров-выпускников. Было всё ещё упоительно приятно и непривычно ощущать на себе долгожданную офицерскую форму. Было странно видеть во вчерашних мальчишках зрелых мужчин. Как только 4-й курс переделся в офицерскую форму, так все они то ли постарели, то ли повзрослели. Так что сразу и не поверишь, что эти серьёзные мужчины – вчерашние курсанты – разгильдяи, бурые, весёлые, важные четверокурсники, теперь лихо, по «древней традиции», раздавали рубли первым отдавшим им, новоиспечённым лейтенантам, свою курсантскую честь!

Впереди, на фоне гор, возвышалась узористая крыша центральной телестудии, при строительстве которой, когда-то, теперь уже в очень далёком детстве, в школьные годы Александр работал на школьной практике УПК,<sup>91</sup> таская вентиляционные трубы на крышу и стыкуя их при помощи ключа и болтов... За спиной возвышались «башни» двух элитных многоквартирных домов с причудливыми конструкциями на крышах. Александр подошёл к шикарному фонтану в центре столицы, в котором плескалась детвора.

«Как я люблю этот чудесный город!» – подумал Александр.

А в кармане его кителя лежал добытый в «честном бою» «свободный» авиабилет. То есть билет без даты вылета. Так, ерунда... Только факт оплаты за возможный будущий перелёт. Конечно, это только полдела. Теперь нужно ещё вклиниться в какое-то из резервных мест при регистрации в аэропорту, всегда имеющихся «на всякий случай», например, для сотрудников спецслужб, а может и для полезных для кого-то, например, для командира корабля, людей. Молодой, уверенный в себе «защитник отечества», без колебаний причислял себя именно к таким, «очень полезным» людям. Ему уже встречались «неприступные бастионы», но пока ещё ни один не устоял перед его самоуверенным натиском! Час для его «Ватерлоо» пока ещё не пробил!.. Ну, всему своё время... Всему. Своё. Время.

Но разве возможно так идти, никогда не оборачиваясь назад, в своё прошлое, не вспоминая свои плохие поступки, людей, которых обидел... Он задумался, вспомнив Маринку,

---

<sup>91</sup> Учебно-производственный комбинат. Разновидность уроков труда в старших классах, дающий одну из рабочих квалификаций

эту влюблённую в него девчонку-одноклассницу, с которой-таки стал встречаться три года назад. Хорошая это была девушка! До чего хорошая! Как друг, так хорошо его понимавший. Но как ни старался он её полюбить, ничего из этого не вышло. Вернувшись со стажки в Барано-Оренбургском, он, с чувством глубокой душевной боли, всё же поставил на их отношениях крест. Как ни было это горько и больно. Более того, возможно даже подло с его стороны! Это мучило его. Едва он вспоминал полные горечи её глаза...

\* \* \*

Кто виноват, что так случилось,  
Растаял мир надежд и грёз.  
И над любовью воцарилась  
Печаль твоих горячих слёз.  
Кто виноват, что мы не будем  
Встречать рассветы в тишине.  
И что навеки позабудем  
Тот поцелуй, что был как в сне.  
Кто виноват, что ты горюешь,  
Кто виноват, что я молчу?  
Меня ты больше не ревнуешь,  
А я к тебе уж не лечу.  
Прости, родная! Друг мой милый!  
Хотя простить нельзя меня,  
Ты словно голубь, но бескрылый.  
Оставлен мной средь бела дня.  
За что судьба нас разлучила,  
За что тебя я погубил?  
Меня ты искренне любила,  
А я, увы, не полюбил.  
Я говорил: «люблю»,  
Но всё же, не сознавая того, лгал.  
И верил этой лжи. О, боже!  
Ведь я, дитя, в любовь играл!

*Автор В. Земша 1986 г.*

Эти воспоминания тянули его грузом, не давая возможности «лететь». Он отряхнулся, взял себя в руки, что ж! Нас выбирают, мы выбираем, это так часто не совпадает!.. Сейчас же его путь лежал только вперёд!

## 1.32 (86.02.) Прошлое. Русские шинели

### Февраль 1986 г. Новосибирск НВВПОУ Двадцатая рота

*«...Ой, вы, ой вы, русские шинели  
От пролитой крови словно порыжели....!»*

*Строевая песня*

Все годы учёбы здесь давали ясно понять, что это военное училище было создано не для выращивания паркетно-балетных и кабинетных офицеров. Всё оказалось гораздо сложнее, чем казалось со стороны, при просмотре телепередачи «Служу Советскому Союзу».

Одним из важнейших элементов моральной закалки стала сибирская зима. Именно моральной закалки, ибо здесь необходимо было побороть не только мороз физически, но, прежде всего, морально победить самого себя. Свой страх и панику пред этой суровой заснеженной «дамой» – Сибирской Зимой! А для этого, дабы, вероятно, испугать её своей «непоколебимостью», иначе и не придумаешь, шинели разрешали одеть только на зимние полевые занятия и выход в город. Да ещё тогда, когда морозы опускались ниже 20 градусов.

Такова была система «естественного отбора», берегущая заодно шинели, и, готовящая советского «сверхчеловека», способного выжить и победить, где угодно и что бы это ему ни стоило! И это были только «цветочки», вспоминаемые многими в будущем, как лёгкие весёлые дни беззаботной «курсантской юности»...

– Взво-о-од! – рявкнул замок.

Взвод по этой команде перешёл на строевой шаг, скользя подковами сапог по мёрзлой земле...

В этот раз мороз ударил ниже сорока и роту одели в шинели по этому поводу. Уши шапок были подвязаны книзу, дабы не отморозить юные курсантские уши и уберечь щёки. Шмыгая посиневшими носами, взвод мечтал скорее бы добраться до учебного корпуса, двигаясь по рукотворным снежным коридорам с ровными белыми стенами, на создание которых уходило немало, (глядя на замёрзшие туловища, едва ли скажешь «пота»), курсантских усилий, отражение чего проявлялось в виде инея на утомлённых лицах...

*(Эти снежные коридорные сугробы часто служили надёжнейшими «тайниками – холодильниками» для провизии. Они же выполняли роль пепельниц, из которых по весне ежесекундно, как грибы, вылезали подснежниками бычки. По весне – это была просто беда для дневальных!)*

– Пушкар-ё-в! – остаётесь на охране шинелей! – постановил замкомвзвода.

*(Что ж, это была почти почётная миссия. Шанс вздремнуть, т. е. «замочить фазу» в гардеробе на куче из шинелей своих сотоварищей. Увы. Хищение шинелей в чужих подразделениях не считалось зазорным делом. К похищенному у «чужих» имуществу относились как к боевым трофеям.)*

Итак, с долей зависти к приятной участи товарища, оставленного на страже «ротного шинельного добра», остальные ломанулись в учебный класс на «пару» по научному коммунизму, занимать «тёпленькие места» на «галёрке». Полетели шапки вперёд возбуждённых, замёрзших курсантов, занимать местечки своим хозяевам.

Тимофеев метнул полевую сумку, которая удачным метким попаданием, распласталась на последней парте.

– Чёрт! Обурел что ли, студент? – покосился на него Кузнецов,

– Сам такой, комсомолец! – залепил тот встречный оскорбительный штамп обидчику. – Молодец, Влад! – выскочил из толпы Юрка. И Кузнецов ретировался. Через пару минут друзья заняли «галёрку». Возбуждённые курсанты начали успокаиваться, делёжка мест заканчивалась.

– Группа! Встать! Смирно! – прозвучала команда одновременно с вошедшим в класс преподавателем.

Невысокий подполковник, втянув шею в плечи, выслушал рапорт замкомвзвода.

– Вольно! Садись!

Группа села, ёжась, выпуская мороз из тел, который не спешил уходить, медленно вытесняясь теплом, передёргивая тела мурашками, заставлял курсантов то и дело конвульсивно шевелить плечами...

– Как составная часть Марксизма-ленинизма, Научный Коммунизм органически связан с марксистской философией и политической экономией, – преподаватель встал за трибуной. Его монотонный голос, издающий какую-то бессмыслицу, убаюкивал. Веки наливались словно свинцом. И курсанты, как под воздействием гипнотизёра, начинали отрубаться один за другим, кляня носами и вздрагивая, пробуждаясь. Так шла жестокая борьба с «фазой» или «массой». «Фазу» обычно «включали» или «мочили», в то самое время, как «массу» – чаще именно «топили». Таков был жаргон.

– Фазу включил? – Тимофеев пихнул локтём Юрку, видя как тот, продолжая водить ручкой в конспекте, клюёт носом. Такая «фазная паутина» странных записей пестрила во многих курсантских конспектах.

– Та-а-ак. Что тут написано? Ага! Письмо на родину, что ли?

В конспекте были каракули: «Здравствуйте, дорогие мои. У меня всё хорошо. На улице стоит мороз 42 градуса. Отпус...», – далее письмо превращалось в паутину иероглифов, потом – в лекционный конспект, – научный коммунизм органически связан с..... – снова «фазные» узоры..., – переходящие снова в письмо, – в отпуск, наверное, приеду в феврале, или даже в марте...», – далее следовала бесконечная паутина...

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.